

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА И МЕТОДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
«ВАВИЛОН»

г. Астрахань – 2008

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА И МЕТОДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
«ВАВИЛОН»

**ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИКИ,
ЛИНГВОДИДАКТИКИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

Сборник научных трудов по филологии №2 (2)

Астрахань
2008

ББК

**Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом
Астраханского Государственного Университета**

Рецензенты: кандидат филологических наук, АФ УРАО О.А. Зобнина;
кандидат филологических наук АФ ЮРГИ Т.В. Алымова.

Основные вопросы лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации [Текст]:

сборник научных трудов по филологии/отв.ред. Г.В. Рябичкина.- г. Астрахань:
– Астрахань: Издательство: Сорокин Роман Васильевич, 2008. - №2 (2). - 143 с.

Содержит статьи по наиболее актуальным вопросам лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации.

Предназначен для преподавателей филологических дисциплин, аспирантов и студентов.

ISBN

© Издательство Сорокин Роман Васильевич
© Коллектив авторов 2008
© В.Б. Свиридов, дизайн обложки

Содержание.

1. О. А. Александрова Коммуникативно-прагматическая классификация пауз.....	
2. Л.Е. Алексеева Сущность и структура деятельности преподавателя иностранного языка ВУЗа в свете требований компетентностного подхода в образовании.....	
3. Т.Ю. Аникеева Эмили Дикинсон в переводах Александра Величанского.....	
4. Ю.И. Бокатина К вопросу о специфике личностно-ориентированного урока русского языка.....	
5. В.Н. Васильченко Этнофразеологизмы: точки пересечения этнокультуры и этноязыка.....	
6 Т.М. Власова Дискурсные характеристики улыбки.....	
7 М.Б. Дюжева Молодежная музыкальная культура через призму лингвистики: кантри, прогрессив, поп-рок, хард-рок.....	
8 Е.В. Жданова К проблеме анализа психолингвистических аспектов речевого воздействия.....	
9. Г.А. Исянгулова Семантические особенности междометий в современном башкирском языке.....	
10. И.С. Кадочникова Биографический миф А.П. Чехова в стихотворении Ю. Левитанского «Шампанским наполнен бокал...».....	
11. Л.А. Качанова Синонимия простых и сложноподчиненных предложений с изъяснительно-объектными придаточными частями.....	
12. Е.В. Кишина Категориальная сущность феномена «свое-чужое».....	
13. Е.В.Кузнецова Наратор и героини в рассказах Гайто Газданова.....	
14. Ю.Т. Кучиева Стратегия развития интенсивных форм обучения иностранным языкам.....	
15. Е.В. Метельская К вопросу о жаргонизации разговорной речи.....	

16. **Н.С. Морева** Оценочная стратегия формирования образа России во франкоязычной прессе Канады.....
17. **И.С. Морозова** Однословные высказывания *ДА* и *НЕТ* (на материале русского и английского языков).....
18. **О.В. Пермякова, Т.Н. Бажина** Реализация гендерных стереотипов в фильме «Les roupees russes».....
19. **Г.В. Рябичкина** Сущность категории «сленг»: социолексикографические представления С.Б. Флекснера и Э. Патриджа.....
20. **Н.В. Сальникова** К актуализации проблемы риторики как лингвистической науки.....
21. **Ю.С. Серенков** Грааль американской популярной культуры: от книги к фильму и обратно.....
22. **О.Б. Смирнова** Сравнительно-сопоставительный анализ лексемы «сын» на материале французского, русского, английского и персидского языков.....
23. **Е.В. Старостина** Факторы, влияющие на стереотипность вербальных ассоциаций носителей русского языка.....
24. **З.Р. Хачмафова** Социокультурные факторы формирования женской прозы.....
25. **А.Г. Хорошавина** Особенности функционирования имени собственного в составе русских сложных фразеологизированных конструкций с семантикой аргументированного несогласия.....
26. **Н.В. Шестеркина, Т. Тумайкина** Характеристика криптоклассов лексемы *ЗЕМЛЯ/ERDE*.....
27. **С.В. Шустова** К вопросу о маркерах каузативного значения в разноструктурных языках.....

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПАУЗ

О. А. Александрова

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
г. Великий Новгород

Несмотря на многовековую историю изучения речевых пауз, в настоящее время отсутствует их единая классификация. Это обусловлено несколькими объективными причинами. Во-первых, термин «пауза» неоднозначно трактуется в лингвистике, кроме того, это понятие широко используется в других сферах деятельности и в быту. Во-вторых, отсутствуют критерии, с помощью которых можно было бы провести чёткие границы между паузой и сходными понятиями (молчанием, тишиной, пустотой). В-третьих, насчитывается около 80 терминов для обозначения разных видов паузы, однако денотатов в несколько раз меньше. В-четвёртых, многие паузы синкретичны, т.е. одновременно выполняют несколько функций. В-пятых, паузы имеют очень широкую дистрибуцию (локализацию) в высказывании.

Таким образом, чтобы построить классификацию пауз, охватывающую все известные виды, необходимо, прежде всего, рассмотреть вышеперечисленные вопросы. Начнём с определения. В лингвистике паузу трактуют как 1) «временную приостановку, задержку, перерыв в речи, беседе» [Толковый словарь русского языка 1935: 70]; 2) «воспринимаемый феномен, соответствующий осознанному восприятию прекращения звучания» [Каспарова 1964: 2]; 3) «перерыв в работе артикуляторного аппарата. Во время этого перерыва все речеобразующие органы должны находиться в нейтральном состоянии, соответствующем их положению в период длительного молчания» [Шейкин 1966: 32]; 4) «временную остановку (задержку, перерыв или интервал) звучания, в течение которой речевые органы воспринимаемо не артикулируют и которая разрывает поток речи» [Долгова 1978: 106]; 5) «субъективно воспринимаемый перерыв фонации, изображаемый на осциллографическом рисунке прямой линией» [Бубнова, Гарбовский 1991: 203]; 6) «перерыв в речи, которому акустически обычно соответствует отсутствие звука, а физиологически – остановка в работе речевых органов» [Языкознание 2000: 369].

Очевидно, что все исследователи говорят о паузе как о перерыве, подчёркивая её непродолжительность, но используют разные подходы: физический (определения 1, 3-6) и перцептивный (определения 2, 5). Физический, т.е. акустический и физиологический перерыв в фонации традиционно ассоциируется с незаполненной паузой, однако нельзя забывать о существовании пауз, которые состоят из отдельных звуков, даже слов (например, пауза колебания), т.е. перерыва в звучании не наблюдается. Важно понимать и то, что не всякая пауза фиксируется собеседником, да и говорящим, однако как перерыв в речи могут восприниматься и резкие изменения других компонентов интонации (перепады мелодики, контраст по длительности и

интенсивности). Очевидно, перцептивный признак не является определяющим. Таким образом, определения, сформулированные выше, демонстрируют узкие подходы к понятию паузы.

Чтобы сформулировать наиболее широкое определение паузы, сравним её с другими явлениями, сходство которых заключается в отсутствии звучания: молчание, умалчивание, тишина, пустота.

Молчание определяют как «ситуацию, когда никто не говорит» [Новый объяснительный словарь синонимов русского языка 2000: 197], а глагол «молчать» – «а) ничего не говорить, не произносить ни слова б) не производить звуков, не нарушать тишины» [Словарь синонимов русского языка 1970: 553-554]; «безмолвствовать, не говорить, не издавать никаких звуков, не нарушать тишину» [Черных 1999: 540].

Эти трактовки позволяют выделить критерии семантического различия терминов «пауза» и «молчание»: 1) Пауза подразумевает прекращение звучания в речи только одного коммуниканта (собеседник может заполнить возникший перерыв), если же наступает молчание, то не говорят все участники общения. 2) Восприятие: пауза не всегда фиксируется коммуникантами, однако ситуация молчания заметна для всех собеседников. 3) Продолжительность рассматриваемых явлений: пауза – это кратковременное прерывание речи, молчание же – более длительное отсутствие вербального компонента общения. 4) Нормативность больше присуща паузе, а молчание оценивается как «отступление от коммуникативной нормы» [Арутюнова 2000: 418]. Понятие нормы в лингвистике относительно, поэтому важно различать сферу функционирования паузы. На наш взгляд, только те паузы, которые имеют строго определенные правила употребления (о них, видимо, и пишет Н. Д. Арутюнова), отражают речевую норму. 5) Характер возникновения: спонтанный/неспонтанный у паузы и неспонтанный – у молчания. Молчание всегда преднамеренно, говорящий сознательно не говорит, вкладывая в отсутствие звучания определенный смысл.

Сформулированные критерии позволяют различать паузу и другие явления: умалчивание, т. е. «не сообщение какой-то ожидаемой адресатом информации» [Богданов 1986: 17]; тишина – «устранение шумов, чтобы внимать звукам» [Арутюнова 2000: 431] и пустота – «абсолютное отсутствие звуков» [Арутюнова 2000: 431], имеющее обычно отрицательные коннотации.

Таким образом, среди признаков, определяющих паузу, можно выделить обязательные (свойственные любой паузе) и необязательные. К обязательным можно отнести принадлежность паузы к элементам интонации, её временный характер, функционирование в потоке речи. Это позволяет сформулировать наиболее широкое определение изучаемого явления: пауза – компонент интонации, представляющий непродолжительный перерыв в речи. Необязательные признаки позволяют проводить границы между различными видами пауз. Рассмотрим эти признаки подробнее, для этого охарактеризуем основные паузальные параметры: качество, дистрибуцию (место) и длительность.

Качество паузы – это её состав или, другими словами, то, с помощью чего создается «эффект паузы». Долгое время под паузой понимали только отсутствие фонации. Подход к анализу паузы с точки зрения перцепции, позволил выявить способы создания эффекта перерыва: прекращение на некоторое, небольшое время сигнала, т.е. уменьшение интенсивности до нуля; резкое изменение мелодики, темпа, интенсивности сигнала (не доходящей до нуля); стык двух относительно самостоятельных по содержанию сочетаний слов (без особых акустических показателей).

Анализируя эти признаки, Л. К. Цеплитис установил их иерархию, вершинное положение в которой занял признак – наличие/отсутствие временного измерения паузы. Это побудило исследователей разделить паузы на *темпоральные* (в сигнале можно установить отрезок нулевой интенсивности) и *нетемпоральные* (такого отрезка нет). Темпоральную паузу называют также *измеряемой, воспринимаемой, физической, реальной*, нетемпоральную – *нулевой, мнимой, квазипаузой, психолингвистической, паузой без перерыва звучания, нереальной*. Среди темпоральных пауз выделяют *заполненные* (некоторые виды пауз колебания) и *незаполненные*, представляющие перерыв в звучании. Таким образом, описывая паузу с точки зрения её качества, следует учитывать следующие оппозиции: темпоральность/нетемпоральность, заполненность/незаполненность.

Ещё одним параметром паузы является дистрибуция, т.е. место паузы относительно других элементов речи. В соответствии с этой характеристикой паузы обычно делят на *финальные (конечные)* и *нефинальные*. Финальные паузы отделяют самостоятельные, но связанные друг с другом синтаксически предложения или сложные синтаксические целые [Гуревич 1970: 9]. Поскольку основной речевой единицей, разделяемой финальной паузой, является фраза, то такую паузу часто называют *межфразовой*.

Нефинальные (синтагматические, внутрифразовые) паузы встречаются внутри фразы. Обычно такая пауза находится между словами со слабой семантической связью. Выделяют *межсинтагменные* и *внутрисинтагменные* нефинальные паузы. Межсинтагменными называют паузы, разделяющие синтагмы в составе фраз, а также паузы, оформляющие границы односинтагменных фраз в составе монологов. Внутрисинтагменные паузы – это паузы, которые разрывают фонетическую структуру синтагм, они могут быть межсловными (*смотреть / телевизор*) и внутрисловными (*супер/звезда, авто/вокзал*). Дистрибуция пауз зависит от вида речевой деятельности: при чтении паузы, в основном, совпадают с границами синтаксических единиц, а во время говорения (особенно спонтанного) они распределяются свободнее.

Для описания длительности пауз фонетисты, опираясь на данные акустического и аудитивного анализов, используют физический и перцептивный критерии. Известно два способа выражения физической длительности пауз: абсолютная и относительная. Абсолютную долготу измеряют специальными приборами в единицах времени, обычно в миллисекундах (мс). Большинство специалистов в области экспериментальной фонетики, по-разному определяя абсолютную длительность пауз (от 20 до 2000

мс), сходятся в одном: количественные паузальные характеристики отражают иерархическое членение текста на его структурные компоненты. Чем меньше смысловая связь между элементами текста, тем более продолжительными паузами они разделяются, и, наоборот, чем теснее близость вычленяемых единиц, тем короче паузы, маркирующие их границы.

Безусловно, семантико-синтаксический фактор оказывает большое влияние на абсолютную длительность пауз, но для более точного определения долготы паузы важно учитывать и другие аспекты: вид речевой деятельности; ритм и темп речи, тип мелодического оформления предшествующей синтагмы. Кроме того, неточность измерений может быть связана с наличием звукового микроконтекста, содержащего глухие смычные согласные (особенно взрывные) в пред- и постпаузальной позиции, поскольку они, как и перерыв фонации, изображаются на осциллографическом рисунке интонограммы прямой линией.

Очевидно, что градация пауз на основе абсолютной длительности является условной, а, следовательно, не может быть использована для решения практических задач. О другом способе количественной характеристики пауз – относительной длительности – впервые заговорил Л. К. Цеплитис. Согласно его формуле, относительная длительность паузы определяется как «количество сегментных единиц (звуков, слогов, слов и т. п.), которые при данном темпе могли бы заполнить паузу» [Цеплитис 1974: 71]. Известен и другой подход, при котором относительную длительность паузы вычисляют как «соотношение конкретной величины паузы к средней максимальной длительности паузы в экспериментальных текстах» [Карневская, Кохнович, Панова 1983: 215].

Таким образом, акустический анализ ограничивает предмет исследования, так как он позволяет характеризовать только темпоральные паузы. Всеохватывающим, но менее точным (субъективным) является подход к паузам с точки зрения их восприятия (перцепции), то есть с применением аудитивного (слухового) анализа.

Неточность этого подхода заключается в том, что восприятие продолжительности паузы на слух не всегда соответствует её реальной длительности, зафиксированной приборами. Большинство исследователей выделяют три степени длительности пауз (краткая, средняя, длинная), что вполне обеспечивает детальный аудитивный анализ. Другими словами, длительность пауз на перцептивном уровне не определяется их физической продолжительностью, а обусловлена одновременным действием и других факторов: локализацией пауз; их качественным составом; семантикой и просодическими характеристиками фрагментов, разграничиваемых паузами, и др.

Действительно, паузы относятся к паралингвистическим явлениям и не играют центральной роли в коммуникации, однако, как справедливо отмечает Г. В. Колшанский, «изучение процессов вербальной передачи информации всегда должно опираться как на языковые, так и на смежные неязыковые факторы, сопровождающие вербальную коммуникацию» [Колшанский 1973: 16].

С прагматической точки зрения вес пауз в организации процесса коммуникации велик, так как они помогают главным языковым единицам выражать коммуникативные намерения, а также модальные отношения, оценки, эмоциональные состояния и др. Некоторые паузы (особенно паузы колебания) часто выходят на первый план в общении, становятся уже не периферийными, а ядерными единицами коммуникации. Очевидно, что традиционный анализ всех видов пауз с точки зрения физиологии, акустики или функций не представляется адекватным. Пауза – это комплексное и неоднозначное явление, поэтому и подход к её изучению должен быть широким – коммуникативно-прагматическим. Коммуникативно-прагматический анализ требует внимания как к собственно коммуникативным, так и к прагматическим компонентам языковых/речевых явлений. Под коммуникацией (лат. *communicatio*, от *communis* – делаю общим, связываю, общаюсь) будем понимать «общение, обмен мыслями, сведениями, идеями и т.д. – специфическую форму взаимодействия людей в процессе их познавательной-трудовой деятельности» [Языкознание 2000: 233].

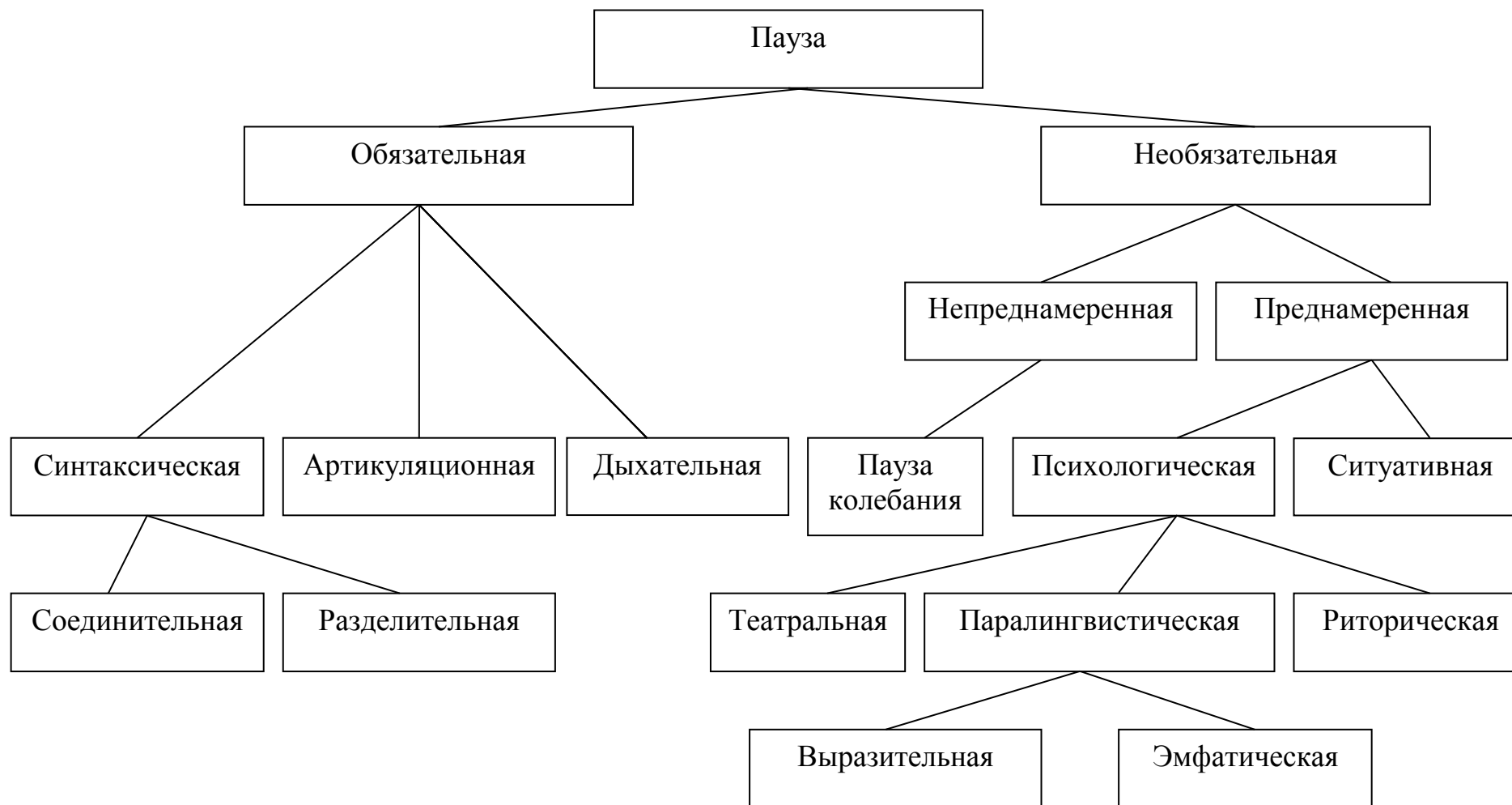
Думается, что паузы можно объединить и сравнить в соответствии с коммуникативно-прагматическим принципом: согласованность коммуникативного намерения говорящего с действием основных правил (законов) языка. На основе этого принципа паузы можно разделить на **обязательные**, которые всегда сопровождают общение, без них высказывание будет невозможным или коммуникативно нерелевантным, т.е. их присутствие является языковой/речевой нормой, и **необязательные** (факультативные), появление которых обусловлено психофизиологическими особенностями говорящего, его намерениями, ситуацией общения и другими факторами (см. схему).

Обязательные паузы можно разделить на три группы: *синтаксические*, *дыхательные* и *артикуляционные*.

Синтаксическая пауза (*пауза стыка*) – это пауза, выражающая определенные синтаксические отношения между разделяемыми ею частями высказывания. Прежде чем перейти к её характеристике, необходимо уточнить используемые термины, так как данный вид паузы называют также «грамматической», «логической» и «интеллектуальной». Термин «грамматическая пауза» охватывает широкий спектр синтаксических и морфологических явлений, и поэтому представляется неточным. Термины «логическая пауза» и «интеллектуальная пауза» могут создать ложное впечатление, что для употребления других пауз логика и интеллект необязательны.

Синтаксические паузы по выполняемым функциям обычно делят на *соединительные (союзные)* и *разделительные*. В основу этого деления положена мысль о том, что пауза, с одной стороны объединяет слова или словосочетания, с другой –

Схема. Коммуникативно-прагматическая классификация пауз

отделяет их друг от друга. Различия между соединительными и разделительными паузами маркируются, прежде всего, предпаузальным направлением движения тона. Для соединительных пауз характерно направление незавершенности, для разделительных – направление завершенности.

Замечено, что не только позиция на границах сегментированных отрезков, но и сам факт наличия или отсутствия пауз стыка на этих границах влияет на смысловое содержание высказывания. От реализации/нереализации синтаксических пауз зависит расположение смысловых центров, смещение или перераспределение которых в соответствии с целями или задачами коммуникации может значительно, вплоть до противоположного, изменять значение речевого произведения. Это позволило ученым сделать вывод о выполнении паузами стыка, наряду с разделительно-соединительной функцией членения другой, не менее важной – смыслоразличительной. Последняя имеет особое значение в тех случаях, когда структурное разделение последовательности слов является неоднозначным (Ср. “казнить нельзя | помиловать” и “казнить | нельзя помиловать”).

Дистрибуция синтаксической паузы обусловлена воздействием трех факторов: фонетического (величиной отрезка речевой цепи), синтаксического (стремлением речевого отрезка, обособляющегося во фразу, сохранить синтаксическую оформленность) и семантического (влиянием смысловой важности на выделение группы слов во фразу). На основе этих факторов в современной лингвистике сформулированы правила расстановки синтаксических пауз в устной речи и разработана система демаркационных знаков: внутренние – запятая, точка с запятой, тире, двоеточие, скобки; внешние – точки, вопросительный знак и восклицательный знак, многоточие.

Локализация паузы стыка оказывает большое влияние на её продолжительность: «длительность пауз между тремя типами единиц членения – акцентными единицами, синтагмами и фразами, характеризуется, в среднем, соотношением 1 : 3 : 9» [Карневская, Кохнович, Панова 1983: 217].

Синтаксические паузы часто совпадают с другими видами пауз, в частности, с *дыхательной (респираторной, физиологической)*, которая обеспечивает функционирование обычного, нормального по ритму дыхания. На протяжении долгого времени исследователи пытались определить степень важности физиологического фактора для дистрибуции дыхательных пауз. Существовало мнение, что только потребность вдоха оказывает существенное влияние на появление респираторной паузы. Более поздние исследования показали, что такая потребность не может быть единственной причиной. Последний тезис аргументировался тем, что процесс фонации подчиняется не столько физиологическому акту дыхания, сколько мыслительному фактору.

Другой вид обязательных неязыковых пауз – *артикуляционные*, которые встречаются в составе глухих смычных согласных, т. е. представляют отсутствие звука в те моменты, когда органы артикуляции находятся в сомкнутом положении. Их длительность настолько мала (в среднем 10 мс), что человеческое ухо не способно их уловить.

Главное отличие необязательных пауз от обязательных состоит в том, что их основные параметры чаще всего являются отклонениями от языка/речи, однако несут дополнительную имплицитную информацию. В зависимости от того, сознательно они вводятся в высказывание говорящим или появляются произвольно, они могут быть *преднамеренными* и *непреднамеренными*.

Группа преднамеренных пауз включает *ситуативные* и *психологические* паузы, последние подразделяются на *театральные*, *риторические* и *паралингвистические*.

Длительность и дистрибуция ситуативных пауз обусловлены разнообразными коммуникативными ситуациями. Их функция состоит в замедлении речи. Так, эту паузу можно встретить в ситуации записи произносимого текста (например, при диктантах), подготовки слушающих к исполнению приказа (*Шагом | марш!*), для облегчения восприятия речи (например, большое расстояние между коммуникантами, плохая акустика помещения, наличие шума, эха и т. п.).

Психологическая пауза известна не только в лингвистике, но и в драматургии, в ораторском искусстве, так как с её помощью говорящий может передать свои чувства, настроение, намерения. К. С. Станиславский сущность этого вида паузы объяснял следующим образом: «Знаете ли вы, как высоко ценится психологическая пауза? Она не подчиняется никаким законам, а ей подчиняются все без исключения законы речи. Там, где, казалось бы, логически и грамматически невозможно сделать остановки, там её смело вводит психологическая пауза» [Станиславский 1990: 102].

Эта мысль напрямую связана со свободной дистрибуцией психологической паузы: она может располагаться на границах структурных единиц и внутри указанных отрезков, обуславливая возникновение напряжения, которое повышает информативность постпаузального слова.

Качественный состав психологической паузы тоже не постоянен: в большинстве случаев она темпоральна, причём её длительность определяется говорящим, но иногда она имеет нетемпоральный характер, то есть не составляет физического перерыва в звучании. Её эффект создается интонационными средствами при помощи контраста тонов, ударений, диапазонов, темпа и т.д.

Можно выделить три основных подхода к трактовке психологической паузы, которые отражают её главные функции:

1. Привлечение внимания слушателей к важной в семантическом отношении информации, которая последует за паузой (апеллятивная функция). Такая пауза особенно характерна для сценической речи, поэтому её часто называют *театральной*, а также *фасцинативной*, *цезурой*.

2. Выделение слова, следующего непосредственно за паузой, и усиление его значения в особо выразительной и эмоциональной речи. Такие паузы известны также как *риторические*, *прагматические*, *паузы орализации*, *напряжения*, *умолчания*.

3. Выражение эмоционального состояния говорящего. Выделяют две разновидности этой паузы, называемой *паралингвистической*: *выразительную* и

эмфатическую. Паралингвистическая функция выразительной паузы проявляется в двух планах: а) для передачи подтекстовых значений в тех случаях, когда синтаксическая пауза не является необходимой; б) когда пауза необходима синтаксически, но ее продолжительность изменена в паралингвистических целях. Значительно продленная выразительная пауза определяется как эмфатическая.

Таким образом, психологическая пауза является одним из существенных элементов речи, её функциональная нагрузка очень велика.

К непреднамеренным паузам относится пауза колебания (далее – ПК), которая по всем параметрам существенно отличается от рассмотренных пауз: её длительность может в несколько раз превышать долготу межфразовой или психологической паузы, она характеризуется свободной дистрибуцией: может совпадать с интонационными границами, но часто нарушает целостность синтагм. Более того, ПК часто встречается внутри слов, что говорит о спонтанном характере её появления. ПК всегда темпоральна и только она может быть заполненной, причём заполнители варьируют от звука нефонемного характера до целого высказывания. ПК отличается от других пауз незапланированным и непредсказуемым характером появления.

ПК имеет множество видов, для обозначения которых в литературе появился ряд терминов: «элементы колебания», «хезитационные приемы», «внешние средства выражения ПК», «хезитационные периоды» и др. Учитывая, что ПК, включённая в процесс коммуникации, приобретает знаковую функцию, логично было бы называть виды ПК её экспонентами. Преимущество этого термина состоит в том, что он указывает на наличие семантического наполнения у ПК. В развернутом виде ПК, например, можно представить так: «Я слышу, идентифицирую вопрос, обдумываю и готов информировать шагом ответа». О семантике ПК можно говорить только в контексте, так как сам по себе экспонент ПК (особенно незаполненная пауза) не порождает дифференциальных признаков, а, значит, не выполняет знаковых функций.

Для решения прикладных задач наиболее удобна классификация экспонентов ПК, построенная на основе их качественного состава. По этому критерию все виды ПК можно разделить на вербальные и невербальные.

I. Вербальные:

а) фонетико-фонологические: **вокализации** (“э-э”, “м-м”, “гм”, “пхм”, “эзм”); **удлинения звуков** («*нра-авится*»; «*с-слушать*»);

б) лексико-семантические (“*этот*”, “*такой*”, “*самый*”, “*так*”, “*ну*”, “*вот*”, “*как бы*”, “*значит*”, “*в общем*” и др.);

в) синтаксические: **метатекстовые комментарии** (“*короче говоря*”, “*так сказать*”, “*как говорится*”, “*знаешь*”, “*понимаете*”, “*надо сказать*”, “*в принципе*” и др.); **незаконченные высказывания** – высказывания с незамещенными синтаксическими позициями, смысл которых, необходимый для коммуникации, невозможно извлечь ни из контекста, ни из ситуации, ни из фоновых знаний говорящих. Эти высказывания остаются незавершенными и в интонационном оформлении. («*Даже дети в детском садике... Вот, мы сегодня разбирали вопрос о рекламе*»); **непреднамеренные повторы слов и**

словосочетаний (мне нравятся передачи <передачи> о животных; я смотрела телевизор <смотрела телевизор> и читала);

г) морфологические: **непреднамеренные повторы части слова** («я имею в виду <ду ду ду>»); **фальстарт** («загружают фильм {ка} через диск) и **рестарт** («|лю| любимые передачи»).

Метатекстовые комментарии, как и лексико-семантические заполнители, по своим функциям являются языковыми единицами. Однако, выступая в роли экспонентов ПК, они десемантизируются в высказывании, становятся «пустыми» словами и свидетельствуют только о затруднениях или сомнениях говорящего. В литературе они часто встречаются под общим названием «ПК вербального поиска».

II. Невербальные:

а) незаполненная ПК – длительный перерыв в звучании;

б) паралингвистические ПК (покашливание, вздох, смех, прочищение горла, цоканье языком, кинесические элементы).

Важно отметить, что к экспонентам ПК не относятся расстройства фонации, вызванные физиологическими причинами.

ПК существенно отличается от других пауз и по выполняемым ею функциям, которые можно условно разделить на две группы: I. функции для говорящего и II. функции для слушающего.

I. 1. Коммуникативная функция – обеспечение канала связи между собеседниками. ПК служит средством для удержания нити разговора, с её помощью говорящий проверяет наличие или отсутствие внимания со стороны слушающего. 2. Функция планирования. ПК даёт говорящему время для принятия решений семантического или содержательного характера; позволяет формировать синтаксический каркас высказывания. 3. Функция восстановления качества речи. 4. Фатическая (контактоустанавливающая) функция. ПК стимулирует партнёра по речевому взаимодействию к совместной мыслительной деятельности в рамках согласованного общения. 5. Функция маскировки речевого затруднения и вызванного им смущения. 6. Ритмообразующая функция.

II. 1. Функция дополнительного времени для осмысления услышанного. 2. Связующая функция – функция объединения отдельных частей высказывания в единое целое. 3. Стилистическая функция – варьирование качественно-количественных характеристик экспонентов ПК в разных типах звучащего дискурса. 4. Функция маркирования нового тематического фрагмента дискурса. 5. Выделительная функция – ПК колебания помогает слушающему сконцентрировать внимание на важном элементе высказывания.

Несмотря на большой спектр позитивных функций, ПК способна играть отрицательную роль в процессе вербальной коммуникации – она имеет свободную дистрибуцию, большую длительность, неограниченную частоту употребления, не приносит релевантной информации. Эти неотъемлемые характеристики ПК, несомненно, нарушают языковые законы, а, следовательно, искажают смысл высказывания, затрудняя его понимание, и раздражают слушающего. ПК может оказывать неблагоприятное воздействие и на

говорящего, так как он, замечая своё косноязычие, длительные и необоснованные паузы, отвлекается от содержания высказывания и переключается на форму речи. Подобный механизм еще больше ухудшает качество речи. Иначе говоря, ПК – это прагматически неоднозначное явление коммуникации, которое может, как помогать собеседникам, так и нарушать эффективность общения.

Появление ПК обусловлено влиянием многих прагматических факторов: адресант сообщения, адресат, ситуация общения, выбор и контекст употребления языковых единиц и т.д.

Для удобства обобщения данных целесообразно выделить шесть основных факторов, влияющих на появление ПК: 1) психолингвистические; 2) языковые; 3) социолингвистические; 4) индивидуальные; 5) психологические; 6) физиологические.

Действие психолингвистических факторов связано с основными этапами порождения высказывания, выделенными А. А. Леонтьевым (ориентировка, внутреннее программирование, реализация плана, контроль). Переход от внутренней речи к внешней требует совершения говорящим многих операций, во время которых и возникают ПК. На этапе реализации плана особое влияние оказывают языковые факторы. В соответствии с уровнями языка можно выделить орфоэпические (трудности произнесения), лексические (выбор или поиск адекватного слова) и грамматические (морфологические и синтаксические) факторы. Среди социолингвистических факторов, вызывающих появление ПК, особое значение имеют образование, возраст, пол, профессия, статус говорящего, тип языкового коллектива и др. Кроме того, наблюдается воздействие индивидуальных (узкий кругозор говорящего, слабые речевые навыки, небольшой словарный запас, привычки); психологических (волнение, темперамент, эмоциональное возбуждение, плохая память, рассеянное внимание, ощущение неловкости, нежелание говорить и др.); физиологических (плохое самочувствие и регуляцию дыхания) факторов на возникновение ПК.

Коммуникативно-прагматический подход к исследованию пауз позволяет трактовать ПК по-новому, т. е. как непреднамеренную приостановку релевантного информационного потока в процессе общения, обусловленную прагматическими факторами. Именно в коммуникативном аспекте ПК представляет остановку в поступлении информации, важной для эффективного общения в конкретной ситуации, даже при различных заполнителях.

Таким образом, коммуникативно-прагматический, физический и функциональный подходы к описанию паузы связаны теснейшим образом и дополняют друг друга каждый со своей специфической стороны, что и позволило создать единую классификацию пауз и проанализировать их по трём основным параметрам: длительность, качество, дистрибуция.

ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Арутюнова Н. Д. Феномен молчания // Язык о языке. М., 2000. С. 417-436.

2. Богданов В. В. Молчание как нулевой речевой знак и его роль в вербальной коммуникации // Языковое общение и его единицы: Межвуз. сб. научн. тр. Калинин, 1986. С.12-18
3. Бубнова Г.И., Гарбовский Н.К. Письменная и устная коммуникация: Синтаксис и просодия. М., 1991.
4. Гуревич Р. Л. Экспериментально-фонетическое исследование особенностей паузации английских речевых единиц: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1970.
5. Долгова О. В. Семиотика неплавной речи. М., 1978.
6. Карневская Е. Б., Кохнович Т. К., Панова И. И. Пауза как просодическое средство организации текста // Взаимодействие структурного и функционально-семантического аспектов языка. Минск, 1983. С. 212-223.
7. Каспарова М. Г. Восприятие паузы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1964.
8. Колшанский Г. В. Функции паралингвистических средств в языковой коммуникации // Вопросы языкознания. 1973. № 1. С. 16-25.
9. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй выпуск. / Под общ. ред. Ю. Д. Апресяна. М., 2000.
10. Словарь синонимов русского языка в 2-х т. Т I., Л., 1970.
11. Станиславский К.С. Собрание сочинений в 8-ми т. Т. 3. Работа актера над собой. М., 1990.
12. Толковый словарь русского языка / Под. ред. Д. Н. Ушакова: В 4-х т. М., 1935.
13. Цеплитис Л. К. Анализ речевой интонации. Рига, 1974.
14. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-х т. Т. I. М., 1999.
15. Шейкин Р. Л. К анализу механизмов возникновения пауз в речи // Механизмы речеобразования и восприятия сложных звуков. М., Л., 1966. С. 31-44.
16. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 2000.

СУЩНОСТЬ И СТРУКТУРА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА ВУЗА В СВЕТЕ ТРЕБОВАНИЙ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА В ОБРАЗОВАНИИ

Л.Е. Алексеева

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

Радикальные изменения в государственно-политическом и социально-экономическом развитии России и, как следствие, набирающий темп процесс присоединения нашей страны к Болонскому пространству неизбежно влекут за

собой пересмотр вопросов кадрового обеспечения высшего профессионального образования. Перспективные потребности экономики ориентированы на привлечение специалистов нового типа, обладающих особыми профессиональными и личностными качествами – аналитическим и «системным мышлением, ... коммуникативной, правовой, информационной культурой, творческой активностью, ответственностью за выполняемую работу, способностью к осознанному анализу своей деятельности, самостоятельным действиям в условиях неопределенности, приобретения новых знаний» [1; 5]. К одной из основных задач реформы образования относится совершенствование системы подготовки преподавателей вузов и повышение их квалификации, происходящее в условиях перехода от квалификационного подхода в профессиональном образовании к компетентностному, что требует уточнения многих терминов и понятий. В данной статье автором предпринимаются попытки уточнить сущность и структуру деятельности преподавателя вуза, рассмотрев понятие *профессиональной педагогической компетентности* преподавателя иностранного языка в вузе.

Разработчики ГОС ВПО третьего поколения (В.И. Байденко, В.А. Богословский, И.А. Зимняя, Е.В. Караваева, В.П. Колесов, Я.И. Кузьминов, Н.И. Максимов, Б.А. Сазонов, А.М. Салецкий, Д.В. Пузанков, Ю.Г. Татур, В.В. Тихомиров, И.Б. Федоров, В.Д. Шадриков, и др.) остановились на терминах и понятийной основе компетенций, предложенных европейскими экспертами в результате выполнения многолетнего (с 2000 года) международного проекта «Настройка образовательных структур в Европе» (TUNING). В частности, понятие компетенция определяется ими как «предметная область, в которой выпускник хорошо осведомлен и проявляет готовность к выполнению деятельности», а под компетентностью понимается «интегрированная характеристика качеств личности, выступающая как результат подготовки выпускника для выполнения деятельности в определенных областях (компетенциях)» [5; 13]. В результате образования у человека должно быть сформировано целостное социально-профессиональное качество, позволяющее ему успешно решать производственные задачи и взаимодействовать с другими людьми. За основу модели выпускника предлагается интегрированная классификация компетенций, которая может считаться инвариантом и представляется приемлемой для всего профиля подготавливаемых направлений и специальностей. Предложенная классификация делит компетенции на две группы: общие (ключевые) и профессиональные (базовые и специальные).

В настоящее время предпринимаются многочисленные попытки определить состав и содержание общих и профессиональных компетенций для разных профессионально-образовательных профилей педагогической подготовки, в основном дошкольных и школьных. Однако нельзя игнорировать тот факт, что проблемы профессионализма и профессионального развития преподавателя высшей школы изучены недостаточно. К сожалению, вопросы подготовки преподавательских кадров для вузов традиционно оставались за рамками комплексного объекта изучения, и не существовало целенаправленной системы, готовящей специалистов в разных областях к практике преподавания своего

предмета в психолого-педагогическом и методическом плане. Считалось, что преподавателем высшей школы может стать каждый, кто обладает дипломом о высшем образовании. До сих пор публикации в научной прессе на тему подготовки вузовских преподавателей остаются в большом дефиците, а специальных направлений на кафедрах в рамках самого вуза не существует. Профессия преподавателя высшей школы не выделялась в отдельный, самостоятельный род деятельности со своей спецификой и несомненными особенностями, а являлась как бы «приложением» к профессии «учитель». Можно смело утверждать, что профессионально-педагогическая деятельность преподавателя вуза просто «выпала» из поля зрения педагогики и методики, а правильнее будет сказать, никогда и не была объектом изучения. Однако требования времени диктуют новые условия, и вопросам методической подготовки преподавателей вузов, а также повышения их квалификации уделяется все больше и больше внимания. Не случайно в научной литературе последних лет поднимается вопрос о нецелесообразности отождествления внешне схожих, а, по сути, абсолютно разных педагогических профессий – учителя и преподавателя. Преподаватель вуза ведет научно-исследовательскую работу, разрабатывает методический инструментарий образовательного процесса, поэтому достижение им высокого уровня профессионализма лежит в области системы «человек – наука». С другой стороны, он осуществляет сугубо педагогическую деятельность, выступает как методист образовательного процесса, следовательно, его профессиональная деятельность относится к системе «человек – человек» [3; 31]. Целесообразным в этой связи видится введение в научный обиход термина «полипрофессионализм» преподавателя вуза, который «заключается в способности выполнять в единстве собственно педагогическую, научно-исследовательскую и научно-педагогическую (методическую) виды профессиональной деятельности, что обеспечивает их взаимообогащение» [там же; 32]. Очень важно, чтобы задачи подготовки таких «полипрофессиональных» преподавателей находились под контролем не только самих преподавателей и администраций вузов, но также и ученых-педагогов, психологов, дидактов, а более всего – государственных органов, ответственных за модернизацию системы образования.

Учитывая недостаточную разработанность проблемы подготовки и повышения квалификации педагогических кадров для вузов (в особенности в области преподавания иностранных языков), представляется актуальным детально рассмотреть содержание понятия «профессиональная компетентность преподавателя иностранного языка вуза». С точки зрения автора, профессиональная компетентность преподавателя ИЯ складывается из общих (ключевых) и профессиональных компетенций в неразрывной связи с профессиональной (педагогической) культурой, профессиональным (педагогическим) мастерством и владением педагогической техникой.

Общие компетенции не являются профессионально обусловленными, т.к. они должны быть присущи всем современным специалистам независимо от сферы профессиональной деятельности. Владение общими компетенциями дает возможность выпускникам быть востребованными на рынке труда, успешно

реализовывать себя в различных профессиональных областях. К общим компетенциям, необходимым для усвоения будущими преподавателями вузов (согласно разработкам ГОС ВПО третьего поколения) относятся:

- общенаучные (фундаментальные), в т.ч. гуманитарно-социальные и экономические, включающие базовые знания в области естественных наук, гуманитарных и социально-экономических наук; базовые компьютерные и лингвистические навыки; способность понимать и использовать новые идеи и др.;
- социально-личностные и коммуникативные, включающие способность к критике и самокритике, терпимость, умение работать в коллективе, общую культуру, приверженность к этическим ценностям;
- организационно-управленческие, в т.ч. системные, включающие способность организовать и спланировать работу; способность применять полученные знания на практике; умение извлекать и анализировать информацию из различных источников; способность к адаптации к новым ситуациям; знание организационно-правовых основ своей деятельности.

Необходимо особо подчеркнуть, что для преподавателя вуза крайне важно владеть общекультурной компетенцией (входящей в состав социально-личностных и коммуникативных), под которой, как правило, понимают широкую гуманитарную подготовку преподавателя, его кругозор, общий уровень культуры и образованности [2]. Общекультурная компетенция включает разнообразные культурные области, в которых происходит жизнедеятельность человека (академическая, креативная и др.); ценности и традиции национальной культуры и действия по их сохранению; проявление гражданских чувств, отстаивание прав человека; гуманное поведение и др.

Профессиональные компетенции предполагают общую готовность преподавателя к профессиональной деятельности, т.е. «готовность и способность целесообразно действовать в соответствии с требованиями дела, методически организованно и самостоятельно решать задачи и проблемы, а также самостоятельно оценивать результаты своей деятельности» [4; 17]. В группу профессиональных компетенций целесообразно включить те, которые являются базовыми для всех выпускников вуза по образовательным направлениям «Педагогика», «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур», «Филология», «Лингвистика и межкультурная коммуникация» и специальные в соответствии с конкретным профессионально-образовательным профилем выпускника по направлению «Методика преподавания иностранного языка в вузе».

К базовым профессиональным компетенциям преподавателя иностранного языка в вузе относятся: общепедагогическая компетенция, профессионально-коммуникативная компетенция, научно-исследовательская компетенция, информационно-коммуникационная компетенция.

Общепедагогическая компетенция, компонентами которой являются психолого-педагогическая и методическая компетенции, реализуется во владении преподавателем иностранного языка всем спектром знаний в области педагогики, психологии, лингводидактики и других смежных наук, а также умениями

применять эти знания в своей педагогической практике. В обязанности преподавателя иностранного языка в вузе входит:

а) в области педагогики: знать педагогические закономерности и педагогические особенности развития личности; знать закономерности педагогического процесса, обеспечивающего развитие личности; иметь представление об историческом процессе накопления знаний; иметь представление о теориях обучения и развития в мировой педагогике; уметь соотносить знания об образовательных явлениях и процессах со знаниями о природе и развитии человека; уметь проектировать личностно-ориентированное содержание и технологии обучения;

б) в области методики преподавания иностранных языков: иметь представление о закономерностях методики обучения иностранным языкам как науки и о характере ее связи со смежными дисциплинами; иметь представление о целях, содержании и принципах обучения иностранным языкам в учебных заведениях разного типа; знать основные компоненты УМК по иностранным языкам и уметь их использовать с учетом конкретных условий обучения; иметь представление об основных методах обучения иностранным языкам в России и за рубежом; знать основные способы ознакомления с языковым материалом и пути его закрепления в различных условиях обучения; знать особенности устного и письменного общения, условия и закономерности его формирования на разных этапах обучения; уметь использовать разные типы упражнений для развития коммуникативной компетенции на разных этапах обучения в различных учебных учреждениях; уметь использовать приемы активизации иноязычного общения в процессе обучения; уметь выбирать и целесообразно использовать различные средства обучения в соответствии с целями и задачами учебного процесса; уметь планировать урок/занятие в соответствии с его задачами и условиями обучения [7].

К методической компетенции как компоненту общепедагогической профессиональной компетенции можно отнести и владение преподавателем разнообразными функциями педагогической деятельности: организационной, дидактической, диагностической, проектировочной, консультационной, оценочной, рефлексивной, творческой, мотивационной и др.

Профессионально-коммуникативная компетенция напрямую связана с умением общаться в контексте профессиональной деятельности. Коммуникативная компетенция вкупе с филологической (высокий уровень владения родным языком как средством общения) должны быть присущи любому преподавателю иностранного языка как качественная характеристика его профессиональной деятельности. Неотъемлемым компонентом профессионально-коммуникативной компетенции является и готовность к толерантному общению на разных уровнях (со студентами, коллегами, вышестоящей администрацией). Также, в условиях инновационных процессов, происходящих в системе российского образования, преподавателю вуза необходимо владеть и специфическими навыками профессиональной коммуникации, реализующимися в процессе поиска и оформления грантов, планирования и обоснования проектов, разработки и внедрения новых технологий обучения.

Научно-исследовательская компетенция предполагает готовность к решению методологических и теоретических научных проблем, а также способность к рефлексии научно-исследовательской деятельности. Данный вид компетенции включает: а) владение навыками самостоятельной научно-исследовательской и научно-педагогической деятельности, требующими широкого образования в соответствующем направлении; б) умения: формулировать и решать задачи, возникающие в ходе научно-исследовательской и педагогической деятельности и требующие углубленных профессиональных знаний; выбирать необходимые методы исследования, модифицировать существующие и разрабатывать новые методы, исходя из задач конкретного исследования; обрабатывать полученные результаты, анализировать и осмысливать их с учетом имеющихся литературных данных; вести библиографическую работу с привлечением современных информационных технологий; представлять итоги проделанной работы в виде отчетов, рефератов, статей, оформленных в соответствии с имеющимися требованиями, с привлечением современных средств редактирования и печати [7].

Информационно-коммуникационная компетенция, выражается в умении использовать в учебном процессе возможности информационных технологий, владеть навыками компьютерной обработки данных, методами информационного поиска (в том числе в системе Интернет), методами обработки филологической информации, технологиями работы с различными типами текстовых редакторов. Не менее важно для преподавателя ИЯ вуза применять методы и технологии, стимулирующие самостоятельную работу учащихся (в том числе и в процессе сетевого / дистанционного обучения).

К специальным профессиональным компетенциям преподавателя иностранного языка в вузе относятся:

- предметно-ориентированная компетенция (владение профессионально ориентированным языком по специальности студентов, знакомство с профессионально значимыми коммуникативными навыками их будущей деятельности, а также особенностями их формирования и развития);
- межпредметная компетенция (знакомство с основами будущей специальности студентов на основе межпредметной координации, а также заинтересованность в углублении и расширении этих знаний, что может способствовать росту мотивации и профессиональному самоопределению учащихся).

Рассматривая содержание понятия «профессиональная компетентность», невозможно ограничиться описанием только ее компонентов – компетенций. Важными составляющими профессиональной компетентности являются также профессиональная (педагогическая) культура, профессиональное (педагогическое) мастерство и педагогическая техника.

Профессиональная (педагогическая) культура определяется как «мера и способ творческой самореализации личности преподавателя в разнообразных видах педагогической деятельности и общения, направленной на освоение, передачу и создание педагогических ценностей и технологий» [6; 123]. Профессионально-педагогическая культура преподавателя вуза всегда находится под прицелом и подвергается критическому анализу со стороны наиболее

активной и амбициозной части молодежи – студенчества. Поэтому преподаватель не может позволить себе профессиональную стагнацию; удел истинного преподавателя вуза – это постоянный творческий рост, поиски путей самосовершенствования и непрерывного повышения квалификации.

Профессиональное (педагогическое) мастерство – «отражает высокий уровень развития педагогической деятельности... и складывается из специальных знаний, умений, навыков и привычек, в которых реализуется совершенное владение основными приемами» этого вида деятельности. В мастерстве педагога выделяют четыре относительно самостоятельных элемента: 1) мастерство организатора коллективной и индивидуальной деятельности; 2) мастерство убеждения; 3) мастерство передачи знаний и формирования опыта деятельности и 4) мастерство владения педагогической техникой [там же; 270]. Профессионально-педагогическое мастерство не дается по определению каждому выпускнику университета, планирующему приступить к преподаванию в вузе. Формирование и развитие такого мастерства проходит несколько стадий (от адаптационного периода до периода наставничества) и требует не только времени, опыта и специальных знаний, но также терпения и некоторого самопожертвования.

Важное условие профессиональной деятельности преподавателя – это владение основами педагогической техники, т.е. владение умениями и навыками, необходимыми для эффективного применения системы методов педагогического воздействия на отдельных учащихся и на коллектив в целом (это речевые умения мимической и пантомимической выразительности, управление своими психическими состояниями и поддержание эмоционально-творческого напряжения, актерско-режиссерские умения и т. д.) [там же; 271].

Ранее уже подчеркивалось, что до недавнего времени педагогическая деятельность преподавателя вуза не являлась объектом собственного тщательного изучения, а рассматривалась в контексте общего образования, в основном ориентированного на подготовку школьных учителей. Поэтому долгие годы считалось, что единственными критериями эффективности работы преподавателя могут служить знание предмета, который он преподает, и стаж преподавания. Безусловно, всегда существовали внутривузовские формы отчетности (персональные планы, ежегодные отчеты о проделанной научной и методической работе и т.д.), но они, скорее, предназначались для формальной аттестации и были востребованы только вышестоящей администрацией. В настоящее время процесс модернизации образования предполагает не только пересмотр, но и кардинальное переосмысление роли преподавателя вуза. Одним из способов повышения качества образования (высшего образования в том числе) является формирование и постоянное совершенствование педагогической техники каждого преподавателя с целью наиболее эффективного воздействия на студентов как будущих профессионалов и граждан. Многие преподаватели вузов приходят к осознанию факта недостаточной подготовленности к своей профессионально-педагогической деятельности в методическом плане, понимая, что им необходим определенный арсенал средств для оптимизации процесса преподавания своего предмета. Поэтому не случайно в настоящее время наблюдается неуклонный рост интереса к методике обучения различным предметам на всех уровнях и этапах образования, а

также к программам повышения квалификации в системе дополнительного образования.

ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Андреева В.А., Аргунова Т.Г., Пастухова И.П. Повышение профессионализма и квалификации руководящих и педагогических работников в структуре научно-методической работы среднего специального учебного заведения. – М., 2006.
2. Колесникова И.Л., Томашевич М.В. Профессионально-педагогическая компетентность учителя иностранного языка: характеристика и структура. / Традиции и инновации в методике обучения иностранным языкам. – СПб.: КАРО, 2007.
3. Ларионова М. Преподаватель вуза – субъект модернизации образования. – Высшее образование в России. – № 12, 2007.
4. Носко И.В. Модель выпускника как основа формирования компетенций студентов в процессе вузовской подготовки. Автореферат дис. ...канд. пед. наук. – Владивосток, 2007.
5. Подходы к проектированию Государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования 3-го поколения. Разработки экспертов Ассоциации классических университетов и Учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию. – М., 2005 – <http://finec.ru/student/master/design/>.
6. Педагогика профессионального образования: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Е.П. Белозерцев, А.Д. Гонеев, А.Г.Пашков и др.; Под. ред. В.А. Сластёнина. – М.: Издательский центр «Академия», 2004.
7. <http://window.edu.ru>

ЭМИЛИ ДИКИНСОН В ПЕРЕВОДАХ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИЧАНСКОГО

Т. Ю. Аникеева

Дальневосточный государственный университет, г. Владивосток

Творчество американской поэтессы XIX века Эмили Дикинсон (1830-1886) называют выдающимся открытием критики и читателей XX века. Почти вся жизнь поэтессы прошла в небольшом двухэтажном кирпичном доме на центральной улице Амхерста (штат Массачусетс). Здесь, на втором этаже, в маленькой угловой комнате, выходящей окнами на главную улицу, она написала большую часть из своих 1789 стихотворений [Franklin R. W. 1998]. Но, непризнанная своей эпохой, она обрела читателя уже после смерти - при жизни Эмили Дикинсон не было издано ни одной ее книги. Сегодня о ней

говорят как о классике американской литературы, называя по праву ее имя в одном ряду с именами Эмерсона, Торо, Уитмена.

В России произведения Эмили Дикинсон стали известны благодаря Михаилу Зенкевичу. Он перевел четыре ее стихотворения и представил их русскоязычному читателю в сборнике «Из американских поэтов» [Зенкевич 1946: 51-54]. Позже стихи Дикинсон переводили И. Кашкин и И. Лихачев. В конце 60-х годов прошлого века Вера Маркова, поэтесса и прекрасная переводчица японской поэзии, приступила к работе над переводами произведений Эмили Дикинсон, и в 1976 году они вошли в очередной том библиотеки Всемирной литературы [Дикинсон 1976: 427-515].

Приблизительно в 1960-е открыл свою Дикинсон и Александр Величанский (1940-1990). В сборнике «Удел» (1966-1973) [Величанский 1989] в цикле «Пылающее очертание», есть такое стихотворение с эпиграфом «Now happy is a little stone» из Эмили Дикинсон: *«Уважаемая мисс Дикинсон, / Ваш маленький камушек, / такой неприметный...пыльный, / беззаботный и в вечность канувший, / затерявшийся на земле обильной - / он больше любого огромного камня, / хоть тот настоящий и его можно потрогать, / и он даже не уместился бы на дороге, / по которой вы гуляете вечером несказанным, / уважаемая мисс Дикинсон, / аккуратно глядевшая себе под ноги»* [Величанский 1989: 79]. А. Величанский поднял этот затерявшийся «камушек», рассмотрел в нем нечто необыкновенное, вмещающее Вселенную и показал его поколению XX века. Из 202 стихотворений Дикинсон, переведенных им на русский язык, 78 так и остаются существовать в единственном варианте – в его переложениях.

Л. Гинзбург, размышляя о том, из чего «произрастают» переводы, как-то сказал, что они «растут» «из высокой потребности высказаться посредством перевода, устами другого автора, пропустив себя через него (а не только его через себя), из желания поведать своему читателю то, что в подлиннике потрясло вас самого, из необходимости или жажды открывать неоткрытое, неведомое...» [Гинзбург 1988: 12]. Это в полной мере можно отнести к Александру Величанскому. Переводя Эмили Дикинсон он, как и многие его собратья по перу, заглаживал цензурные шрамы, в тайне, очевидно, завидуя «амхерстской затворнице», которая в своем поэтическом творчестве прожила вне своего времени, намного его опередив. Его эпоха тоже не признала Величанского ни как самобытного поэта (он увидел только один сборник своих стихов), ни как переводчика. Семь книг его поэтических произведений и книга переводов и стихов, в том числе с переложениями из Эмили Дикинсон, были изданы уже после смерти автора.

«Сияние боли» («The hallowing of Pain» J 772¹) - так, строкой из стихотворения Эмили Дикинсон, назвал А. Величанский свои заметки о жизни

¹ Нумерация соответствует изданию Johnson T. H. The Complete Poems of Emily Dickinson (1955)

и творчестве поэтессы в сборнике «Охота на эхо» [Величанский 2000: 9]. Их можно было бы назвать - «Сияние общей боли». Эта метафора заключает в себе некий парадокс - отношение художника и современной ему эпохи. В этих заметках – не только горечь от непризнанности поэзии Эмили Дикинсон своим временем, но и осознание того, что неприятие той эпохой сохранило ее поэзию, и дало возможность открыть ее творчество последующим поколениям - конъюнктурные поэты никогда не становятся классиками. С одной стороны, «художник несомненно находится вне времени, так как чужд установившимся культурным канонам, не понят современниками и не влияет на ход литературного процесса», пишет А. Величанский, но с другой – эпоха, в которой он жил, «порождает его искусство и именно по его творчеству потомки будут судить о плодотворности не воспринявшей своего поэта эпохи» [Величанский 2000: 331]. Эти строчки, в которых боль от невозможности пробиться к своему читателю, прежде всего относятся к самому поэту, и, возможно, то, что он находил в поэзии Эмили Дикинсон, подпитывало творчество А. Величанского, всю свою жизнь тоже писавшего в стол. Ему нужны были силы, чтобы сохранить собственную «походку», как написала когда-то Дикинсон. Что касается стихотворений, отобранных им для перевода, то Величанского интересуют произведения Дикинсон, основным мотивом которых является мотив боли, отчаяния и преодоления этой боли или страха: J 335; J 341, J 572, J 599, J 650, J 688, J 770, J 772, J 932, J 967, J 1270, J 1717, J 1732.

<i>Too happy time dissolves itself</i>	<i>Рассеется счастливый миг-</i>
<i>And leaves no remnant by –</i>	<i>Весь выгорит дотла –</i>
<i>'Tis Anguish not a Feather hath</i>	<i>У боли оперенья нет</i>
<i>Or too much weight to fly.</i>	<i>Иль тяжелы крыла.</i>
(J1774)	

Не случайно он отмечал в поэзии Эмили Дикинсон одну из самых поразительных ее черт - «совершенно не женское мужество сознания» [Величанский 2000: 338] - «Пришпорив душу ужасом / Идешь ты сам собой - / (Без Гамлетовских призраков) / С отчаяньем на бой» (J770). Для Величанского Дикинсон была образцом мужества. И эта удивительная особенность ее поэзии надолго привязала переводчика к американской поэтессе. В предисловии к его поэтическому сборнику «Мгновения ока» Эмили Дикинсон называют «ангелом его поэзии» [Величанский 2005: 9].

Рожденная в пуританской семье, в атмосфере которой витали идеи божественного избранничества, и сформировавшаяся под влиянием идей трансцендентализма, где каждый человек уже есть богом избранный, Эмили Дикинсон сформировала свою собственную религию путем отречения от всего незначительного и сосредоточения на самом главном, самом важном – духовном совершенствовании. Показателен пример, о котором она пишет в письме своей подруге Э. Рут от 7 и 17 мая 1850: «Когда я не занята на кухне, я сижу рядом с матерью, удовлетворяя ее маленькие желания и стараясь веселить ее и вдохновлять. Я обязана быть преисполнена благодарности за то, что могу делать все, что угодно, но я чувствую себя так одиноко, а также

беспокойно от того, что ее нужно лечить. Я никогда не жаловалась, разве что однажды, и ты должна знать причину этого. Как-то после обеда я мыла посуду в нашей маленькой «комнате-раковине» и услышала знакомый стук, и мой друг, так мною обожаемый, вошел и пригласил меня на конную прогулку в лес, который все еще был хорош, а я так хотела поехать – я сказала ему, что не могу, и он ответил, что огорчен – я была ему очень нужна – слезы подступили, хотя я и пыталась их сдержать, он сказал, что я могу поехать и мне следует это сделать – и это показалось мне нечестным. Я так боролась с этим соблазном, это стоило мне самоотречения, но я думаю, что в конце я победила, хотя, Эбиа, это было не ликование победы, когда ты слышишь барабанную дробь, это была какая-то беспомощная победа [helpless victory – Т. Аникеева], где триумф приходит один, ни тебе развевающегося флага, ни громких победных криков, лишь угасающие звуки музыки, да измотанные солдаты» [The Letters of Emily Dickinson 1986: 98]. Отметим, что письмо это было написано двадцатилетней девушкой, обретающей свою свободу ценою жертв и ограничений.

В поэзии Эмили Дикинсон переводчика привлекает тема смерти и бессмертия. Но А. Величанский убежден, что не смерть является центральной темой ее творчества, «суть как раз в том, что темой всех этих стихотворений является именно бессмертие» [Величанский 2000: 336]. С точки зрения переводчика, Смерть для Дикинсон – это дар. Она понимает «всю человеческую жизнь как состояние смертности» [Величанский 2000: 337]: «Смерть-привилегия» (J 583); «Я умираю – вот что – но / И не страшусь притом» (J 692); «Малости насущной – смертности самой!» (J 57); «Смерть это лишь прошедший миг - / А жизнь в себя вместит / Смертей так много» (J 1013). Такое отношение к смерти безусловно сближает ее с поэтами – метафизиками, а именно с Джоном Донном, писавшим: «Наше рождение умирает в детстве, наше детство умирает в юности, юность со всем прочим умирает в старости, старость в свой черед умирает и подводит конец всему» [Донн 2004]. Подобный взгляд на жизнь требует совсем неженской отваги сознания или осознания.

В переводах Величанского Бессмертие – сила более могущественная: «Наследство смерти – / Творения начало» (J 917); «Закон о сохраненье / Химических веществ / Надломленную веру / Мою поддержит днесь» (J 954); «Дойду ль конца - / Окажется - / Что нет конца за ним» (761); «Желанье изменилось в нас – / И утолит его / <...> / Бессмертие само» (726); «И в гибели - надо всем / Я воспою Эдем» (1005); «Одна ль могила предо мной - / Могила с вечностью родной / И вечности верна» (J 1503).

Дикинсон Величанского – это Дикинсон, для которой жизнь не что иное как «область преобразования человеческой души» [Величанский 2000: 342]. А единственный путь, существующий у одинокого человека – «это самоуглубление, попытка проникнуть за пределы сомневающегося сознания в глубинную жизнь своей души» [Величанский 2000: 340]. И если говорить о его восприятии поэзии Дикинсон, то Александр Величанский старается передать ощущение, что человек, «отчужденный от природы и Бога, обреченный на одиночество среди себе подобных, должен один, силой

собственного сознания проникнуть в тайну бессмертия, без которого существование бессмысленно, без которого мы «есть прах» [Величанский 2000: 336]: «Моя смелость – надежда» (J 1181).

Сам А. Величанский так определил свое впечатление от поэзии Дикинсон: «Это пристальный взгляд одинокого человека, широко мыслящего и потому замечающего каждую мелочь» [Величанский 2000: 332]. А потому, считает переводчик, ее одиночество, которое и породило ее поэзию, «обернулось связью с тысячами сердец, воспринимающих красоту» [Величанский 2000: 343], вывело ее за «пределы конкретного времени» [Величанский 2000: 346]. Величанский убежден, что будучи «ничьим современником», американская поэтесса всегда «будет современна каждому, в ком есть внутренняя жизнь души» [Величанский 2000: 346].

<i>The Soul unto itself</i>	<i>Душа самой себе</i>
<i>Is an imperial friend</i>	<i>Или повелитель - друг-</i>
<i>Or the most agonizing Spy</i>	<i>Иль- как подосланный врагом</i>
<i>An Enemy – could send -</i>	<i>Лазутчик в стане мук –</i>
<i>Secure against its own-</i>	<i>Самой себе верна –</i>
<i>No treason it can fear -</i>	<i>И не страшась измен –</i>
<i>Itself – its Sovereign – of itself</i>	<i>Душа царит и для себя</i>
<i>The Soul should stand in Awe-</i>	<i>Гневливый суверен -</i>

(J 683)

Творческий почерк А. Величанского со свойственным ему историзмом художественного мышления ярко проявляется в его переводах Дикинсон. Будучи верным принципу «уходить в другую эпоху, оставаясь современником своей» [Эткинд 1995: 315], он не приспособливает язык Дикинсон к современной эпохе, он избрал другой путь – дистанцировал поэтессу во времени и привнес аромат исторического времени, в котором жила Эмили Дикинсон, в свои переводы, сориентировав их на русскую принимающую культуру.

<i>One crown that no one seeks</i>	<i>Всем в тягость сей венец –</i>
<i>And yet the highest head</i>	<i>Лишь выше всех чело</i>
<i>Its isolation coveted</i>	<i>Его разлук возжаждало</i>
<i>Its stigma deified</i>	<i>И язв его –</i>
<i>While Pontius Pilate lives</i>	<i>Коли Пилат живет</i>
<i>In whatsoever hell</i>	<i>В аду своем –</i>
<i>That coronation pierces him</i>	<i>Поднесь той коронацией</i>
<i>He recollects it well.</i>	<i>Он уязвлен.</i>

(J. 1735)

Его Дикинсон ассимилирована в русскую поэтическую парадигму – это Дикинсон XIX века в «в русском сарафане». Переводчик использует устаревшие слова и выражения, перенося тем самым читателя в предыдущие века: «новы **персты** в траве» (J 99) «**скиния** для птиц» (J 1634) «ведь ему **днесь** вся родня подвластна» (J 389), «**в аккурат** измерит **домовину**» (J 389), «ветров своих **персты**» (J 409), «заносит каждый **лик**» (J 409), «весть, что природой **молвлена**» (J 441) «мир **сопротивен** мне» (J 540) «я сберегла лишь

мелочи *досель*» (J 985), «что *узришь* ты» (J 1162), «ее толкает *хлад*» (J 1172), «или, как *брег*, в волну» (J 1619), «Но все ж к лицу ли мне богатой быть, *зане* / Ждет у моих дверей богаче богачей» (J 1640).

Сам поэт в заметках «О возможности перевода» [Величанский 2000: 315] написал, что при соблюдении нескольких непеременимых условий «можно достичь определенной адекватности подлинника и перевода» [Величанский 2000: 315]. К своим переводческим аксиомам он относил представление о том, что перевод должен быть прежде всего поэтическим, а не «версификационным явлением», максимально точным «в передаче чисто поэтических национальных особенностей произведения». Для этого, как считал А. Величанский, «нужно изыскивать пусть даже небывалые, неиспользованные возможности отечественной словесности» [Величанский 2000: 315].

Переводы Александра Величанского узнаваемы, потому что через них «просвечивает» личность переводчика. Переводя такую далекую во временном плане поэтессу, он старается не заслонить подлинника и максимально сохранить авторский стиль Эмили Дикинсон, произведения которой, больше чем через столетие, оказались востребованы русскоязычными читателями XXI века.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Величанский А. Удел: избранные стихотворения 1966—1973. — М.: Прометей, 1989. — 112 с.
2. Величанский А. Охота на эхо. М.: Прогресс – Традиция, 2000. - 368 с.
3. Величанский А. Сияние боли// Охота на эхо. М.: Прогресс – Традиция, 2000. - С. 316 – 347.
4. Величанский А. О возможности перевода. // Охота на эхо. М.: Прогресс – Традиция, 2000. // С. 314-315.
5. Величанский А. Мгновения ока. М.: Прогресс – Традиция, 2005. – 264 с.
6. Гинзбург Л. В поисках Святого Грааля // Поэтика перевода. М.: Радуга, 1988. - С. 12 - 20.
7. Донн Д. По ком звонит колокол. Обращения к Господу в час нужды и бедствий. Схватка Смерти, или Утешение душе, ввиду смертельной жизни и живой смерти нашего тела. Перевод и коммент. Седаковой О. М.: Энигма, 2004.
8. Зенкевич М. Из американских поэтов. М., 1946. - С. 51 – 54.
9. Эткин Е. Там, внутри. О русской поэзии XX века. СПб.: «Максима», 1995. - 568 с.
10. Franklin R. W. The Poems of Emily Dickinson. Variorum Edition. 3 vols. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 1998. – 1654 p.
11. The Letters of Emily Dickinson. Ed. By Thomas H. Johnson. The Belknap Press of Harvard University Press. Cambridge.

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО УРОКА РУССКОГО ЯЗЫКА

Ю.И. Бокатина

филиал Самарского государственного университета путей сообщения,
г. Рузаевка, Республика Мордовия

Состояние современного образования в нашей стране требует разработки новых концептуальных основ, которые будут способствовать приданию существующей образовательной системе гуманистической направленности, обращённости к личности и ее духовным потребностям. В свете идеи гуманизации утверждаются концепции личностно-ориентированного обучения (Е.В. Бондаревская, В.В. Краевский, В.В. Сериков, Е.Н. Степанов, А.В. Хуторской, И.С. Якиманская и др.), цель которых определяется приоритетностью развития личности учащегося, необходимостью раскрытия его потенциала, отношением к ребёнку как к субъекту собственной жизни. По мнению В.В. Серикова, личностно-ориентированное образование представляет «специфическую сферу образовательной деятельности, связанной с формированием у учащихся опыта осознания и реализации собственной личности» [Сериков 2007: 11]. Как отмечает А.В. Хуторской, в основе личностно-ориентированной парадигмы обучения лежит признание уникальной сущности каждого ученика и индивидуальности его учебной траектории [Хуторской 2005: 22].

В системе личностно-ориентированного обучения урок по-прежнему остаётся основным элементом образовательного процесса, однако существенным изменениям подлежат его цели, функции и форма организации. По мнению И.С. Якиманской, основной замысел личностно-ориентированного урока состоит в том, чтобы раскрыть содержание субъектного опыта учеников по рассматриваемой теме, согласовать его с задаваемым знанием, перевести в соответствующее научное содержание и тем самым добиться усвоения материала [Якиманская 2000: 105]. Работа с субъектным опытом на уроке предполагает использование различных форм общения, способствующих подлинному сотрудничеству учителя и учащихся, направленному на совместный анализ процесса учебной работы. В ходе урока учитель ориентируется на анализ не столько результативной, сколько процессуальной стороны учения. Как отмечает В.В. Сериков, на уроке надо организовать жизнь ребёнка, а для этого повернуться от средства к цели – от предмета, материала к ребёнку, личности [Сериков 2007: 9]. По мнению Н.П. Шульгиной, реализовать личностно-ориентированное обучение на уроках русского языка помогают создание речевой среды и определение индивидуальной траектории обучения для каждого ученика, способствующей проявлению его познавательных интересов, личностно значимых ценностей и жизненных установок» [Шульгина 2002: 49].

На основе обобщения положений, представленных в концепции личностно-ориентированного обучения А.В. Хуторского, нами были выделены следующие этапы личностно-ориентированного урока русского языка:

1. Самопрезентация учителя. Постановка задачи перед школьниками.
2. Наблюдение за лингвистическими фактами, понятиями, закономерностями. Проведение лингвистического эксперимента.
3. Этап первоначальной рефлексии. На данном этапе ученик выявляет основные признаки и свойства лингвистических фактов, понятий и закономерностей, анализирует применяемые способы действия.
4. Знакомство с научной трактовкой наблюдаемого школьниками лингвистического факта, понятия или закономерности. На данном этапе осуществляется передача школьникам культурно-исторического содержания образования, выступающего аналогом образовательного продукта школьника (см. труды А.В. Хуторского). При этом развитие личности осуществляется на основе реализации принципа социокультурного контекста (В.П. Зинченко, Е.Б. Моргунов).
5. Сопоставление учениками своих наблюдений за лингвистическими фактами, понятиями, закономерностями с их научной трактовкой. Формирование личной познавательной позиции по отношению к рассматриваемым явлениям, поиск форм дальнейшей деятельности.
6. Рефлексивная деятельность, направленная на выявление результатов деятельности школьника. На данном этапе ученик выявляет обнаруженные принципы и закономерности, применяемые способы деятельности, определяет трудности, причины их появления и способы преодоления. Происходит оценка школьниками собственной познавательной деятельности.
7. Проектирование целостного образа лингвистического факта, понятия или закономерности на основе интеграции собственных наблюдений, различных научных трактовок и выводов, полученных путём рефлексии. Выводы учителя или учеников.

Особого внимания заслуживает этап знакомства школьников с научной трактовкой лингвистического факта, понятия или закономерности. Он способствует выявлению личностно значимого отношения школьников к научной информации. Как отмечает И.С. Якиманская, при продуцировании текста или речевого высказывания на личностно-ориентированном уроке учителю важно учитывать тип научной информации, которая классифицируется на:

- 1) информацию справочного характера, ставшую общепринятой, не требующую доказательств, аргументации,
- 2) информацию, выражающую результаты чужого опыта, соответствующую или не соответствующую результатам опыта ученика,
- 3) информацию, помогающую самообразованию (указания, примечания, пояснения, смысловые таблицы) [Якиманская 1996: 29-31].

Приведём пример учебного текста, содержащего в себе сведения из истории русского языка, поскольку реализация социокультурного контекста и

создание условий для развития личности школьника на уроках русского языка предусматривают обращение к лингвистической диахронии:

«Существуют различные фонетические признаки заимствований из других языков. Знание этих признаков очень важно, потому что позволит вам самостоятельно определять заимствованные по происхождению слова. Например, звук [ф]. Ученые обнаружили, что звук [ф], как и буква *φ*, – греческого происхождения. Ранее в русском языке их не было.

Учёным Л. Успенским был проведён интересный эксперимент. Он подсчитал количество употреблений разных букв в произведениях А.С. Пушкина. Так, в шестнадцати строчках стихотворения «Сквозь волнистые туманы...» буква *и* встречается 9 раз, *к* – 7 раз, *в* – 6. Буквы *φ* нет ни в одной строке. В «Песне о вещем Олеге» 70 букв *п*, 86 – *к*, 111 – *в*. Буква *φ* и тут не встречается ни разу. А в 30000 букв «Полтавы» можно обнаружить только 3 *φ* в словах: *цифра*, *анафема* (т.е. проклятие), *флот*.

Такое малое употребление буквы *φ* свидетельствует о том, что каждое слово русского языка, в котором она пишется, оказывается словом не исконно русским, а пришедшим к нам из других языков. Значит, например, слова *алфавит*, *морфология* будут нерусского происхождения. Исконно славянский звук [ф] возник в произношении в XII-XIII вв. в результате оглушения в словах типа *ро[ф]*, *ла[ф]ка*.

О том, почему раньше буква *φ* называлась «ферт» и откуда возникло выражение «стоять фертом», вы можете узнать из этимологических словарей русского языка для школьников, в которых даётся информация о происхождении слов».

В данном тексте представлена общепринятая справочная информация справочного характера: «Ученые обнаружили, что звук [ф], как и буква *φ*, – греческого происхождения...»; «...слово русского языка, в котором пишется буква *φ*, оказывается словом не исконно русским...»; «слова *алфавит*, *морфология* будут нерусского происхождения» и т.д. Здесь происходит реализация онтологического аспекта научного знания, основным компонентом которого является проблема происхождения звука [ф] и буквы *φ*. В ситуации научно-учебного общения учитель также обращается к собственным фоновым знаниям.

Информация, выражающая результаты чужого опыта, соответствующая или не соответствующая результатам опыта ученика, представлена в тексте описанием исследования, проведённого Л. Успенским, а также указанием учителя на важность знания школьниками фонетических признаков заимствований. В том, что учитель характеризует информацию как важную и интересную для учащихся, проявляется аксиологический аспект знания. Методологический аспект научного знания представлен в описании процедуры исследования, проводимого Л. Успенским.

Информация, помогающая самообразованию школьников, представлена в указании учителя на возможность получения знания при обращении к лингвистическим словарям. Здесь также реализуется методологический аспект научного знания.

Важной составляющей личностно-ориентированного урока является использование дидактических материалов, реализующих принцип субъектности образования. Приведём примеры «открытых» эвристических заданий с опорой на историю языка:

1. Докажите, что слово эфиоп нерусского происхождения.
2. Какое из перечисленных ниже слов появилось в русском языке только в XX веке? а) вратарь; б) нападающий; в) защитник; г) полузащитник; д) судья [Задачи конкурса «Русский медвежонок» 2008].
3. Какое из этих слов исторически не родственно слову яд? а) противоядие; б) всеядный; в) яство; г) еда; д) все эти слова исторически родственны [Задачи конкурса «Русский медвежонок» 2008].
4. Каково происхождение слова ошеломить? Как можно объяснить написание гласных в его корне?

Таким образом, в рамках личностно-ориентированного урока русского языка в полной мере реализуется идея развития личности ребёнка, создаются оптимальные условия для реализации её потенциалов. Для личностно-ориентированного урока характерно преодоление доминантной позиции педагога в учебном процессе, принятие учителем роли координатора диалога, ориентация педагога на анализ процессуальной стороны учения, восприятие ученика как активного субъекта познавательной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Задачи конкурса «Русский медвежонок» - 2008, 8-9 классы [Текст]. – Киров, 2008.
2. Сериков, В.В. Личностно развивающее образование: мифы и реальность [Текст] / В.В. Сериков // Педагогика. – 2007. – № 10. – С. 3-12.
3. Хуторской, А.В. Методика личностно-ориентированного обучения. Как обучать всех по-разному? [Текст] / А.В. Хуторской. – М.: Владос-пресс, 2005. – 383 с.
4. Шульгина, Н.П. Личностно-ориентированное обучение на уроках повторения в VII классе [Текст] / Н.П. Шульгина // Русская словесность. – 2002. – № 2. – С. 49-52.
5. Якиманская, И.С. Личностно-ориентированное обучение в современной школе [Текст] / И.С. Якиманская. – М.: Сентябрь, 1996. – 96 с.
6. Якиманская, И.С. Технология личностно-ориентированного образования [Текст] / И.С. Якиманская. – М.: Сентябрь, 2000. – 176 с.

ЭТНОФРАЗЕОЛОГИЗМЫ: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРЫ И ЭТНОЯЗЫКА

В.Н. Васильченко

Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова, г. Киев

Универсальной формой осмысления окружающей действительности выступает язык культуры, формируемый соответственными смысловыми структурами (знаками, символами, текстами и проч.), фиксирующими результаты познавательной деятельности ее субъекта на хронологически разных этапах этого перманентного процесса. Язык культуры формируется в результате взаимодействия, коммуникации людей, жизнь которых проходит в общем этнокультурном поле. Существование языка культуры обеспечивается содержащейся в памяти этноединицы (этносоциума) и реализующейся в знаковых продуктах культуры системой коммуникативных механизмов, определяемой исследователями как “семиотический универсум” (Ю. Лотман). Процесс формирования семиотического универсума носит перцептивный характер: ассимиляция ним новых знаков осуществляется путем соотнесения их с уже известными: новые знания входят в макросистему известных уже знаний.

Культура, считает Е. Селиванова, – есть сложный феномен жизни определенного людского объединения (группы, этноса или цивилизации); она выступает сохраненными в коллективной памяти такого людского объединения символическими средствами материального и духовного осмысления мира, моделями его познания и интерпретации, способами коллективного сосуществования, выработанными представителями разных этносов, одной этноединицы или определенной ее группы. Этническая культура характеризуется воспроизводимостью “в согласованной системе идей, схем мышления и поведения, этических и эстетических ценностей, норм, обычаев, обрядов, мифов, верований, суеверий, бытия и т. п.” [Селиванова, 2006, с. 271].

Будучи замкнутой системой, в полной мере язык открывает себя только для членов определенного этносоциума. Средством реализации частичной герметичности каждого языка выступает его внутренняя форма (а также внутренняя форма его компонентов), представляющая собой форму “существования и неустанного проявления коллективного мировосприятия (мировоззрения) данной народности” [Шевельов, 1992, с. 37]. Так, для того чтобы понимать мотивационный план, историко-культурные основы устойчивого выражения *моя хата скраю*, раскрыть внутреннюю форму фразеологизмов *вискочив, як козак з маку, на руку ковінька, дістати гарбуза, нам'яти чуба*, необходимо знать национальный контекст их возникновения, характер способа жизни, психические особенности украинцев [Кононенко, 2000, с. 52]. С этим связан общеизвестный факт передачи общей для разных народов понятийной системы самими разнообразными языковыми формами. Закономерность такой ситуации детерминирована местом, занимаемым родным языком народа (этноязыком) в отображении национальным сознанием объективной действительности, выступая модным фактором этого процесса. Играя ведущую роль среди национально-специфических компонентов культуры, язык выступает одним из самых выразительных средств репрезентации национальной самобытности. Языковые средства в понятийно-семиотической сфере обряда, фольклоре репрезентируют архаическую, “наивную картину мира” (Ю. Апресян) [Тищенко 2000, с. 150]. В общем же,

понятие “языковой картины мира” (ЯКМ) сформировалось, как известно, на основе взглядов В. фон Гумбольдта и его последователей (неогумбольдтианцы) относительно внутренней формы языка и идей американских этнолингвистов (гипотеза лингвистической относительности Сэпира – Уорфа) и представляет собой совокупность представлений о мире, которая возникла в результате длительного процесса познания и осмысления окружающего мира и себя в нем и нашла свое отображение в языке. Этот способ концептуализации действительности наделен определенной амбивалентностью: он имеет как признаки универсальности, так и национальной специфичности. Носителями национальной специфики ЯКМ выступают в первую очередь лингвоспецифические слова (а также идиомы) – неперебиваемые на другие языки единицы, обозначающие национально специфические концепты. Суть выполнения языком функции передачи этнической ментальности “состоит не в том, что выражается языком, а в том, *как* выражается” [Потебня, 1993, с. 187].

В исследовательской парадигме этнолингвистики особое место отводится этнофразеологии, изучение которой требует активизации, поскольку она является средством отражения в языке национальной специфики, носителем элементов, в значительной разнообразности и полноте характеризующих этническую картину мира [Кононенко, 2000, с. 52]. Определяя язык как душу народа, душой языка исследователи справедливо считают его фразеологию, ибо фразеологический состав является ярким и своеобразным носителем национально-культурных особенностей языковой системы, поскольку фразеология является той сферой языковой деятельности, “где, с одной стороны, в языковых фактах ярко отражаются этнопсихологические особенности социума, а с другого, – четко прослеживается влияние языка на формирование его менталитета” [Жайворонок, 2007, с. 33].

“Особенность” места фразеологии в процессе выявления в языке этнической историко-культурной памяти определяется ее четко выраженным антропологическим характером, поскольку своей специфической номинацией фразеологические единицы (далее – ФЕ) по большей части охватывают те фрагменты действительности, которые “непосредственно связанные с психическими процессами, деятельностью человека, его индивидуально-психологическими особенностями” [Прадід, 1997, с. 7].

Народная фразеология выступает важным фрагментом этноязыковой картины мира [Григоренко, 2005, с. 14]. В ней спрятана вся многогранность исторического бытия народа, его жизнь, быт, обычаи, мораль, сила духа, боль и гнев, страдания и надежда [Майборода, 2002, с. 1]. Изучение этносимволики народных афоризмов возможно путем реконструкции глубинного значения, погружения в их культурное содержание [Філіпчук, 2007, с. 15], поэтому абсолютно естественным представляется тот факт, что много ученых разных направлений (этнографы, фольклористы, историки, языковеды) в своих исследованиях апеллируют к историко-этимологическому плану фразеологических единиц, усматривая в нем ценный фактографический источник [Мокиенко, 1999, с. 5]. В то же время народная фразеология в

значительной степени национально маркирована: относительно изучения разноэтнических ЯКМ эффективным выступает “анализ национально-специфических фразем (типа укр. *на рушник стати, гарбуза дістати, передати куті меду...*) и специфики мотивации (внутренней формы) фразеологизмов” [Кочерган, 2004, с. 19], поскольку они отображают различия между народами в плоскостях как духовной, так и материальной их культур [Афанасьева, 2000, с. 32]. Особенно это касается идиом, поскольку идиоматику исследователи считают “святая святых” каждого национального языка; она неповторимым способом манифестирует дух и своеобразность нации [Назарова, 2004, с. 174].

Фразеологические единицы, неся в себе остатки древних обрядов, вместе с другими устойчивыми единицами, отображающими стихию народной духовной культуры, формируют “сакральную народную фразеологию” (Н. Толстой). Ее этнолингвистическое изучение должно происходить комплексно, базируясь на широких историко-культурных рецепциях, посредством использования материалов “этнографии, мифотворчества, религии, фольклористики в их словесно-смысловом выражении” [Кононенко, 2000, с. 52]. Этнокультурная интерпретация таких ФЕ, как считает В. Коваль, связана со значительными трудностями, поскольку перед исследователем возникает потребность апеллировать не только к собственно языковым, но и к сложным (обычно архаическим) внеязыковым закономерностям, малодоступным ведомостям [Коваль, 2002, с. 193]. В то же время взаимоперекрещивание фразеологии с этнографической наукой имеет древнюю исследовательскую практику. Так, во многих славянских сборниках паремий, составленных на протяжении XVIII – XIX вв., часто содержатся этнографические комментарии, а в этнографических работах исследователи используют фразеологический материал для иллюстрации, придания большей выразительности тому или иному объекту как своеобразной языковой данности. В последнее время замечено усиление этого “взаимодисциплинарного” тяготения, обусловленного у этнографов общей заинтересованностью этнолингвистикой и поиском новых, более точных методов описания, а у фразеологов – потребностью использования экстралингвистического материала для комментирования многих языковых фактов, с одной стороны, и открытием в результате этого общеметодологических перспектив, с другой [Мокієнко 2002, с. 379]

Рассматривая ФЕ как “текст в тексте”, “микротекст”, следует помнить, что в системе языка она выступает репрезентантом “макротекста”, того вербального этнокультурного образования, в процессе сворачивания которого и возник фразеологизм. В таком случае межкатегориальный мотивационный вектор в диалектической диаде “культура ↔ язык” направляется от культуры к языку, свидетельствуя о факте вторичной семиотизации, которая констатирует наличие двойного знакового отбора, что в свою очередь усиливает степень аксиологической избирательности в процессе вторичной семиотизации смыслов [Березович, 2004, с. 20]. О том, что свои эпические рассказы (resp. культурные тексты) народ сохраняет в отдельных выражениях (загадках, коротких заговорах, поговорках, присказках), говорил еще известный

украинский этнограф Г. Булашев, утверждая, что “поэма сокращается до загадки; поговорка рождается из легенды” [Булашев, 2006, с. 16]. Как считает А. Потебня, “определенная часть басни становится поговоркой благодаря тому, что другая часть ее содержится в мысли и готова появиться по нашему первому требованию для пояснения этого выражения; но первая часть басни присутствует, остается без какого-либо изменения” [Потебня, 1985, с. 97].

Стараясь “развернуть” текст фразеологической “свертки”, следует помнить, что фразеология – дисциплина историческая прежде всего и что данные исторической фразеологии для общей теории фразеологии имеют более важное значение, чем для других дисциплин [Телия, 1996, с. 82]. Связано это с тем фактом, что история формирования национальной фразеосистемы находится в диалектическом единстве с формированием мировоззренческих начал этнического понимания макрокосма в онтологическом его осмыслении, поскольку отбор ментальных образцов, их вербальное воплощение – это “результат культурной интерпретации самих фрагментов действительности с целью выразить отношение к ним – ценностное или эмоционально значимое” [Там же]. Справедливо определенная исследователями способность фразеологии к “исторической аккумуляции” (то есть сохранения в своем составе устарелых слов, архаических форм и синтаксических конструкций) особенно яркое проявление находит в смысловом спектре [Мокиенко 1999, с. 5]. Фразеологизмы, по мнению О. Кононовой, – это “универсальный банк данных”, содержащий информацию об окружающей действительности определенного этнического хронотопа, особенностях возникновения в сознании современника этой действительности (который творил ее, познавал и отображал вербальными средствами) образов, ставших основой фразеологической номинации [Кононова 1999, с. 35].

Образная основа фразеологизмов отображает характерологические признаки народного мировоззрения, выступающего составной частью комплексного понятия “менталитет”. На этой основе в языкознании (как и в культурологии и философии) сформировался и стал общепризнанным взгляд на фразеологический состав как на наиболее прозрачную подсистему языка для воплощения лингвальными средствами концептов “языка” этнокультуры [Назаренко, 2001, с. 1]. В связи с этим правильную мысль высказала Е. Селиванова, трактующая фразеологизмы как лингвосомиотические феномены, которые формируют “особый “подязык”, одно из концентрических кругов языка, в котором в традиционной форме сохраняются и транслируются представления этноса о мире, культурная и историко-мифологическая интериоризация действительности и внутреннего рефлексивного опыта народа” [Селиванова, 2004, с. 11].

Таким образом, исследования связей этнофразем с контекстом их возникновения неизбежно выводит вектор поиска на уровень народной дискурсивной речи, репрезентация которой осуществляется в вербальных кодах архаической народной культуры (в том числе – традиционной обрядности), воплощающей устойчивую парадигму этнического мировоззрения, основывающегося на архетипных верованиях, созданных коллективным

сознанием социума. Прохождение таким путем есть продуктивным движением в направлении погружения в праглубины народного духа.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Афанасьева А.Л. Отражение во фразеологии разных языков специфики материальных культур // Проблемы идиоэтнич. фразеол. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2000. – Вып. 3. – С. 28-33.
2. Березович Е.Л. К этнолингвистической интерпретации семантических полей // ВЯ. – 2004. – № 6. – С. 3-24.
3. Григоренко Т.В. Етнографічна лексика і фразеологія у складі української літ. мови: Автореф... канд. філол. н. – К., 2005. – 19 с.
4. Жайворонок В.В. Українська етнолінгвістика. – К., 2007. – 262 с.
5. Коваль В. Украинская этнофразеология: проблемы интерпретации // Матеріали IV Міжнародного конгресу українців. – К. : Пульсари, 2002. – С. 193-196.
6. Кононенко В. Етнологічні засади вивчення української мови // Укр. мова в освіті. – Івано-Франківськ: «Плай», 2000. – С. 43-56.
7. Кононова О. А. Отголоски мифов и суеверий древних германцев в современной немецкой фразеологии // Проблемы идиоэтнической фразеологии. – Вып. 3. – СПб., 2000. – С. 33-41.
8. Кочерган М.П. Зіставне мовознавство і проблема мовних картин світу // Мовознавство. – 2004. – № 5-6. – С. 12-22.
9. Майборода О.А. Українська фразеологія як джерело народознавства: Автореф... канд. філол. н. – Х., 2002. – 18 с.
10. Міфи України. За кн. Георгія Булашева “Український народ у своїх легендах, релігійних поглядах та віруваннях”. – К., 2006. – 383 с.
11. Мокиєнко В.М. От автора // Бирих А.К., Мокиєнко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб. : Фолио-Пресс, 1999. – С. 5 – 14.
12. Мокієнко В. Українська етнофразеологія в загальнослов'янському висвітленні // Матеріали IV Міжнар. конгр. українців... – 379-385.
13. Назарова З.О. Ишкямские фразеологии в этнокультурном контексте // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 174-179.
14. Потебня А.А. Мысль и язык. – К.: СИНТО, 1993. – 192 с.
15. Прадід Ю.Ф. Проблеми фразеологічної ідеографії (на матеріалі укр. і рос. мов): Автореф... д-ра філол. н. – Д., 1997. – 50 с.
16. Селіванова О. Нариси з української фразеології (психокогніт. та етнокультур. аспекти). – К.-Черкаси: Брама, 2004. – 376 с.
17. Селіванова О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. – Полтава: Довкілля-К, 2006. – 716 с.
18. Селіванова О.О. Концептуалізація просторової орієнтації в українських фраземах // Мовознавство. – 2004. – № 1. – С. 17-25.
19. Тищенко О. До проблеми міжбрядового стереотипу у слов'янських мовах // Проблеми слов'янознавства. – 2000. – Вип. 51. – С. 149-158.

20.Філіпчук М.В. Етносимволіка мовних одиниць в українському обрядовому дискурсі: Автореф... канд. філол. н. – К., 2007. – 20 с.

21.Шевельов Ю. Олександр Потебня і українське питання // Потебня Олександр. Мова. Національність. Денаціоналізація: Статті і фрагменти / Українська вільна академія наук у С.Ш.А. (Упорядкування і вступна стаття Юрія Шевельова). – Нью-Йорк, 1992. – С. 7-46.

ДИСКУРСНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ УЛЫБКИ

Т.М.Власова

Дальневосточный государственный университет, г. Владивосток

Процесс коммуникации – это нечто большее, чем устная и письменная речь. Люди могут общаться, даже когда они не произносят ни слова. Иногда слова вообще не нужны: необходимая информация передается с помощью жестов, взгляда, выражения лица. Чаще, однако, невербальные средства общения не заменяют, а сопровождают устную речь, неся дополнительную коммуникативную нагрузку. Люди, живущие в одном обществе и принадлежащие к одной культуре, с детства усваивают невербальные коды, обучаясь тому, как можно использовать модуляции голоса, молчание, движение тела и выражение лица в коммуникативных целях, то есть для того, чтобы передать необходимую информацию либо независимо от вербального сообщения, либо для того, чтобы подчеркнуть, усилить смысл последнего.

З.Чанг считает, что невербальное общение играет огромную роль во взаимодействии людей. Значение его особенно велико в «эмоциональном секторе», так как психологическое состояние коммуникантов часто находит свое выражение именно через невербальные каналы. Ценность «языка тела» велика еще и потому, что он обычно используется неосознанно и спонтанно [Chang 2004:204] в отличие от слов, которые, как правило, обдумываются и тщательно отбираются, поэтому его можно считать более надежным источником информации о состоянии говорящего, его отношении к партнеру и предмету обсуждения.

Объектом данного исследования является одно из самых распространенных невербальных средств коммуникации – улыбка. Она рассматривается в разных аспектах ее функционирования в процессе общения. Материалом анализа послужили примеры из художественных произведений современных англоязычных авторов.

Б. Спольский пишет о том, что выбор соответствующей формы сообщения может обеспечить выражение широкого диапазона отношения говорящего к слушающему. В одной и той же коммуникативной ситуации можно использовать целый набор разных средств, которые определяют отношение к слушающему и значение, которое говорящий ему придает [Spolsky 2000:19]. Улыбка является одним из таких средств. З.Чанг относит улыбку к

«аффектным проявлениям» (affect displays), под которыми понимаются движения в зоне лица, передающие эмоциональные значения [Chang 2004:212].

Если рассматривать улыбку с точки зрения коммуникативной перспективы, которую она обеспечивает, можно заметить, что она может играть как положительную, так и отрицательную роль.

И. Стернин считает мимику приветливости, ядром которой является улыбка, наиболее эффективной и действенной. Улыбка характеризует улыбающегося как носителя положительных признаков, как хорошего человека. Она вызывает ответную положительную реакцию собеседника, «отражается»; поднимает настроение самому говорящему; стимулирует продолжение контакта [Стернин 2003:51-52]. З.Чанг также пишет об исключительно положительной роли улыбки в построении дискурса: она передает любовь, доброжелательность, теплое отношение к участникам или предмету обсуждения, а также характеризует самого улыбающегося как человека приятного, общительного, доброжелательного [Chang 2004:212]. Анализ художественного дискурса выявил, что, действительно, чаще всего улыбка играет *положительную* роль в процессе коммуникации, например:

- Steve *grinned at her*. “So you’re the new business manager?” Louise *smiled*. “Yes,” she said simply. [PG, 288]
- “How’s your work going?” “I love it.” She *smiled*. [ES, 91]
- Carlo was the second to kiss Terri. “Nice going,” he told her. Terri *smiled*. [RP, 496]

Так как улыбка характеризуется множеством нюансов и выражает различные эмоциональные состояния [Основы теории коммуникации 2003: 312], автор нередко уточняет значение, которое передает улыбка в конкретном коммуникативном контексте, например:

I wore a *smile*, one of *decent approval* for all before me. [MA, 80]

Герой Эмиса сознательно выбирает тот вид улыбки, которая сможет в данной ситуации произвести наиболее благоприятное впечатление на девушку, расположение которой он хочет завоевать.

- Andrew Miles *smiled one of his rare friendly smiles*. [PG, 123]

К положительным функциям улыбки, позволяющим коммуникантам успешно вести диалог, относятся установление контакта, поддержка партнера, желание очаровать собеседника, выражение благодарности, демонстрация доброго отношения к предмету обсуждения или партнеру, выражение положительных эмоций – счастья, хорошего настроения, любви, удовольствия, беззаботности.

Мимические средства коммуникации можно использовать осознанно, намеренно придавая лицу то или иное выражение, не отражающее внутреннее состояние партнеров в момент коммуникативного акта. Именно в силу того, что улыбка несет, как правило, положительную нагрузку в дискурсе, коммуниканты нередко имитируют улыбку, например:

- He *smiled then, as if to cover his surprise*. [RP, 310]

Если сообщение собеседника вызывает резко отрицательную реакцию, имитация положительных эмоций дается с трудом:

- He forced a smile in Anya's direction. [ES, 160]
- 'It's not very long, my dear, before you're dead and buried and all you'll have done is worry about other people's troubles.'
- Miriam shook her head trying to keep the smile on her face. [PG, 77]

Мириам неприятно слышать слова старой женщины, но она не подает вида и по профессиональной привычке «держит удар», сохраняя улыбку на лице, хотя это дается ей с трудом.

Улыбка в случае имитации получается наигранной, фальшивой, натянутой, неестественной.

Автор может особо подчеркнуть искренность улыбки героя, например:

- His accent was Buxton, Derbyshire,...but his *smile* was *authentic*. [PG, 270]

Несмотря на то, что чаще улыбка играет позитивную роль в дискурсе, в определенных коммуникативных ситуациях она может иметь *отрицательное* влияние на ход диалога. Улыбка может быть не только счастливой, очаровательной, одобрительной, беззаботной, но и ехидной, неприязненной, насмешливой, недружелюбной, саркастической, презрительной, «кривой», например:

- In the darkness his grin was mischievous. [PG, 276]
- "I can beat you all the time." Carlo flashed his crooked smile. [RP, 316]
- "Chris would never lie to me."
- Salinas' smile became cynical. "Of course. He's far too honest." [RP, 443]
- 'She's invading my personal space.'
- Miriam gave her a quick mocking smile. 'I didn't know your personal space went as far as several acres.' [PG, 27]

Автор не только характеризует улыбку героини, как насмешливую, но и вербально поясняет ее причину.

- "Who did I murder now?"
- Salinas gave him an *edgy, delayed smile*. [RP, 491]

Вопрос оказался настолько неожиданным, что он вывел Салинаса из равновесия. Ему понадобилось время, чтобы попытаться с помощью улыбки вернуть себе непринужденный вид, но улыбка получилась «натянутой», нервной.

В описываемых ситуациях улыбка используется для выражения негативного отношения к собеседнику или предмету обсуждения и поэтому «тормозит» плавное течение диалога, вызывая отрицательную реакцию партнера. К негативным функциям улыбки можно отнести выражение чувства вины, нервозности, т.д. говорящего или демонстрацию неприязни, презрения, насмешки, т.д. по отношению к партнеру по коммуникации.

В редких случаях улыбка может сочетать в себе положительное и отрицательное значения, являясь выражением смешанных чувств коммуниканта, например:

- Louise smiled with affectionate *contempt*. [PG, 112]

Другой характеристикой, нередко отмечаемой авторами, является ширина улыбки. В зависимости от интенсивности испытываемых эмоций ширина улыбки может быть разной. Для описания этой характеристики используются такие слова как *beam* (a wide happy smile), *grin* (a big smile that shows your teeth) или *smile* в сочетании со словами типа *small*, *tiny*, *half*, *broad(ly)*, *slight(ly)*, *faint(ly)*, *weak(ly)*, *at one corner of one's mouth*, и другие средства, например:

- “What’s that?”
“It’s a surprise for the patient,” Adam answered with a *tiny smile*. [ES, 19]
- Even at that distance she could see Rose’s *triumphant beam*. [PG, 250]
- The old lady *smiled* at her, her *face crazing into a thousand wrinkles*. [PG, 74]
- Paget saw his son’s *faint smile*. [RP, 363]

«Слабая» улыбка часто отражает то, человек подавлен, растерян, напуган. Но он пытается скрыть свое состояние за улыбкой для того, чтобы не потерять «лицо» или успокоить партнера.

- Toby *smiled weakly*. Rose *beamed*. [PG, 106]

Коммуниканты по-разному воспринимают ситуацию: Роза счастлива, в то время как Тоби не до смеха, но для него важно сохранить коммуникативный контакт, он пытается «изобразить» на лице улыбку, чтобы подстроиться под настроение партнера, но она получается слабой, неубедительной.

- “A baby?” he asked.
Terri *grinned* at him. “Uh-huh. What do you think?” [RP, 496]

Улыбка «во весь рот» помогает передать полноту счастья Терри.

Ширина улыбки может меняться в ходе общения, например:

- The *grin widened*. “That was eight, by the way. You lose.” [RP, 493]

Карло обыгрывает отца, он очень доволен, его и без того широкая улыбка становится еще шире.

- “Have you taken anything?” Louise asked like an anxious mother... “Yes,” Miriam said and *smiled her wide larky grin*. “I’ve taken my life into my hands. I’m going to be free.” [PG, 276]

Мириам счастлива от того, что к ней пришло понимание смысла жизни, того, что она жила неправильно, того, как следует жить.

Авторы художественных произведений могут также указывать на длительность улыбки. Она может быть короткой или затяжной, что выражается в тексте такими словами как *brief*, *short*, *quick*; *to shoot*, *to flash*, *to keep (a smile)*, *(to smile) steadfastly*, *etc*; например:

- He *shot a brief smile* at her. [PG, 257]
- Miriam gave her a *quick mocking smile*. [PG, 27]
- Toby *bit back a roar of rage* at this woman daring to lecture him. “I’ll think about what you said,” he replied, *smiling till his cheeks ached*. [PG, 133]

Тоби не может позволить себе поссориться с Роуз, поэтому он старательно подавляет гнев улыбкой, причем она такая длительная и напряженная, что сводит мышцы лица.

- “I enjoy my work,” Miriam said, *steadfastly smiling*. [PG, 77]

Автор подчеркивает то, что Мириам «упорно» улыбается, говоря о своей работе, пытаясь убедить собеседницу (и себя?) в том, какое удовольствие она получает от своей работы.

Может отмечаться несколько характеристик одной улыбки, например:

- “I warned you,” she said. “That’s enough.”

He shot her one of his wicked grins. “All right, I’m done.” [PG, 251]

Улыбка характеризуется комплексно: краткая, но «во весь рот», она отражает насмешливое, озорное отношение к словам собеседницы.

Автор может указывать и на другие невербальные средства выражения отношения к партнеру или предмету дискурса, например:

- Her eyes were now sparkling. She broke into a smile. “It sounds lovely.” [ES, 85]

Счастлирое состояние девушки отражает не только улыбка, но и сияющие глаза.

- “You bring neither of them any good at all.”

Toby gritted his teeth and kept the smile on his face. [PG, 132]

Если в предыдущем случае невербальные средства дополняют друг друга, то в данном примере они противоречат друг другу: Тоби стиснул зубы, что свидетельствует о его крайне отрицательной реакции на слова собеседницы, однако он пытается улыбкой замаскировать негативные эмоции, не желая с ней ссориться.

В книге «Язык жестов» говорится, что в Америке давно поняли, что всегда улыбаться – выгодно. При этом улыбка часто становится искусственной, футлярной, в котором может быть все, что угодно [Язык жестов 2003:232]. Она часто приобретает «этикетный» характер, не выражая никаких чувств и эмоций. Рассмотрим следующие примеры:

- He just smiled at them, as if it were something anyone would do in the circumstances. [NH, 161]

У мальчика нет никакого желания общаться с малознакомыми людьми на званом обеде, и улыбка выручает его в данной коммуникативной ситуации, он знает, что она абсолютно ничего не значит, просто в обществе принято улыбаться.

- He would do as Roman do, and smile at people even if he disapproved of them. Smiling at people didn’t mean that you had to be friends with them forever, surely? [NH, 160]

Подросток уже усвоил, что взрослые всегда улыбаются, и ему следует делать тоже самое, даже если эти люди ему не нравятся. Он учится маскировать свои чувства улыбкой.

- “Louise will be down in a moment,” Miriam said with her meaningless social-worker smile. [PG, 86]

Мириам – социальный работник, и даже когда она не на работе, на ее лице «заученная», «приклеенная» улыбка, на самом деле ничего не значащая.

Лицо человека – самый мощный передатчик информации, поскольку мышцы быстро сокращаются и расслабляются в соответствии с состоянием

человека, создавая различные выражения [Основы теории коммуникации 2003:315]. Неудивительно поэтому, что описание улыбки, как наиболее часто используемого мимического средства, так широко представлено в художественном английском дискурсе. Она характеризуется, прежде всего, определенной коммуникативной ролью в конкретном коммуникативном акте. В наиболее общем виде эти роли можно представить как положительные или как отрицательные в зависимости от тех коммуникативных перспектив, которые улыбка обеспечивает в процессе общения. Авторы также отмечают такие «физические» характеристики улыбки, как широта и длительность.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Chang Z. Comparative Studies in Language & Culture. – Qing dao: Ocean University of China, 2004, 434 p.
2. Spolsky B. Sociolinguistics. – Shanghai: Oxford University Press, 2000, 130 p.
3. Основы теории коммуникации. Под ред. М.В.Василика. – М.: Гардарики, 2003, 616 с.
4. Стернин И.А. Практическая риторика. – М: Academia, 2003, 268 с.
5. Язык жестов. Сост. А. Мельник. – М.: Терра – Книжный клуб, 2003, 448 с.

ЦИТИРУЕМЫЕ ИСТОЧНИКИ:

1. **ES** – E.Segal. Prizes. // Reader's Digest Condensed Books. Vol 3. - New York: the Reader's Digest Association, Inc., 1995, p. 7-160.
2. **MA** - Amis M. The Rachel Papers. – L.: Penguin Books, 1984, 219 p.
3. **NH** – Nick Hornby. About a Boy. – London: Penguin Books, 2000, 278 p.
4. **PG** - Ph. Gregory. Perfectly Correct. – London: HarperCollinsPublishers, 1997, 294 p.
5. **RP** – R.N.Patterson. Eyes of a Child. // Reader's Digest Condensed Books. Vol 3. - New York: the Reader's Digest Association, Inc., 1995, p. 299- 496.

МОЛОДЕЖНАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЛИНГВИСТИКИ: КАНТРИ, ПРОГРЕССИВ, ПОП-РОК, ХАРД-РОК

М.Б. Дюжева

Дальневосточный государственный университет, г. Владивосток

Молодежная культура на сегодняшний день – явление, признанное во всем мире, и в то же время недостаточно изученное. В частности, мало исследованным остается язык молодежи и отраженная в нем система ценностей.

В данной работе рассматривается корпус лингвистических средств, вербализирующих различные музыкальные направления и их ценности в молодежной культуре. В качестве языковых единиц нас интересуют названия музыкальных групп (НМГ), способные отобразить ценности молодежи благодаря содержащимся в них культурным и социальным коннотациям [Телия 1996; Пак 2003 и др.]. Подобные свойства НМГ обусловлены как их принадлежностью к ономастикону английского языка [Суперанская 1973; Отин 2003; Пак 2003; Чернобров 1999 и др.], так и непосредственным отношением к сфере музыки. В итоге, НМГ выступают как своеобразные элементы рекламы молодежной культуры, как ее идентификаторы [Yule 1998; Тхорик 2005], как квинтэссенция ее ценностей [Чурусова 2005]. В данном исследовании были проанализированы 717 однословных названий англоязычных (американских и британских) музыкальных групп, образованных с 1950г. по настоящее время, полученных методом сплошной выборки из Рок-энциклопедии «Ровесник» [Кастальский 2003], подшивки журнала «The Rolling Stone» за 2004-2008 гг., а также интернет-ресурсов.

Рассмотрим некоторые направления современной музыки [ftn11](#) и то, какое отражение они находят в названиях соответствующих групп.

Folk / Country rock – симбиоз фольклорной музыки и рок-н-ролла, заключающийся в использовании 12-струнной гитары, ярких мелодий и эффектных гармоний: «современные или традиционные народные песни и роковый ритм» [Zhukova, Lebedko 1999:229].

Кантри является разновидностью фолк-рока, это музыка американской глубинки, сохраняющая элементы традиционной кельтской музыки. «Струнные инструменты, обязательно скрипка и речитатив на тему красот родной земли, личного мужества и неразделенной любви» [Кастальский 2003:181] – таков инструментарий и набор тем классической кантри-музыки.

Рассмотрев названия групп данного направления (29 единиц), мы видим описанную выше картину провинциальной жизни с ее ценностями и интересами. С одной стороны, широко представлена природа, являющаяся залогом экономического процветания глубинки (как американской, так и английской). Отсюда 28.6% названий групп, в основе которых – названия животных и растений: *The Byrds, Turtles, Eagles, Los Lobos* (волки – исп.), *Leaves, Clover, Strawbs* (сокращение от strawberries).

Патриотизм, свойственный представителям кантри, стремление подчеркнуть свои корни, проявляется в использовании топонимов в качестве названий групп: *Oregon, Alabama, America*. Стоит обратить внимание, что кантри – традиционная именно для Америки музыка, отсюда желание музыкантов подчеркнуть свою национальную принадлежность. С другой стороны, штаты *Alabama* и *Oregon* – это как раз и есть та самая глубинка, в которой создавалась и до сих пор культивируется музыка этого стиля.

Практический материал показывает, что и среди британских групп этого фолк направления встречаются географические названия: *Lindisfarne* – «название острова вдоль побережья Нортумбии на Севере Англии. Остров (также известный как «святая земля») известен благодаря раннесредневековому

монастырю, замку и древней рукописи “Landisfarne Gospels”». Имена-топонимы составляют 14.3%.

Рассматривая прочие аспекты провинциальной жизни, нельзя обойти вниманием такие традиционные понятия как семья (это находит отражение в названиях *The Youngbloods, Love*), телевидение (группа *BR5-49's* – “телефонный номер из пародии Джуниора Сэмпла” [wikipedia]), вечеринка с друзьями (имена групп *Lampchop, Whiskeytown*). В последнем названии примечателен факт, что вторым компонентом является слово *town*, а не *city*, что еще раз подчеркивает провинциальный характер этого музыкального направления.

Говоря о жизни и ценностях провинции, нельзя обойти стороной религию. Эта не столь широко представленная, но, тем не менее, важная тема фолк-музыки проявляется в названиях *Wovenhand, Horslips, Pentangle, Lindisfarne*, где первое имя образовано из сочетания *woven hand* и обозначает молитвенное положение рук, второе – спунеризм на основе строчки *The Four Horsemen of the Apocalypse > The Four Hoxmen on the Horselips* [wikipedia], третье является синонимом пентаграммы, одного из символов иудаизма (сатанизма – с другой стороны), а четвертое является названием острова, знаменитым своим средневековым монастырем и древними манускриптами (см. выше). Таким образом, значение христианства в большинстве названий выражено имплицитно и прочитывается лишь в результате анализа названий. Это говорит о том, что вера присутствует в подсознании носителей провинциальной культуры, является важной ее частью, но не центральной для фолк-музыки. Также важно то, что 3 группы из 4х несут положительные христианские коннотации, а единственная протестующая группа использует в качестве названия слово *pentangle*, намного менее распространенное и известное, чем его синоним *pentagram*, обладающий однозначными негативными коннотациями. От общего числа групп этого направления подобные имена составляют 11.4%.

Таким образом, 62.9% названий групп фолк-направления обрисовывает картину жизни в провинции и ее основные аспекты.

Вступая в противоречие с этой картиной, существует ряд НМГ, в основе которых лежат те или иные технические термины. Это группы *Derailers* – «приспособление для сведения вагона или локомотива с рельсов в определенном месте, если есть угроза столкновения» [Webster 1989], *R.E.M.* – *rapid eye movement, The Orlons* – «фирменное название синтетического волокна, напоминающего шерсть, или ткани из него» [Великобритания 1978:307], *Wilco* – «кратко от ‘will comply’, выражение используется особенно по радио, чтобы показать, что сообщение принято и будет выполнено» [Webster 1989]. Подобные имена составляют 11.4%, причем половина из них принадлежит группам, образованным уже в 1990-е гг., когда технические нововведения уже прочно вошли в повседневную жизнь и не шокировали простых обывателей. Таким образом, динамика номинаций музыкальных групп являет реакцию на технический прогресс.

При анализе коннотаций названий групп, исполняющих фолк-музыку, нельзя не отметить их миролюбивый характер. Среди коллективов этого

направления не было отмечено ни одного ярко-негативного имени, ни одного слова, несущего однозначную отрицательную оценку. При более тщательном рассмотрении можно найти агрессивные коннотации в названиях *Pentangle*, *The Jayhawks*, *Los Lobos*, но они представлены в мягкой, скрытой форме, что достигается в первом случае за счет использования менее распространенного синонима, во втором – агрессивная птица hawk «ястреб» соседствует с jay «сойка», в третьем – за счет использования слова испанского языка. В любом случае, по сравнению с негативными именами других направлений, эти выглядят совершенно безобидно.

Progressive (sympho-, art) rock – одно из более поздних направлений рока, возникшее из заимствования в рок-музыку структур классической западноевропейской музыки. Особенностью этого направления можно считать наличие музыкального образования участников, использование арсенала Баха, Бетховена, Вагнера, Гайдна и даже композиторов доклассической эпохи [Феофанов, Налоев 1989:193], а также джаза, фольклора, авангарда и этнической музыки.

Данный музыкальный стиль номинирован 39 НМГ, которые показывают, что представители прогрессивного рока, имея музыкальное образование (вплоть до консерваторского) и более объемные фоновые знания, могли мыслить шире, создавая более сложные названия с ассоциативной точки зрения. Например, *Genesis* – 1. происхождение, возникновение 2. библ. Книга Бытия. Это название отражает стремление музыкантов сказать новое слово в музыке, создать нечто совершенно новое, подобное божественному творению Земли. Здесь же не совсем скромный (но бывает ли реклама скромной?) намек на чрезвычайную роль и значимость, которую группа должна приобрести. В то же время, это имя было выбрано еще и из практических соображений: «Продюсер предложил имя, так как это был его первый проект и первый альбом группы» [Origin 2005].

Названия вышеупомянутых групп наряду с такими, как *Ambrosia*, *Gryphon*, *Kamelot*, *Pallas*, относятся к области мифологии, будь это классическая греческая и римская мифология, либо более поздние легенды о короле Артуре, как в случае с названием *Kamelot*. Учитывая то, что мифы стали основой для развития всей последующей культуры, в частности искусства, можно сделать вывод, что музыканты прогрессивного направления рока этими именами заявили о своей причастности к серьезной культуре, к большому искусству. Одновременно подобные названия предъявляют требования к потенциальному слушателю: он должен быть образованным и достаточно умным человеком, чтобы понять такую музыку. Мифологические имена составляют 16.7%.

Музыканты прогрессивного рока демонстрируют широкие познания не только в области классического, но и современного искусства. Целый ряд имен заимствован у популярных авторов нашего времени: *Marillion*, *Iluvatar*, *Supertramp*. Среди вышеперечисленных названий примечателен повышенный интерес к творческому наследию Дж. Толкиена. Здесь необходимо учитывать, что, по сути, этот писатель создал авторскую мифологию, по разработанности и

сложности не уступающую классической. Таким образом, эти названия очень близко примыкают к ряду мифологических. В целом, имена групп, созданных на основе современных прецедентных имен, составляют 16.7%.

Помимо интереса к культуре, особенно ее классическому наследию, в названиях групп читается интерес к истории: *Pallas* - 1. имя богини, 2. имя фаворита римского императора Клавдия [Дворецкий 2000], *Magellan* и *Pendragon* (исторический титул английских и уэльских баронов). Всего подобные названий групп составляют 11.1% от общего числа.

Находкой этого стиля явилось использование в качестве имен неологизмов, лишенных какой бы то ни было мотивировки: *Jadis*, *Kooga*, *Fruupp*. Данные названия не зафиксированы ни в лексикографических источниках, и признаются носителями английского языка лишенными смысла. Трактовать значение подобных имен можно лишь с помощью теории звукового символизма, и весьма условно. Количество названий такого рода невелико – 8,3%, но их появление знаменует новую тенденцию, которая в дальнейшем получит распространение как один из приемов, позволяющий противопоставить группу общепринятой музыке, а ее название - стандартному языку.

Характеризуя названия арт-рок групп, нельзя не отметить огромное количество прецедентных имен. В общей сложности 47.2% групп, исполняющих прогрессивный рок, заимствовали свои названия из уже существующих текстов известных источников. Такое массовое обращение к лингвокультурологическому наследию не зафиксировано более ни в каком другом стиле. Кроме этого, названия групп арт-рока чрезвычайно миролюбивы.

Pop rock (brit pop, soft rock, melodic rock) – «легкая» музыка с незамысловатыми текстами и простым, но ярким мелодическим рисунком. В настоящее время противопоставляется тяжелому року, как более серьезному, проблемному течению современной музыки.

Данный музыкальный стиль номинирован 96 НМГ. В общем, концепция поп-рока отражается в простых, понятных названиях, значительная часть которых относится к бытовой сфере: *Hollies* – «от названия рождественского венка, украшающего дверь в доме лидера группы» [Origin 2005], *Suede* – замша и т.д. Поп-музыканты дают своим группам имена из сферы окружающего природного мира: *Reef*, *Iris*, *Jellyfish*, *Cranes* (5,9%), движения – *The Cars*, *Ride* (2,9%), музыки – *The dB's*, *The Bluetones* (блюзовые ноты с пониженными третьей и седьмой ступенями мажорного лада, что дает характерное блюзовое звучание) (2,9%), внешнего вида – *Lush*, *Tuxedomoon*, *Menswear*, *The Bangles* (8,8%), еды – *Bread*, *Honeycombs*, *Marmelade*, *The Raspberries* (5,9%). Все вышеприведенные названия обладают совершенно определенной семантикой, в большинстве случаев воспринимаются однозначно и практически не требуют наличия особых экстралингвистических знаний.

Поп-рок рассчитывает на коммерческий успех, это обязательное условие существования стиля. Соответственно, музыканты стремятся быть первыми, лучшими – *ABC*, *Survivor*, *Mansun*, *The Archies*; для этого им приходится притворяться – *The Pretenders* (притворщики, симулянты), но они всячески

подчеркивают свою близость слушателю – *Bros* (сокр. brothers), *Association*. При этом музыканты подчеркивают свой талант – *The Verve* и свое призвание к творчеству – *The Calling*.

Подчинение законам шоу-бизнеса иногда полностью лишало поп-проекты истинного человеческого тепла и душевности. В названиях это отразилось как имена-числительные, обладающие минимальной образностью: *10CC*, *Five*, *Ten*, *98* (5,9%). Необходимо отметить, что подобная тенденция свойственна только для этого музыкального направления, как наиболее коммерциализованного и рассчитанного на массового безличного слушателя.

При рассмотрении прецедентных имен обращает на себя внимание факт, что даже прецедентность носит скорее бытовой характер: *Oasis* – название спортивного центра в Свиндоне, где однажды выступала группа; также название манчестерской фирмы такси [Origin 2005], *Bush* – район в Лондоне “Shepard’s Bush” и т.д. Несколько названий пришли из кинематографа: *Texas*, *Travis*, *Sleeper*, *McFly*. Два имени обязаны своим происхождением группе *The Beatles*: *Badfinger* – рабочее название песни Битлз “A Little Help From My Friends” [Origin 2005] и *The Buckingham* – имя американской группы, образованной во время битломании, создало идентификацию с Англией, чрезвычайно популярной в то время. В целом, прецедентные имена составляют 23,5%, значительная часть которых происходит от собственных названий явлений окружающей действительности и предметов быта.

Для поп-групп не свойственны названия с затемненной семантикой, которая может помешать эффективному запоминанию имен. Поэтому среди названий коллективов данного направления немного неологизмов, а существующие созданы по продуктивным моделям с очевидным значением. Имен, не поддающихся семантическому анализу, не зафиксировано. В то же время нами отмечен ряд названий с двусмысленными значениями, одно из которых, как правило, сниженное и относится к области сленга: *Bread* – 1. хлеб 2. сл. деньги, *Menswe@r* – 1. men’s wear 2. men swear [ftn12](#), *Lush* – 1. роскошный, пышный 2. пьяница, алкоголик, *The Chalets* – 1. дача 2. эф. уличная уборная, *B-52s* – 1. прическа 2. бомбардировщик США. Подобная игра значений за счет внутренней формы имени зафиксирована в 7,4% названий групп и является отдельной тенденцией, характерной для поп-рок-музыки.

Hard (classic) rock – жесткий, или тяжелый, рок. «Композиции в стиле хард-рок вызывают субъективное ощущение тяжести, достигаемое за счет вынесения ритм-секции на передний план, что требует от музыкантов виртуозного владения своими инструментами» [Кастальский 2003:316].

Тяжелый рок возник и существует как оппозиция популярной музыке, как направление более серьезное, призванное не просто сопровождать повседневную жизнь людей, как поп-рок, но изменить ее, оставить след. Следовательно, и НМГ классического рока (в нашем исследовании – 61 единица) должны быть более проблемными, не столь приятными и не настолько ориентированными на коммерческий успех.

Это ожидание оправдывается в именах, связанных с войной: *U2* – “spy plane used in US” [Origin 2005], *Warhorse*, *Tank*, с необъяснимыми

мистическими явлениями - *Zombies, Elf, Giant, UFO*, опасными ситуациями: *The Ventures, Riot, Clutch*, огнем: *Candlebox, Firehouse*, а также в целом ряде имен с отчетливыми негативными коннотациями: *Poison, The Darkness, Abattoir* (бойня, скотобойня), *Axe* (топор, секира, казнь), *Kix* (изменение орфографии *kicks* – удары ногой, пинки, толчки). Любопытно, что для многих имен подобного плана характерно наличие вторичных значений, не носящих отрицательной окраски: *U2* – you too, *Poison* – спиртной напиток, *Kix* (*kicks*) – удовольствие, *Axe* – гитара (сленг). Вышеперечисленные названия непосредственно отражают характер музыки хард-рока и одну из тематик песен и составляют 23,4% от общего числа групп этого направления.

Среди имен хард-рок коллективов появляются несколько из сферы науки и техники: *Trapeze, Tesla, Gamma, Gene, Autopsy* (патологоанатомическое или судебно-медицинское вскрытие трупа). Подобные названия зафиксированы в группах с 1970-х по 1990-е гг., то есть в период, когда в науке виделось будущее человеческой цивилизации, а ученые стали одной из самых престижных профессий. Это и получило отражение в 6,5% названий. Подобный показатель не является значительным, так как тема научного прогресса не являлась для хард-рок-музыкантов личной.

Целый ряд названий связаны с природой. Это прежде всего животные: *Whitesnake, Wings, Rhinoceros, The Monkees, Mammoth, The Beatles*. При этом для музыкантов важны характеристики природы, ее качества, которые они заимствуют и переносят на себя, проявляя изрядную долю лингвистического творчества (половина из вышеперечисленных имен не зафиксированы в лексикографических источниках). Также музыканты используют явления и объекты природы: *Thunder, Rainbow, Hurricane, Mountain, Badlands, Sky*. Названиями групп стали в основном глобальные, онтологические проявления природы, в которых можно проследить ассоциации с грохотом самого хард-рока, феерическими шоу, его сопровождающим, и ураганной энергией исполнителей. Названия рок-групп, взявшие за основы явления природы, составляют 16,9% от общего числа.

В названиях рок-групп впервые отчетливо возникает тема женщины, причем именно так, как ее воспринимают мужчины, исполняющие эту музыку. Не секрет, что для рок-музыкантов беспорядочный секс являлся нормой, а женщина нередко была лишь объектом физического желания. Подобные веяния отражены в названиях *Streetwalkers, Fanny* (сл. зад, попа), *Babys, Vixen* и т.д. Любопытно, что «женское» имя вовсе не означает, что в группе есть хотя бы одна девушка! Подобные названия составили 7,8%.

Таким образом, названия музыкальных групп, будучи лингвистическим материалом, позволили рассмотреть некоторые направления молодежной музыкальной культуры и обеспечили доступ в соответствующие системы ценностей. Подобный лингвокультурологический анализ дал возможность уточнить сущность рассмотренных музыкальных направлений, а также выявить и описать их аксиологические основы. Проведенное исследование показывает, как молодежная лингвокультура создает ономастическое пространство НМГ, которое, в свою очередь, отражает особенности молодежного мировосприятия.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Великобритания: Лингвострановедческий словарь. - М.: Рус. яз., 1978. - 480с.
2. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. / И.Х. Дворецкий. - М.: Русский язык, 2000. - 846с.
3. Кастальский С. Рок-энциклопедия. / С. Кастальский. - М.: Ровесник, 2003. - 883с.
4. Кастальский С. Рок-энциклопедия. / С. Кастальский. - М.: Ровесник, 2003. - 883с.
5. Отин Е.С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка / Е.С. Отин // Вопросы языкознания. - 2003. - №2. - с. 55-72.
6. Пак С.М. Имя собственное: функционально-прагматический аспект (на материале американского дискурса XIX-XX вв.). / С.М. Пак. - М.: МАКС Пресс, 2003. - 180с.
7. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. / А.В. Суперанская. - М.: Наука, 1973. - 366 с.
8. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. / В.Н. Телия. - М.: "Языки русской культуры", 1996. - 288с.
9. Тхорик В.И., Фанян Н.Ю. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. / В.И. Тхорик, Н.Ю. Фанян. - М.: ГИС, 2005. - 258с.
10. Феофанов О., Налоев А. Бунтари и конформисты. / О. Феофанов, А. Налоев. - Ставрополь: Кн. изд-во, 1989. - 410с.
11. Чернобров А.А. Теория имени: язык - философия - культура. Философские и логико-методологические основы теории номинации. / А.А. Чернобров. - Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1999. - 210с.
12. Churusova M.B. The reflection of culture in the names of music bands. / M.B. Churusova. // The 5th Pan-Asian Conference on Language Teaching at FEELTA, Conference proceedings. - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2005. - с. 123-126.
13. Encyclopedia Wikipedia. - URL: <http://en.wikipedia.org/wiki> - Дата обращения 2006-2007.
14. Origins of band names. - URL: www.heathenworld.com/bandname. - Дата обращения 25.11.2005.
15. Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. - NY: Random House, 1989. - 1854p.
16. Yule, G. Pragmatics. / G. Yule. - Oxford: Oxford University Press, 1998. - 138p.
17. Zhukova, I.N., Lebedko, M.G. American Quilt: A Reference Book on American Culture. / I.N. Zhukova, M.G. Lebedko. - Владивосток, Изд-во ДВГУ, 1999. - 760с.

К ПРОБЛЕМЕ АНАЛИЗА ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Изучение психолингвистических аспектов речевого воздействия восходит к Л.С. Выготскому [Выготский, 1956], А.Н. Леонтьеву [Леонтьев, 1975], А.А. Леонтьеву [Леонтьев, 1977]. Речевое воздействие в психолингвистическом плане, по мнению А.А. Леонтьева, состоит в том, что коммуникант посредством речевого сообщения маскирует желаемые изменения в смысловом поле реципиента, а тот, в свою очередь, получая информацию, извлекает из нее значимые для личности и деятельности факты. Иными словами, всякое речевое воздействие сводится к «заранее запланированным преобразованиям в «поле смыслов», результатом выступает измененное мировосприятие [Леонтьев, 1977: 39]. Но для того чтобы осуществился процесс эффективного речевого воздействия, коммуниканту необходимо не просто найти объективное выражение в словах содержанию, но также использовать самый оптимальный для этого способ, который будет единственно возможным в данной ситуации.

В аспекте психолингвистического анализа речевого воздействия можно выделить ряд направлений, имеющих свой предмет исследования.

А. Чисто психолингвистическое направление

Е.Ф. Тарасов подчеркивает, что психолингвистические аспекты речевого воздействия состоят в том, что «речь субъекта РВ должна быть средством организации общения в структуре речевого воздействия и средством побуждения объекта РВ к посткоммуникативной деятельности» [Тарасов, 1986: 9]. При этом организация общения включает в себя следующие компоненты: привлечение и удержание внимания реципиента, ориентация объекта речевого воздействия в ситуации общения, моделирование установки восприятия [Надеина, 2004].

Психолингвистика стремится к объединению «психологических средств анализа процесса РВ с лингвистическими средствами описания речи в процессе РВ» [Тарасов, 1990: 9].

О.Д. Кулешова назвала проблему речевого воздействия на реципиента наиболее «психолингвистической», подчеркивая при этом важность рассмотрения основных двух вопросов: 1) взаимодействие говорящего и слушающего (в случае, описываемом исследователем «реципиента и текста»); 2) «ориентирование высказывания («текста») на определенного собеседника [Кулешова, 1990: 186-187].

Одним из главных вопросов является проблема восприятия высказывания. В процессе восприятия действительности коокоммуникант «подводит под определенную категорию воспринимаемые объекты и явления». При этом «актуализируются понятийные поля и языковые средства, при помощи которых были сформированы понятия» [Аносова, 1987: 6-7].

Исследования в данной области, как отмечает В.П. Белянин, развиваются в двух направлениях: 1) дается психологическое описание модели восприятия;

2) выявляется обусловленность характера и результата восприятия внешними и внутренними факторами» [Белянин, 2000: 209].

На основе понятий и представлений складывается индивидуальная картина мира. Однако процесс извлечения данной картины мира мгновенный, поскольку «мы не выходим сразу на весь образ мира, хотя он подразумевается» [Залевская, 2004: 25]. Именно поэтому при осуществлении речевого воздействия важно сконцентрировать внимание на той части фрагментарной картины мира, которая должна подвергнуться изменению. Об этом также ведет речь В.Ф. Петренко, только в отношении текста, повествуя о том, что он «может воздействовать на разные уровни человеческого сознания, осуществляя различные формы перестройки этого сознания» [Петренко, 1990: 19]. При этом понятия «сознание» и «индивидуальная картина мира» выступают как взаимозаменяемые. Исследователь рассматривает бессознательное как «низлежащие уровни сознания» [Петренко, 1990: 19].

А.Г. Баранов подчеркивает, что в число задач входит не только выделение и описание действий автора, но также и реципиента. Таким образом, исследователь детализирует действия получателя информации в виде следующих шагов: «формирование цели общения», «сбор информации об авторе и ситуации», «восприятие текста» [Баранов, 1996: 6].

В то же время И.А.Стернин полагает, что речевое воздействие должно быть рассчитано на осознанное восприятие информации реципиентом, а не на воздействие на бессознательное. [Стернин, 2001]. Но, следует заметить, что далеко не всегда происходит осознанное восприятие информации. Если вести речь о такой разновидности речевого воздействия как манипулирование, то можно убедиться в том, что его задача несколько иная и заключается именно в том, чтобы заставить собеседника выполнять те действия, которые он при своем желании не стал бы осуществлять.

Важной функцией речевого воздействия, полагает А.А. Котов, является «искажение» представления адресата о некотором явлении действительности [Котов, 2003]. Такая характеристика, как «искажения» позволяет судить о том, что исследователь рассматривает речевое воздействие с негативной точки зрения, хотя оно, напротив, является составной частью любого диалога, в котором собеседники меняются ролями и поочередно оказывают друг на друга речевое воздействие.

Но эффективность речевого воздействия не будет достигнута без адекватного понимания смысла высказывания. Но «понять – не значит принять», поэтому А.Ю. Панасюк в убеждающем воздействии главным фактором считает феномен «принятие» [Панасюк, 1992: 35].

При этом, как отмечает И.Н. Горелов, происходит распределение между речевой и неречевой частями коммуникативного акта. Коммуниканты «подсознательно осуществляют учет информативной ценности обеих частей» [Горелов, 2003: 54-55].

М.Р. Желтухина среди факторов речевого воздействия называет «лингвистический и экстралингвистический (семиотический, социальный, когнитивный, психологический)» [Желтухина, 2004: 11].

Б. Семиотическое направление

О.Д. Кузьменко-Наумова трактует речевое воздействие с позиций «знакового пространства», которое, являясь частью сознания, контролирует эффективность любой знаковой деятельности [Кузьменко-Наумова, 1986: 63-64]. При этом исследователь подчеркивает, что психолингвистика интересуется «процессом рождения знака в ходе оперирования речевыми символами» [Кузьменко-Наумова, 1986: 4].

Речевое воздействие, будучи многонаправленным и однонаправленным, осуществляется «на основе речевого сознания». Модель речевого воздействия представляет собой модель идеализированного объекта, в которой наблюдается единство мышления и языка, речи и языка в процессе отражения и восприятия действительности.

Е.С. Семенова ведет речь о знаке, вводящем библейский текст, и подчеркивает, что «библеизм, вводимый в дискурс, облегчает аргументацию говорящего, подкрепляет выраженную мысль ссылкой на авторитет» [Семенова, 2003: 11]. Таким образом, в сознании слушающего активизируется определенное социально-психологическое состояние.

В. Психологическое направление

В данном случае мы ведем речь об эмоциональном воздействии, которое изменяет психологические характеристики личности [Доценко, 1997; Желтухина, 2004]. Средством такого воздействия является «способность слова выражать оценку обозначаемых им явлений, употребление слов в переносном значении». Определенные связи между словами по ассоциациям придают словам своеобразную эмоциональную окраску [Мягкова, 1986: 8].

Эмоции определяют «общие контуры выстраиваемого сознанием концептуального образа мира» и детерминируют «избирательность в восприятии объектов, событий, реалий окружающего мира» [Петренко, 1990: 24-25].

Более того, психологический подход характеризуется исследованием зависимости эффективности речевого воздействия от социальных, психических характеристик коммуникантов [Тарасов, 1990].

А.Ю. Панасюк в качестве одного из видов психологического воздействия выделяет «убеждающее воздействие», которое возникает при необходимости «преодоления неадекватной позиции, мнения или действия другого лица» [Панасюк, 1992: 26]. Отличие его от других психологических форм воздействия состоит в том, что оно всегда осознается получателем информации.

М.Р. Желтухина выделяет «намеренное» (интенциональное) воздействие и «побочное». Первое осуществляется с помощью механизмов убеждения и внушения, второе – с помощью подражания и заражения [Желтухина, 2004: 13].

Подражание - «это следование определенному примеру, образцу, самостоятельное конструирование действий, воспринятых у других». [Шелестюк, 2005: 154].

Суть заражения заключается в том, что эмоциональное состояние коммуниканта неосознанно воспринимается реципиентом таким образом, что его собственное психическое состояние становится тождественным с состоянием коммуниканта.

Разновидностью психологического воздействия является манипуляция, в рамках которой И.Ю. Черепанова ведет речь о трех типах манипуляций с установками: «закрепление, создание и изменение» [Черепанова, 1996: 39].

Е.Л. Доценко характеризует манипуляцию как «психологическое воздействие, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [Доценко, 1997]. Исходя из данного определения, важно подчеркнуть, что при манипуляции нет двустороннего взаимодействия, этот процесс однонаправленный.

М.Р. Желтухина, проводя сравнение между личным влиянием и манипулятивным воздействием, выделяет следующие признаки последнего: скрытость намерений, стремление подчинить своей воле собеседника, не принимая во внимание его желания, разрушающее воздействие на личность собеседника [Желтухина, 2004].

Н.П. Рапохин, анализируя особенности психологического воздействия, подчеркивает, что алгоритм его состоит из трех стадий: 1) понимание и оценка собеседника, 2) расположение к себе адресата, 3) побуждение к принятию решения. При этом важными параметрами выступают «взаимность, последовательность, социальное доказательство, симпатия, авторитет, дефицит, перспектива, сострадание» [Рапохин, 2007: 193-194].

Более того, исследователь отмечает, что существуют несколько видов психологического воздействия: гуманное, манипулятивное, мягкое и жесткое воздействие. При этом способы могут быть как прямыми, так и косвенными. В отдельном ряду стоит «предметно-практическое воздействие» (изменение материальных условий жизни человека) [Рапохин, 2007: 192-193].

Г. Фонетическое и фоносемантическое направление

В.А. Артемов, анализируя психологию речевой интонации, отмечает, что интонация служит средством «различения стилистических особенностей речи». Она представляет собой изменения в высоте тона, долготы, громкости, с использованием определенных пауз и ударения. В результате, благодаря функциям интонации слушающий распознает «различные планы мысли» говорящего: «категоричность, причинно-следственные отношения, повествование, вопрос» [Артемов, 1976: 35; 56].

А.А. Леонтьев, анализируя речь в криминалистике, выделяет четыре группы признаков, которые играют роль при оказании речевого воздействия:

1. «индивидуальные звуковые признаки» (голос, интонация, темп речи);
2. «группа фонетических признаков» (акцент, особенности диалекта);
3. «семантико-грамматические признаки» (правильность, уместность, организованность речи);
4. «категориальные признаки» (возрастные особенности, территориальная и национальная принадлежность) [Леонтьев, 1977: 9].

О.Д. Кулешова анализирует роль фоносемантики в речевом воздействии и исследует восприятие коннотативного и фонетического содержания текстов на языке оригинала и в переводе. В схеме автор – текст – реципиент в данном случае появляется «новое звено – переводчик», что влечет за собой

«определенные изменения и в механизме воздействия на реципиента» [Кулешова, 1990: 187-189].

Воздейственность высказывания на просодическом уровне включает такой компонент как экспрессивность, «проявляющуюся в специфике просодического оформления определенных речевых отрезков». При этом речевое воздействие может быть достигнуто как посредством «максимальных значений» (максимальный темп, паузация и т.д.), так и посредством «минимальных значений» (минимальная громкость, длительность и т.д.) [Оптимизация..., 1990: 207-208].

Г.Г. Почепцов отмечает, что «музыкальные ритмы, совпадающие с ритмами мозга, облегчают воздействие» [Почепцов, 2001].

Т.М. Надеина свое диссертационное исследование посвятила комплексному анализу влияния фонетических параметров на речевое воздействие, придя к выводу о том, что «просодическая организация сообщения способна влиять на индивидуальное сознание слушателя, усиливая степень воздействия лексико-грамматических средств или относительно независимо от них» [Надеина, 2004: 7].

М.Р. Желтухина приходит к заключению о том, что определенные слова могут вызвать не только эмоции у получателя информации, но также позволяют сформировать у него на подсознательном уровне определенные образы. Так, преобладание гласной «и» в словах свидетельствует о чем-то незначительном [Желтухина, 2004].

Д. Синтаксическое и лексическое направление

В данном направлении отслеживаются синтаксические и лексические факторы, повышающие эффективность речевого воздействия. Так, Г.Н. Ушакова подчеркивает, что особый синтаксис в состоянии передать «модально-оценочную информацию», благодаря чему слова и их значения приобретают дополнительную экспрессивную окраску [Ушакова, 1989: 170].

Е.В. Горина, занимаясь исследованием речевого воздействия в СМИ, подчеркивает, что сама вербальная структура слов «дает уникальную возможность речевого воздействия», поскольку в слове содержится не только прямое значение, оно наполнено «ассоциативным и эмотивным содержанием» [Горина, 2004: 44].

Более того, выбор грамматической формы слова и порядок слов в предложении также влияют на степень воздейственности высказывания или текста [Горина, 2004].

Е. Социальное направление

Социальные аспекты воздейственности высказывания прямо или косвенно затрагиваются в работах многих исследователей [Блакар, 1987; Карасик, 1992; Конецкая, 1997; Сальникова, 2003; Иванов, 2004; Формановская, 2007].

В частности, данное направление разрабатывает положения о том, как социальные факторы влияют на речевое воздействие. Так, М.В. Рябинина отмечает, что коммуниканты с более низким социальным статусом вынуждены

более строго использовать этикетные формулы и стратегии в целях повышения эффективности воздействия своего высказывания [Рябинина, 2002].

Е.В. Саушева дополняет к имеющимся данным, факт, что «речевое воздействие коммуниканта меняется под воздействием представления о соотношении социальных статусов коммуникантов». В результате, мы можем наблюдать в составе диалога «статусно-маркированный дискурс», в котором отражается картина мира [Саушева, 2005: 7-10].

А.Ю. Архипенкова подвергает анализу стратегии речевого воздействия коммуникантов в условиях социального неравенства в разных лингвокультурах и подчеркивает, что «англичане стремятся минимизировать коммуникативное воздействие на собеседника», используя вежливые формы в диалоге. В русской лингвокультуре коммуникант, напротив, стремится оказать некоторое давление на собеседника, используя советы даже в чрезмерно категоричной форме [Архипенкова, 2006: 115].

Таким образом, целью речевого воздействия с психолингвистической точки зрения является определенная организация деятельности людей. Воздействуя на реципиента, коммуникант стремится отобрать факторы, которые влияют на эту деятельность и эффективно воздействовать на них. Речедетель оценивает значимость мотивов и из ряда возможностей может осуществить вполне осознанный выбор, используя те или иные коммуникативные стратегии и тактики. Выбор формы оказания речевого воздействия зависит от коммуникативной ситуации, которая включает в себя следующие параметры: участников общения, условия и средства общения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Архипенкова А.Ю. Выражение совета в английской и русской коммуникативных культурах: дис. ... канд. филол. наук/ – М., 2006. – 193 с.
2. Баранов А.Г. Модель речевого воздействия: автор vs реципиент // Северо - Кавказские чтения: мат. всерос. научн. конф. – Вып. 1: Речевые цели и средства их реализации. – Ростов н /Д, 1996. – С. 5-7.
3. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики: модели мира в литературе. – М.: Тривола, 2000. – 248 с.
4. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. – М.: Просвещение, 1956. – 451 с.
5. Горелов И.Н. Избранные труды по психолингвистике. – М.: Лабиринт, 2003. – 320 с.: ил. – (Филологическая библиотека).
6. Горина Е.В. Газета в аспекте речевого воздействия на личность: дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2004. – 147 с.
7. Доценко Е.А. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита.– М.: ТОО «ЧеРо», 1997. – 342 [1] с.
8. Желтухина М.Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 2004. – 44 с.
8. Залевская А. А. Актуальные проблемы психолингвистики: лекции. – Алматы: Казак. ун-т, 2004. – 49 с.

9. Котов А.А. Механизмы речевого воздействия в публицистических текстах СМИ: дис. ...канд. филол. наук. – М., 2003. – 280 с.
10. Кузьменко-Наумова, О. Д. Семиотика речевого воздействия. Отражение и смысл: учеб. пособие к спецкурсу по психолингвистике для студ. фил. спец. пед. Вузов. – Куйбышев, 1986. – 82 с.
11. Кулешова О.Д. Роль фоносемантики в речевом воздействии // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. – С. 186-199.
12. Леонтьев А.А. Речь в криминалистике и судебной психологии [Текст] / А.А. Леонтьев. М.: Наука, 1977. – 60 с.
13. Леонтьев А.Н. Мысль в действии (Психология мышления). - М.: Политиздат, 1968. – 207 с.
14. Мягкова Е.Ю. Психологическое исследование эмоциональной нагрузки слова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1986. – 17 с.
15. Надеина Т.М. Просодическая организация речи как фактор речевого воздействия : автореф. дис. ... докт. филол. наук . – М., 2004. – 50 с.
16. Панасюк А.Ю. Психологические основы убеждающего воздействия в профессиональной деятельности: теория и технология: дис. в виде науч. докл. на соиск. уч. ст. докт. филол. наук. – М., 1992. – 68 с.
17. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. - М.: Рефл-бук, 2001.- 651 с.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕНОСТИ МЕЖДОМЕТИЙ В СОВРЕМЕННОМ БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Г.А.Исянгулова
ГОУ ВПО «БашГУ», г. Уфа

Семантически междометия отличаются от всех знаменательных частей речи тем, что они не обладают функцией называния, т.е. номинативной функцией, так как являются своего рода речевыми знаками, сигналами, употребляемыми для кратчайшего выражения реакции человека на различные события реальной действительности или для выражения требования, желания человека. Выражая чувства и волю, междометия, тем не менее, осознаются всеми говорящими на данном языке и всем понятны, так как за междометием закреплено определенное смысловое содержание. Но значение междометий обычно может быть понято лишь из контекста, потому что одни и те же междометия могут служить для выражения различных чувств. В зависимости от интонации и условий контекста эти междометия могут выражать самые разнообразные, нередко прямо противоположные чувства и ощущения. В сужении и уточнении семантических функций таких междометий чрезвычайно важна роль интонации, особенно таких ее сторон, как тон, ритм, тембр, сила и длительность звучания. Большие возможности для семантических дифференциаций открывает также изменение звукового облика междометий

посредством их удвоения и утроения, повторения конечных слогов (хай-хай, ай-бай, ай-яй-яй), интонационного варьирования гласных (и-и-их, у-у-у, о-о) и других способов экспрессивно-эмоционального выражения.

Существует предположение, что эмоциональная окраска междометий и степень их семантической диффузности в какой-то мере предопределяются различиями в способе образования гласных и в фонетическом качестве сочетающихся с ними согласных. Так, по наблюдениям акад. В. В. Виноградова, междометия с гласными верхнего подъема |и|, |у| в меньшей степени перегружены значениями, нежели междометия с гласными |а| и |о|, а у междометий, оканчивающихся на |j|, круг значений уже, чем у междометий, оканчивающихся на |x|.

Почти все междометия, обслуживающие сферу эмоций, ярко экспрессивны. Тем не менее, у некоторых междометий экспрессивность может быть еще более усилена. В отдельных случаях повышение экспрессивности достигается средствами словообразования: часто используется прием осложнения междометия местоимением *һин*, *һеҙ*. Распространенным средством усиления экспрессии является совместное употребление нескольких - чаще двух - междометий: *ай аллам*, *эй хозайым*, *фу әттә* и т.д.

Рассмотрим наиболее часто употребляемые в современном башкирском языке междометия.

А, а-а, а-а-а

1. Радость. Например: - А-аа... быныһы тағы ла якшы, - ул шыма кырылған тулы битле писарь менән шыбырлашып алды ... “- А-аа... это еще лучше, - он пошептался с круглолицым, гладковыбритым писарем” (И.Абдуллин).

2. Восторг. Например: - А-аа ...тотоп карарға мөмкинме! - Әлфиә муйынсаны алды “А-аа, можно потрогать! – Альфия взяла бусы” (И.Абдуллин).

3. Страх. Например: Теге “А-а!” тип акырып ебәрҙе лә, һыуға баш түбән колап төштө “Тот закричал: “А-а!” и упал в воду вниз головой” (Ф.Исянгулов). - А-а, үлтерә! Әс-сә-й!!! – тип шарылданы тегеһе “- А-а, убивает! Мама!!! – завизжала она” (Д.Буляков).

4. Недовольство. Например: А-а! Ошо Ихсанбайҙы... Нимә булды тип, минән кетә лә ултырасы? “А-а! Этот Ихсанбай... Сидит, ничего не делает...” (Т.Гарипова)

5. Эмоциональное восклицание. Например: А, безҙең берҙән-бер батшабыҙ Кояш “А, наш единственный бог Солнце!” (И.Абдуллин). А-а, куркактар! Шулмы ни егетлек?! “А-а, трусы! Разве это по-мужски?” (Б.Бикбай).

6. Употребляется, когда человека не сразу узнали. Например: Ференц уны шунда ук танып алды: “А-а... кемде күрәм!” “Ференц его сразу же узнал: “А-а ... кого я вижу!” (И.Абдуллин). - А-а, Володя, күгәрсенем, һинме ни? – тип, ауызын йырып, вак азымдар менән туйтаңлап, Недосекоға табан атланы ул “- А-а, Володя, голубчик, это ты?” – и переваливаясь, расплываясь в улыбке, направилась к Недосеко (Н.Мусин). - А-а-а, Ахмадулкин малайка! – тип килеп аркамдан һөйзө “- А-а-а, сын Ахмадуллы! – и он похлопал по спине” (Ф.Исянгулов).

Абау

1. Страх, испуг. Например: - Абау, Өркиә апай!.. – тип сарылдап ебәрзе лә, ишеген дә япмай, өйгә кире ташланды “- Ой, тетя Оркия!.. – завизжала она и, даже не закрыв дверь, бросилась обратно в дом” (Н.Мусин). Абау, куркам! “Ой, боюсь!” (Ф.Исянгулов). Абау, йүнһез, котомдо алды “Господи, бестолковый, как он меня напугал” (З.Биишева). - Абау, Хозайым! – тип кыскырып ебәрзе Заһира кото осоп “- Боже мой! – закричала Загира от страха” (З.Биишева). - Абау, калай яман... - тип Емеш куркынып Байраска караны “- Ужас, какой страшный... - испугавшись, Емеш посмотрела на Байраса” (З.Биишева).

2. Насмешка, издевательство. Например: Абау! Берәүзең әнкәйе терелеп кайткан тиерһең! “Боже! Как будто у нее мать воскресла!” (Т.Гарипова). - Аб-бау, ғәли йәнәптәре ялдар итә... - тиз үк мысқыллы көләү һакалтайзың йөзөндә калкып сыға “Боже ты мой! Ваше превосходительство отдыхает... - на лице бородатого появилась ухмылка” (Д.Буляков). - Абау, күззәре! – тине Любомир, юрамал тауышын нескәртеп. – Бер батһаң, калкып сығырмын, тимә “- Боже мой, какие глаза! Если утонешь, не выплывешь” - сказал Любомир, нарочно с тонким голосом” (М.Карим). - Абау, каштары! Инеп китһең, азашып калырһың, - тине кыз, Любомирзың каштарын күргәс “- Боже, брови! Можно в них и заблудиться, - сказала девушка, увидев брови Любомира” (М.Карим).

3. Отвращение. Например: “Абау, бигерәк шөкәтһез”, - тип һығымта яһаны Әлфиә, тәүге тәьсирзән һуң “Боже, какой невзрачный”, - сдělала выводы Альфия, после первого впечатления” (И.Абдуллин). Аб-ба-ау, тәмһез “Аб-ба-ау, как невкусно” (Ф.Исянгулов).

4. Удивление. Например: Абау, әллә үзегезгә кайтманы ламы? “Господи, неужели она к вам не вернулась?” (Н.Мусин). Абау! Был тиклем матурлык менән кәзимге әзәм араһында нисек йәшәмәк кәрәк?! “Вот это да! Как можно жить среди обычных людей с такой красотой?!” (Т.Гарипова). - Абау, калай өшөгәнһең! – тип бышылданы ул “- Боже, как ты замерз! – прошептала она” (М.Карим). Абау, уҫалһың да, зурайғас, нисек булырһың икән һин! “Боже, какой ты злой, каким ты станешь, когда вырастишь!” (З.Биешева).

5. Растерянность, досада. Например: Абау, ун биш йәшем тулып үткән көйө пионерка булып йөрөгәнмен дәһә! “Боже ты мой, до пятнадцати лет ходила в пионерках” (З.Биешева). Абау, бынау Хатипты, мин... ярҙам итергә тип килгән булам тағы... “Да ну этого Хатипа... а я пришла ему помогать...” (Ф.Исянгулов).

7. Ласка, нежность. Например: - Абау, шаянһың да, - тине Сәлимә апай, тағы рәхәтләнеп келәп “- Боже, какая ты проказница, - сказала тетя Салима, смеясь от души” (З.Биешева).

8. Недовольство. Например: Абау, һин бигерәк грубый инде! “Ох, какой ты грубый!” (Х.Давлетшина). - Абау, әллә енләнгән инде, - тип буғырлай-буғырлай, Хәтирә табын ултыртылған якка атланы “- Господи, как будто в него бес вселился, - ворча, Хатира направилась к столу” (Н.Мусин). - Абау, илаһым! «Ниңә миңең ирем шундай ғәйрәтле түгел икән?» - тип миңе үкендерер, миңе әрнетер өсөн килтерҙеңме ни быны? “Господи! Ты его отправил, чтобы я сожалела, что мой муж не такой сильный” (М.Карим).

Ай

1. Испуг, страх. Например: Ай! Ай, үләм!.. “Ой! Ой, умираю!..” (Т.Гарипова). Ай, куркыныс! “Ой, как страшно!” (Ф.Исянгулов). Ай, балакайым, һин ни эшләһең? “Ой, дитя мое, что ты натворил?” (З.Биешева). Ай, гармуныңа ни булды? “Ой, а что с твоей гармошкой?” (Ф.Исянгулов). - Ай, яңылыш! – тинем, ғәфү итеүен ялбарып “- Ой, невзначай! – сказал я, моля о прощении” (Ф.Исянгулов).

2. Сожаление. Например: Ай... Осор инем, канат кайырылды шул... “Эх... Полетел бы, но крылья сломаны” (Б.Бикбай).

3. Недовольство, укор. Например: Приказчик капыл кыскырып уны туктатты ла: - Ай, ай, ниңә һин, дурак, үзеңсә язаһың, давай русса яз! – тине “Приказчик внезапно вскрикнул, остановил его и сказал: “- Ой, дурак, почему по-своему пишешь, пиши по-русски” (Х.Давлетшина). Ипләп, кустыларыңды уятырһың! Ай, ата Ғәбизә! “Осторожно, братишек разбудишь! Эх, Габидә” (Т.Гарипова). Юлдыбай эсенән: “Ай, хәзер

башлай инде”, - тип уйланы “Юлдыбай про себя подумал: “Да, сейчас начнет” (Х.Давлетшина). Ай, маубаш мин, маубаш. Ни эшләп мин шуны алдан уйлай белмәгәнмен “Ох, глупец я, глупец! Почему я об этом заранее не подумал” (Х.Давлетшина). Аййй, шул шул ана... Кустым, әйт әле миңә, хәзер искене ямап кейеп кыуана торған сакмы ни? “Ой, так и получается... Братишка, скажи-ка мне, разве сейчас время радоваться старью?” (Н.Мусин).

4. Радость, восторг, восхищение. Например: Ай, егеттәр, ождахың ары торһон “Ай, парни, здесь лучше, чем в раю” (Д.Буляков). Ай, һәйбәт кеше һез, Котлоғужа әфәнде! “Хороший вы человек, господин Кутлугужа!” (Н.Мусин). Ай-й! Кайһылай килешә уға был күлдәк! “Ай-й! как идет ей это платье!” (Т.Гарипова).

5. Удивление. Например: Ай, камсыларға нисек түзгегез? “Ой, как вы терпели удары кнута?” (Б.Бикбай). Дауыл сыкһа, Талкаҫ, а-ай, уҫал ул, кәмәне күтәрә лә һуға, ти, ул “Когда поднимается буря, Талкаҫ становится, а-айй, каким страшным, говорят, даже лодки переворачивает” (З.Биешева).

6. Упрек. Например: - Ай, Филман, Филман, - Нина уға исемен әйтеп тәү тапкыр өндәшә ине, ә Төлкөсурин быға ла иғтибар итмәне, - кайзарза йөрәп кайтып киләһең, шуны асырға ла өйрәнмәгәнһең “- Ай, Гильман, Гильман, - Нина впервые обратилась к нему по имени, но Тулькусурин на это внимания не обратил, - где только ты не был, но это открывать ты так и не научился” (Н.Мусин). Ай, алла бәндәһе... Дорфа һөйләһең! Хозайған куркыр инең!.. “Ой, божий человек... Грубо разговариваешь! Бога бы боялся!..” (Т.Гарипова). Ай иҫәр, оноттоң дамы ни? “Ой глупец, неужели уже забыл?” (З.Биешева)

7. Нежное, ласковое обращение к кому-либо. Например: - Ай, иҫәр, иҫәр! Ярар, гел йылмайып кына карармын бынан һуң үзеңә, - тип көлөп, кулын ыскындырзы “- Ай, глупец, глупец! Ладно, на тебя всегда буду смотреть улыбаясь, - сказала она и освободила руку” (Н.Мусин). - Ай, яратам бит мин сине... – тип һөйләнәп ултыра бирзе лә артына һалынған яҫтыкка коланы “Он поговаривая: “Ой, как я тебя люблю.. – упал на перину” (Н.Мусин). - Ай, иҫәр-иҫәр, мин булмай, кем булһын, - Төлкөсура һалкынса усы менән уның битендәге йәште һөрттә “- Ах, глупышка ты моя, конечно же это я, - Тулькусура ладонями вытер с ее лица слезы” (Н.Мусин).

8. Употребляется в народных песнях и кубаирах для усиления эмоциональности и дополнения размера стиха.

Уралдан да бейек, ай, тау булмаҫ,

Уралкайзы һөймәс тә йән булмаҫ.
“Нет горы выше Урала,
Нет человека, который бы не любил Урал”.

(народная песня “Урал”)

Ағизелкәйзерзе, ай, кискәндә,
Бер йырларһың, ишкәк ишкәндә...
“Споешь, когда будешь грести,
Когда будешь переплывать Агидель”.

(И.Абдуллин)

Ирәндеккәй таузың, ай, башында,
Бөгөлөп кенә үскән өс балан.
“На вершине горы Ирендык,
Растут три калины”.

(Х.Давлетшина)

Как видно из примеров, в современном башкирском языке эмоциональные междометия отличаются многозначностью. В зависимости от интонации и условий контекста междометия могут выражать самые разнообразные, нередко прямо противоположные чувства и ощущения. Большая часть этих междометий выражает отрицательные эмоции: презрение, пренебрежение, насмешку, отвращение, досаду, укор, порицание, угрозу, осуждение, испуг, огорчение, растерянность, недовольство, недоверие, сожаление, возмущение, горе, печаль, боль и т.д.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахтямов М.Х. Грамматика башкирского языка. Ч.2. – Уфа: Башкирский госуниверситет, 1979. – 80 с. / на башк. яз.
2. Грамматика современного башкирского литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 495 с.
3. Зайнуллин М.В., Зарипов Р.Ф. Морфология современного башкирского литературного языка. Ч.3. – Уфа: Башгосуниверситет, 1980. – 47 с. / на башк. яз. – С. 32-38.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ МИФ А.П. ЧЕХОВА В СТИХОТВОРЕНИИ Ю. ЛЕВИТАНСКОГО «ШАМΠΑНСКИМ НАПОЛНЕН БОКАЛ...»

И.С. Кадочникова,
Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Если обратиться к интертекстуальному уровню лирики Левитанского, то очевидным будет, что для поэта наиболее актуальным оказывается чеховский

слой. Он проявлен в ряде текстов, насквозь пронизанных чеховскими образами и мотивами – «Элегия», «Иронический человек», «Ялтинский домик», «Шампанским наполнен бокал...», «Мои доктора». Причем в стихотворениях «Иронический человек», «Шампанским наполнен бокал...» и «Мои доктора» поэт апеллирует не только к художественному миру Чехова, но и к его биографическому мифу.

Чехов являлся для Левитанского неким эталоном и житейского, и литературного поведения. «Чехов для меня – это символ» – слова поэта. Наиболее показательным в плане обращения к эстетической персоне Чехова стихотворение «Шампанским наполнен бокал». К нему мы и обратимся.

Уже первая строфа отсылает нас к ситуации смерти Чехова: *Шампанским наполнен бокал. / Июльская ночь на ущербе. / Прощай, Баденвейлер, ich sterbe! / И допит последний глоток.* Баденвейлер – курорт в Южной Германии, куда Чехов отправился в мае 1904 г., чтобы поправить здоровье. Но Чехов провидел, что в Баденвейлере ему суждено умереть: «Завтра уезжаю. Прощайте. Еду умирать» [Громов 1993:386]. О последней ночи Чехова вспоминает его жена, О.Л. Книппер-Чехова: «Пришел доктор, велел дать шампанского. Антон Павлович сел и как-то значительно, громко сказал доктору по-немецки: “Ich sterbe...”. Потом взял бокал, повернул ко мне лицо, улыбнулся своей удивительной улыбкой и сказал: “Давно я не пил шампанского...”, покойно выпил все до дна, тихо лег на левый бок и вскоре умолкнул навсегда... Ушел доктор, среди тишины и духоты ночи со страшным шумом выскочила пробка из недопитой бутылки шампанского... начало светать, и вместе с пробуждающейся природой раздалось, как первая панихида, нежное, прекрасное пение птиц, и донеслись звуки органа из ближайшей церкви. Не было звука людского голоса, не было суеты, обыденной жизни, были красота, покой и величие смерти» [Книппер-Чехова 1972:62].

Судя по всему, Левитанский при создании стихотворения, опирался именно на это воспоминание, в центре которого – эстетический жест Чехова, причем предсмертный жест звучит как заздравный жест. Кстати, к этому «Я умираю» Левитанский апеллирует и в другом своем стихотворении – «Иронический человек»: *Когда же свеча последняя, / А пламень небес едва еще лиловат, Смиренно: я умираю он говорит, / Как будто бы извиняется – виноват.*

Но реальные события роковой для Чехова ночи поэт «разбавляет» скрытыми цитатами из чеховских произведений, на которых стоит остановиться подробно, поскольку они изменяют свою изначальную семантику и приобретают новую, связанную с ситуацией смерти Чехова.

Немецкий уснул городок. / Подумай, какая прохлада! / Лишь ветки вишневого сада / белеют в июльской ночи. – Эти строки содержат в себе очевидное временное несоответствие: белые (усыпанные цветами) деревья – в июльской ночи. Что это – просчет поэта или намеренный прием? Белые ветки вишневого сада – аллюзия на последнюю чеховскую комедию, написанную в сентябре 1903 г., за год до смерти, а первое представление «Вишневого сада» на сцене Московского Художественного театра состоялось 17 января 1904 г.

Все чеховские письма 1903 г. вращаются вокруг «Вишневого сада», а в последнем письме О.Л. Книппер-Чеховой от 10 апреля 1904 г. драматург вновь касается последней своей пьесы.

«Вишневый сад» «не оставлял» Чехова до самого отъезда писателя в Германию (и, надо думать, и в Германии мысли о комедии не отпускали автора). С «Вишневым садом», таким образом, связывался последний год жизни русского прозаика и драматурга, но драма должна была открыть уходящему автору дверь в *завтра*. Приведем слова Н.Г. Гарина-Михайловского, видевшегося с Чеховым в дни окончания «Вишневого сада»: «Плох он. И догорает, как самый чудный день осени... А завтра... он знает свое завтра и рад и удовлетворен, что кончил свою драму “Сад вишневый”» [Письмо Н.Г. Гарина-Михайловского к И.И. Иванчину-Писареву, 5 октября 1903 г. 1960:162].

Так что подразумевал Левитанский под строкой *Лишь ветки вишневого сада / белеют в июльской ночи?*. Полагаем, речь идет о преодолении физической смерти в творческом бессмертии. «Вишневый сад» как замена художника в мире духовных ценностей продолжает жить и после смерти художника и белеть сквозь ночь, напоминая о своей всегда и вездесущести.

Строку «Колеблется пламя свечи» можно трактовать многозначно: во-первых, свеча – традиционный поэтизм, символ человеческой жизни, а догорание, затухание свечи – знак догорания человека, его смерти; во-вторых, «свечу» Левитанский мог «вынуть» все из того же воспоминания Книппер-Чеховой: «Предпоследняя ночь была страшная <...> Электричество потушили, оно мучило зрение Антону Павловичу, горел остаток свечи, и было страшно, что свечи не хватит до рассвета, а клубы тумана все ползли, и особенно было жутко, когда свеча то замирала, то вспыхивала» [Книппер-Чехова 1972:65].

Фигуры вишневых деревьев и фигура свечи сталкиваются и в пределах первой чеховской ремарки к «Вишневому саду»: «Уже май, *цветут вишневые деревья*, но в саду холодно, утренник. Окна в комнате закрыты. Входят Дуняша со *свечой* и Лопухин с книгой в руке».

«Вишни» и «свеча» в контексте стихотворения Левитанского маркируют два пространства: пространство сада и пространство дома (собственно, аналогичная картина – у Чехова), но у Левитанского они начинают отражаться друг в друге: вишни белеют (светлость) – пламя колеблется (свет). В результате такой тесной связи двух образов семантическая наполненность одного накладывается на семантическую наполненность другого.

В традиционной топике свеча – неизменный атрибут погребальной обрядности. Свеча, зажигаемая, когда человек умер, словно освещает тьму смерти, сводя – символически - ее на нет. Сад, расцветающий в неположенное время (цветение как символ возвращенной жизни), не вписывающийся в регламентирующие его внутренний цикл нормы, проповедует идею вечной весны, также сводя идею смерти на нет. Таким образом, вынутые из последнего произведения Чехова образы, подвергаются ощутимой смысловой трансформации и звучат в устах Левитанского как пропуск в творческое бессмертие: изменение графического оформления сочетания *вишневый сад*

вскрывает глубинный смысл, сокрытый в строках Левитанского. Перед нами уже не временное несоответствие, а развернутая метафора бессмертия в Слове, метафора чеховского бессмертия в слове.

За плачем «известной актрисы» проступают и биографический, и литературный подтексты. В.Б. Семенов, автор комментариев к сборнику Ю. Левитанского «Стихотворения» указывает на то, что под «известной актрисой» подразумевается О.Л. Книппер-Чехова, жена писателя и актриса МХАТа [Семенов 2005:437]. Мы же предлагаем еще одну возможную дешифровку, связанную опять же с художественным миром Чехова. Во втором действии «Чайки» Нина, оставшись одна, пускается в размышления об Аркадиной: «Как странно видеть, что известная артистка плачет, да еще по такому пустому поводу!». Присутствие Чехова в стихотворении «Шампанским наполнен бокал», таким образом, вновь обнаруживает себя на уровне очевидной интертекстуальности. Получается в буквальном смысле игра цитатой, которая, оторвавшись от первоисточника, начинает функционировать в новом качестве, выступая как семантическая оппозиция самой себе: если Аркадина плачет «по пустому поводу», то героиня стихотворения – по поводу трагической смерти героя: «К чему здесь сейчас соловьи! / Последние слезы горючи / Шиповника стебли колючи / Крыжовника иглы остры».

Образ крыжовника, генезис которого восходит к одноименному рассказу, осмысливается Левитанским в ином аспекте. Чехов ставил акцент на плодах шиповника, Левитанский – на иглах, которые неизбежно ассоциируются с мученической смертью, и в этом плане строка «Шиповника стебли колючи» – не только пример синтаксического параллелизма к строке «Крыжовника иглы остры», но и ее синоним. Мотив плача развивается по градационному принципу: *И будут рыдать три сестры / И многие сестры иные. / Немногие братья родные / и множество братьев иных.* У Чехова три сестры тоже рыдают, здесь же они становятся образами, вышедшими за пределы литературного мира, выражая общую «горечь утраты».

Все выявленные нами аллюзии на тексты Чехова вплетаются в монолог лирического «я», воспроизводящий сцену последней ночи драматурга с разворотом в план будущего времени («будут рыдать»). Но ситуация чужой смерти в конечном итоге начинает примеряться на себя: *Зачем эти розы цветут? / Как все в этом мире похоже. / И на Новодевичьем тоже / такие же розы, как тут. / Я тоже уеду туда, / к тем розам, / к березе и к вербе. / Ich sterbe, / ich sterbe, / ich sterbe – / и это уже навсегда.*

В результате сопоставления двух пространственных точек (город Баденвейлер, место смерти Чехова, и Новодевичье кладбище, место, где Чехов похоронен), обнаруживается их эквивалентность, основанная на двух критериях: во-первых, оба локуса могут рассматриваться как «пейзажные» двойники (розы тут = розы там; оговоримся, что дикие розы [шиповник] в данном стихотворении предстают исключительно как «кладбищенские» цветы, «последние» цветы, рифмуясь с «последними слезами»). Во-вторых, мера близости двух пространственных точек определяется их непосредственным отношением к ситуации смерти. Однако, если категория «тут» сопряжена с

фактом чужой смерти, то категория «там» – с фактом чужой и своей («я тоже уеду»: я тоже, как и...). Причем «ich sterbe» повторяется трижды, и необратимость ситуации предельно акцентируется последним словом стихотворения - «навсегда».

Погребальная тематика стихотворения (ср. фигуры плача, цветов, кладбища) детерминирует и отбор претекстов: финалы «Вишневого сада», «Чайки» и «Трех сестер» – это еще и финалы жизней героев. Чеховский сюжет (под ним мы понимаем не только сюжет смерти Чехова, но сюжеты трех драм, к которым отсылает стихотворение) корреспондирует с сюжетом «я» и опрокидывается в сюжет «я».

Итак, очевидно, что в стихотворении – два психологических сюжета: первый – это сюжет Чехова, где *ich sterbe* следует понимать как несобственно-прямую речь, а второй сюжет – это сюжет лирического Я, который проецируется на чеховский.

Биографический миф осмысливается Левитанским в двойном аспекте. С одной стороны, с ним связывается идея отрицания смерти: чеховский жест выглядит как заздравный жест. На эту идею работает и апелляция к вишневому саду, который становится символом бессмертия в слове. Сам факт обращения Левитанского к персоне Чехова свидетельствует об этом бессмертии. Причем биография Чехова и творчество Чехова оказываются неразрывно связанными и порождают единый чеховский сюжет, в котором жизнь и искусство тесно переплетены. С другой стороны, биографический миф становится для лирического героя отправной точкой для размышлений о собственной судьбе, в конечном итоге он становится такой отправной точкой и для самого Левитанского, и – как ни странно – данное стихотворение можно считать пророческим: поэт действительно похоронен на Новодевичьем кладбище. И здесь уже сработал его собственный миф.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Громов М.П. Чехов. – М., 1993. – 394 С.
2. Книппер-Чехова О.Л. Об А.П. Чехове // О.Л. Книппер-Чехова. Воспоминания и статьи. Переписка с А. П. Чеховым (1902 – 1904). – М., 1972. – С. 41 – 62.
3. Письмо Н. Г. Гарина-Михайловского к И. И. Иванчину-Писареву, 5 октября 1903 г. // Театр, 1960, № 1. – С. 162.
4. Книппер-Чехова О.Л. 2 июля // О.Л. Книппер-Чехова. Воспоминания и статьи. Переписка с А.П. Чеховым (1902 – 1904). – М., 1972. – С. 62 – 68.
5. Левитанский Ю. Опыт, который всегда со мной (беседу вела И. Ришина) // ЛГ, 1979 г, 11 апреля. – С. 3.
6. Лосев А.Ф. Критические замечания к диалогу [«Тимей»]// Платон. Соч. в 3 т. Т. 3. Ч. 1. – М., 1971. – С. 660.
7. Семенов В. Б. Комментарии // Левитанский Ю. Стихотворения. – М.; Харьков, 2005. – С. 417 – 459.

СИНОНИМИЯ ПРОСТЫХ И СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ИЗЪЯСНИТЕЛЬНО-ОБЪЕКТНЫМИ ПРИДАТОЧНЫМИ ЧАСТЯМИ

Л. А. Качанова

Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт

В последнее время все более утверждается взгляд на синтаксическую синонимику как на явление сложное и многогранное, в котором переплетаются лексические, морфологические и синтаксические аспекты. Синонимию сложноподчиненных и простых предложений можно рассматривать в ситуационном аспекте с учетом репрезентируемых ими когнитивных ситуаций. Поле, объединяющее синонимичные сложноподчиненные и простые предложения, лежит на когнитивно-синтаксической оси в силу тождества глубинных синтаксических структур и их типовых значений. Следовательно, идентичность рассматриваемых конструкций следует устанавливать в их объективном содержании. Различия же должны наблюдаться не только в синтаксических структурах, но и в тех когнитивных ситуациях, которые соответствуют каждой структуре.

Синонимия сложноподчиненных предложений с придаточными изъяснительно-объектными и простых предложений возможна в случае, если сказуемому придаточной части сложноподчиненного предложения, выраженному прилагательным или глаголом, в простом предложении соответствует дополнение к делиберативному глаголу, лексически тождественному тому глаголу, к которому относится придаточная часть, выраженное абстрактным существительным; тогда подлежащему придаточной части сложноподчиненного предложения в простом предложении соответствует определение, выраженное существительным в родительном падеже, подчиненное указанному абстрактному существительному. Например:

Дворовая девка, запыхавшись, прибежала доложить Петру Васильевичу, что сам старый Иртеньев приехал (Л.Н.Толстой). – Дворовая девка, запыхавшись, прибежала доложить Петру Васильевичу о приезде самого старого Иртеньева.

Глаголу, играющему роль сказуемого придаточной части сложноподчиненного предложения, в простом предложении соответствует отглагольное существительное в той падежной или предложно-падежной форме, которую требует глагольное сказуемое в простом предложении. Так, в приведенном выше примере глагол доложить управляет формой предложного падежа в сочетании с предлогом *о*.

Иногда придаточное изъяснительное зависит от отглагольного существительного в главной части. В этом случае в простом предложении дополнение, выраженное абстрактным существительным, соответствующее сказуемому в придаточной части, подчиняется отглагольному

существительному, лексически идентичному тому отглагольному существительному главной части сложноподчиненного предложения, с которым связана придаточная часть. Например:

Не было никакой надежды, что небо прояснится (А.П.Чехов). – Не было никакой надежды на прояснение неба.

Если подлежащее в придаточной части выражено личным местоимением, то в простом предложении ему соответствует определение, выраженное притяжательным местоимением:

И я докажу, что она права (А.П.Чехов). – И я докажу её правоту.

Если в придаточной части есть прямое дополнение при отсутствии подлежащего, то в простом предложении ему соответствует дополнение в косвенном падеже со значением объекта, управляемое абстрактным существительным, соответствующим переходному глаголу в роли сказуемого придаточной части. Например:

Осипов распорядился, чтобы гимназистов освободили (А.М.Горький). – Осипов распорядился об освобождении гимназистов.

Если в придаточной части есть и подлежащее, и прямое дополнение, то в простом предложении им соответствуют два дополнения – одно с субъектным, другое с объектным значением в соответствующих падежах:

...Дмитрий Борисыч очень хорошо знал, что начальство поощряет невинные занятия...(М.Е.Салтыков-Щедрин) – ...Дмитрий Борисыч очень хорошо знал о поощрении начальством невинных занятий...

В простом предложении подлежащему придаточной части, выраженному личным местоимением, соответствует определение, выраженное соответствующим притяжательным местоимением:

Небось помните, как я вас любила (И.А.Бунин). – Небось помните о моей любви к вам.

Если сказуемое главной части сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительно-объектным выражено страдательным причастием или кратким прилагательным, то сказуемому придаточной части в синонимичном простом предложении соответствует дополнение, выраженное отглагольным существительным с предлогом «о», а подлежащему – определение к этому существительному, выраженное существительным в родительном падеже со значением субъекта действия. Если подлежащее придаточной части представлено личным местоимением, то определение к дополнению, соответствующее сказуемому придаточной части, в простом предложении выражается притяжательным местоимением. При этом сказуемое в главной части сложноподчиненного предложения должно содержать в себе понятие об информации, содержащейся в придаточной части. В противном случае синонимия невозможна. Если сказуемое в придаточной части сложноподчиненного предложения выражено существительным, то синонимичное простое предложение невозможно.

Некоторые сложноподчиненные предложения не могут иметь синонимичные простые, потому что сказуемые их придаточных частей не имеют соответствующих абстрактных существительных. Глаголы мнения

(думать, считать, полагать) в главном предложении либо могут употребляться только с придаточными предложениями, либо только с дуплексивными конструкциями. Если они употребляются вне этой связи, то есть сочетаются с абстрактными отглагольными существительными, то они теряют значение мнения.

Семантические различия сложноподчиненных предложений с придаточными изъяснительно-объектными и синонимичных им простых предложений наблюдаются лишь в определенных когнитивно-синтаксических параметрах.

1. Система отношений между компонентами когнитивной ситуации. При синтаксической экспликации в сложноподчиненном предложении имеет место двухуровневая система отношений между компонентами когнитивной ситуации: непосредственно соотнесены между собой со стороны содержания члены предложения и в главной, и в придаточной частях. Концептуальное содержание же придаточной части лишь в целом соотносится с содержанием стержневого компонента в главной части. В рамках же синтаксической экспликации в простом предложении наблюдается одноуровневая система отношений между компонентами когнитивной ситуации: все члены предложения со стороны содержания находятся в непосредственных отношениях.

2. Направленность отношений между компонентами когнитивной ситуации. В синтаксической репрезентации в придаточной части сложноподчиненного предложения отношение направлено от субъекта (носителя признака) к концепту признака (действия, свойства), а при экспликации в синонимичном ему простом предложении – от концепта признака к понятию о его носителе. Так, в предложении Я вижу, что он скорбит выявляется отношение лица к действию, о чем свидетельствует вопрос, направленный от подлежащего к сказуемому (Он что делает?). В синонимичном простом предложении Я вижу его скорбь раскрывается отношение действия к лицу. Это подтверждается направленностью вопроса от существительного скорбь к определению его (чья скорбь?).

3. Собственно отношения между компонентами когнитивной ситуации. Приведенные выше вопросы показывают, что в придаточной части сложноподчиненного предложения выражается обладание субъекта действием, а в простом предложении принадлежность действия субъекту.

4. Распределение концептуального содержания когнитивной ситуации между ее компонентами. Поскольку в придаточной части сложноподчиненного предложения отношение концептуального содержания, эксплицированного в подлежащем, к концептуальному содержанию, репрезентированному в сказуемом, выражается с помощью морфологической формы слова, играющего роль сказуемого, постольку в этом случае концепт отношения между субъектом и действием сливается с концептом действия. При синтаксической репрезентации в простом предложении концепт отношения между субъектом и действием эксплицируется с помощью морфологической формы определения

(его) и, следовательно, сливается с понятием о субъекте (его скорбь означает скорбь, принадлежащая ему).

5. Характер охвата концептуального содержания. При синтаксической экспликации в придаточной части сложноподчиненного предложения концепт действия обогащается за счет слияния с ним концепта отношения, по охвату содержание этого понятия оказывается шире, чем содержание понятия о субъекте. При синтаксической репрезентации в простом предложении понятие о субъекте оказывается шире, чем концепт действия, так как оно обогащается за счет слияния с ним концепта отношения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. – Л., 1978.
2. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 1999.
3. Леденев Ю.Ю. К вопросу о синтаксическом статусе предложения // Педагогическая наука и практика – региону. Материалы VII региональной научно-практической конференции. – Ставрополь: СГПИ, 2005.
4. Сухотин В.П. Синтаксическая синонимика в современном русском литературном языке. – М., 1960.

КАТЕГОРИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ ФЕНОМЕНА «СВОЁ-ЧУЖОЕ»

Е.В.Кишина

Кемеровский государственный университет

В последнее время внимание лингвистов начинают привлекать категории, которые до определённого времени не были объектом изучения: «долженствования», «обусловленности», «соответствия» и др. В ряду подобных образований выделяется и понятийная категория «свойственность-чуждость». Мысль о гипотетическом существовании в русском языке категории «свойственность - чуждость» одним из первых высказал А.Б. Пеньковский: «На обсуждение предлагается гипотеза о существовании семантической категории «чуждости», которая должна сопрягаться с категорией отрицательной оценки (чужое – плохое) и иметь специальные средства языкового выражения (хотя бы в виде отдельных, не связанных друг с другом звеньев) [Пеньковский 1989: 54].

Дальнейшее признание за дихотомией «своё - чужое» категориального статуса, как правило, не подвергалось сомнению, однако и не было теоретически обосновано. Определение анализируемой дихотомии как категории в преобладающем большинстве основывается на семантической общности группировки: выражение семиотического противопоставления «своё - чужое».

Подобная ситуация мотивирует необходимость обоснования и подтверждения категориального характера анализируемой группировки. Как представляется, категориальный статус феномена «свойственность - чуждость» может быть доказан путём описания онтологической сущности данного образования, его структуры, средств выражения и места в категориальном комплексе русского языка.

«Своё - чужое» - группировка, обладающая целым комплексом отличительных признаков. Полицентрическое устройство данного образования в частности проявляется в признании различного статуса «свойственности - чуждости». В современной лингвистике данное единство трактуется как:

1. Категория. При этом характер выделяемого категориального признака не всегда идентичен: «своё - чужое» интерпретируется и как семантическая категория (А.Б.Пеньковский, Р.Н. Порядина, З.И. Резанова), и как понятийная категория (Н.И.Максимова), и как когнитивная категория (О.С.Иссерс).

2. Семантическая, понятийная, семиотическая оппозиция (С.Л.Сахно, Е.И.Шейгал, Т.И.Злобина, М.Н.Петроченко, О.Л.Михалёва, Л.И. Гришаева, Б.Синочкина и мн.др.). Зачастую такая оппозиция синонимизируется с такими дихотомическими образованиями, как «мы - они», «я - не я», «наш - не наш», «свой - другой», «народ - власть», «друг - враг» (Н.А.Купина, Е.И. Шейгал, Е.С. Яковлева, А. Цуладзе, Р. Штихве, Л.И. Гришаева, Л.В.Цурикова и мн.др.).

3. Концепт (Ю.С.Степанов, А.Н.Баранов, А.А.Маркович, О.Р.Рожкова и др.).

4. Коннотативный компонент семантики слова (И.В.Тубалова, А.Н.Серебренникова, М.Н. Петроченко).

5. Ментальный, этнический стереотип (В.М.Шадрова, Ю.А.Сорокин, И.Ю.Марковина, В.А. Буряковская).

Отсутствие единого понимания сущностной природы «свойственности - чуждости» является своего рода показателем универсального характера рассматриваемого феномена. Способность широкой репрезентативности в различных типах коммуникативных ситуаций, коммуникативная и когнитивная гибкость наделяет «своё - чужое» континуальным характером, синтезирующим разноаспектные признаки. Как представляется, интерпретация анализируемой группировки в качестве оппозиции, концепта, стереотипа и т.д. является лишь отражением определённых константных признаков «свойственности - чуждости».

Так, при определении «своего - чужого» как оппозиции актуализируется дихотомический принцип организованности рассматриваемого объединения. Принцип оппозиции как один из основных элементов системности языка носит в данном случае не диаметрально-противоположный, а всеобъемлющий характер: «своё - чужое» является как языковым репрезентантом дуалистического устройства социума, так и субъективного отражения в сознании «своего» и «чужого» миров. Дихотомический признак «свойственности - чуждости» основан не на противопоставлении определенных единиц внутри одного понятия, а на противопоставлении целых понятийных объединений. Выделение же в качестве равноправных понятий по отношению к «свойственности - чуждости» таких оппозиций, как «мы - они»,

«друг - враг» и т.д. носит скорее частный характер, раскрывающий суть одних из многочисленных проявлений дуалистической природы «своего - чужого».

Рассмотрение «свойственности - чуждости» на уровне коннотации слова и формирования стереотипов также отражает один из возможных путей обоснования и описания анализируемой группировки: семантическая репрезентация относится к группе ядерных форм выражения понятийных сфер «своё - чужое», прагматический же потенциал данного образования приводит к возможности организации и функционирования разного рода стереотипов.

Наделение «свойственности - чуждости» статусом концепта базируется на признании рассматриваемого объединения как некой ментальной репрезентации, структурирующей разнородные фрагменты действительности. Между тем, как представляется, онтологическая сущность «свойственности - чуждости» несколько противоречит подобному прямолинейному соотношению.

Разноуровневые средства выражения (как лексического, так и грамматического, словообразовательного, прагматического характера) и дихотомический принцип устройства выводят «свойственность - чуждость» за пределы классически трактуемых концептов как ментальных образований, обнаруживаемых преимущественно на лексическом уровне. Определение концептуального статуса применимо в данном случае скорее к определённым понятийным моделям, формирующим категорию «свойственность - чуждость», либо к двум противопоставленным концептам «свои» и «чужие», а не ко всей группировке в целом. К примеру, категориальное содержание «свойственности - чуждости» в политическом дискурсе формируется такими концептами, как «политик», «власть», «народ» и т.д.

Категориальный статус «свойственности - чуждости» также нуждается в обосновании. Придавая рассматриваемому феномену категориальные признаки, мы тем самым признаём его неким ментальным конструктом высшего порядка, упорядочивающего как чувственно воспринимаемые, так и когнитивно обусловленные объекты. Континуальный характер данной категории обусловлен субстанциональным признаком группировки, заключающимся в языковой репрезентации понятийных образований (сфер «своё»- «чужое»), отображённых в сознании субъекта. «Свойственность - чуждость» является языковой интерпретацией процессов мировосприятия, вербализацией дуалистической организации мироустройства, пропущенной сквозь сознание субъекта: «Сфера «свои - чужие» как раз такая, где само противопоставление создаётся не только объективными данными, но и их отражением в сознании» [Степанов 1997:127].

Признание категориального признака «свойственности - чуждости» как признака разноаспектного позволяет рассматривать существующие в лингвистике дефиниции данного образования как понятия, сфокусированные на одном из признаков выделяемой категории. Так, при интерпретации «свойственности - чуждости» как когнитивной категории акцент делается на ментальной сущности данной оппозиции, когнитивных структурах, знаниях, формирующих и отображающих организованность мира по принципу «своё -

чужое». Отнесение выделяемого образования к группе семантических категорий акцентуализирует семантическую общность образования, репрезентируемую единицами разных языковых уровней. Признание же «свойственности - чуждости» понятийной категорией основывается на преломлении и отображении единицами данной группы внеязыкового содержания. «Свойственность - чуждость» предстаёт как понятийная категория, включённая в языковой дискурс.

Каждая из приведённых выше интерпретаций базируется на объективных признаках «свойственности - чуждости». Между тем онтологическую природу анализируемой группы составляет контаминация определённых сущностных характеристик. «Свойственность - чуждость» синтезирует черты когнитивных, концептуальных, семантических и понятийных категорий, что является следствием её континуального характера. Онтологическая мозаичность мотивирует разноуровневую репрезентацию «свойственности - чуждости»:

1. Понятийный уровень. «Свойственность - чуждость» на понятийном уровне предстаёт как языковой репрезентант дуалистического принципа мироустройства.

2. Уровень индивидуального дискурса. «Свойственность - чуждость» на уровне индивидуального дискурса является вербализатором взаимоотношения человека и языка, что проявляется в акцентуализации личностных, духовно-нравственных, оценочных и прагматических аспектов категории.

3. Уровень общественного дискурса. «Свойственность – чуждость» на уровне общественного дискурса отражает взаимоотношения языка и массового сознания, что приводит к доминированию прагматического, манипулятивного и идеологического характера категории.

Таким образом, категория «свойственности - чуждости» может быть определена как естественная категория базового уровня, вербализирующая отражённые в языковом сознании понятийные сферы «своё - чужое», обладающая признаками континуальности и разноуровневой репрезентации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Пеньковский А. Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке// Проблемы структурной лингвистики. 1985. – М., 1989.
2. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. – М., 2000.

НАРРАТОР И ГЕРОИНИ В РАССКАЗАХ ГАЙТО ГАЗДАНОВА

Е.В.Кузнецова

Астраханский государственный университет

Материалом для написания данной статьи послужили рассказы Гайто (Георгия Ивановича) Газданова (1903-1971гг.). Анализируя прозу писателя в

обозначенном аспекте, можно объединить все главные женские персонажи на три группы. Первая группа представлена образами женщин молодых, невинных, романтических, попавших в сложные ситуации и пострадавших от этого (Татьяна Брак, Джэн, Надя и др.). Создается некий образ Женщины – символа Вечной Женственности (и здесь прослеживается некоторое влияние символистов). Вторая группа представлена персонажами женщин любящих, эротичных, страстных (Катя из «Ошибки», Ольга из «Когда я вспоминаю об Ольге...» и др.). Третья группа – это женщины аморальные, разрушительницы, ведущие мужчин к криминалу и преступлениям и к другим крайним проявлениям чувств, властительницы мужскими сердцами, охотницы («Женщина вертикальных линий» из дебютных рассказов, Саломея из «Судьбы Саломеи», Наташа из «Шрама», испанка из «Вечернего спутника» и др.). За редким исключением, герой – повествователь выражает иронию по отношению к женским персонажам, которая реализуется через контрасты и лексику и в описании внешности, и в представлении характерологических портретов героинь. Говоря о первых рассказах Газданова, С.Кабалоти считает Женщину вертикальных линий фигурой символической и подчеркнуто асексуальной. Ее не называют по имени, оно мелькнет лишь случайно, много позже, но некоторые особенности ее внешности ассоциируются с ее образом жизни (например, сравнение рыжего цвета и золота, которое она очень любит). Как отмечает С.Кабалоти: « Это не характер, а именно символ, – символ некоего примитивного и агрессивного начала, для которого не существует границ и расстояний» [Кабалоти 1998: 27]. Автор через внешнее описание (скорее набросок) представляет сущность персонажа, делая акцент на негативных чертах. Этот персонаж дан как рисунок импрессионистов, широкими мазками. Другие женские персонажи дебютных рассказов (мадам Шуцман, ее дочери, Маруся, Надя, и др.) Газданов представляет в оппозиции друг другу, они порой лишены характерологических характеристик. По мнению С.Кабалоти в фигурах этих просматривается противопоставление духовного и телесного [Кабалоти 1998: 28]. К группе романтических женских персонажей в дебютных рассказах можно отнести Розу Шмидт, Джэн, Татьяну Брак. «... Розе Шмидт я посвятил бы север. Север – прекрасную, мужественную страну, колыбель веселой революции, страну холода, и румянца...» [Газданов 1996: 34]. Татьяна Брак является романтической девушкой, объектом платонической любви трех друзей, не сумевших ее спасти и уберечь от ужасных событий, попавшей в чужие для ее характера условия и время, определившие трагическую развязку ее короткой жизни: « В те времена, когда Татьяна Брак начинала свою печальную карьеру, ей было восемнадцать лет, и мы любовались ее белыми волосами и удивительным совершенством ее тела <...>. Когда Татьяне Брак пошел девятнадцатый год и ее глаза вдруг приобрели смутную жестокость, мы увидели, что липкие ковры разврата уже стелются под ее ногами» [Газданов 1996: 65]. Образ анархистки Джэн тесно связан с музыкой, ее характер обрисован через звуки ее голоса, это – лирическая героиня: «В Джэн исключительным был только ее голос. В остальном она почти не отличалась от русских революционных гимназисток <...>» [Газданов 1996: 58]. В этом

персонаже молодой писатель проявляет свои анархические увлечения. Образ Нади из «Рассказов о свободном времени» является собирательным и рассказывает о судьбе многих подобных женщин: «Всюду, где появлялся бледный призрак смерти, светлый и чистый образ Нади внезапно вставал перед глазами умирающих героев» [Газданов 1996: 41]. Газданов не описывает конкретный характер, образ героини не индивидуализирован. И тем трагичнее предстает она в сцене после ночной оргии на квартире Сверчкова: « В глубине комнаты на кровати лежала Надя. На секунду, взглянув на ее измятое тело, и кожу с синяками, и на бледные, синие полосы губ, я закрыл глаза, и судорога жалости и печали свела мое лицо» [Газданов 1996: 42]. Несмотря на отличия выделенных женских персонажей, молодой Газданов проявляет к ним позитивное отношение, можно почувствовать его симпатию и сострадание к ним. Но наряду с положительными женскими образами у него есть и галерея женских персонажей, которых он не любит и даже ненавидит, не воспринимает их жизненную позицию. Однако он не выступает при этом моралистом и не призывает их обличать и судить. Так в третьей части «Смерть пингвина» из «Рассказов о свободном времени» он впервые вводит негативный и неприемлемый героем – повествователем персонаж мисс Грей: «Я узнал эти неподвижные глаза, мужской пиджак, пробор на классической голове, улетающие высокие брови и широкие огненные губы <...>. Давняя враждебность связывала меня с ней <...>. Я не поверил в неподвижность ее глаз, в срывающийся смех, в пустой и напряженный взгляд <...>. Я ненавидел ее, хотя она была очень не глупа и чрезвычайно для женщины начитана» [Газданов 1996: 48]. Что же так претит автору в этом образе? Прежде всего, ее жестокость и внутренняя пустота, а так же стремление к разрушению всего, что ее окружает.

Рассказ «Шрам», написанный в 1943 г. (датировка рукописи самим Газдановым –29.09.1943), был впервые опубликован лишь в 1949 г. в нью-йоркском «Новом журнале» (№21). Сюжет рассказа основан на сохранившейся среди рукописей писателя газетной публикации («Последние новости», 1938, 14 мая), которая озаглавлена как «Преступление Алексея Берсенева» [Сыроватко, Никоненко, Диенеш Л. 1996: 828-829]. Вообще Газданов не раз прибегал к газетной хронике в поисках сюжетов для своих рассказов (вспомним, например, «Вечерний спутник»). Но, в рассказе, в отличие от газетной заметки, речь идет лишь об одном преступлении – игры в «кукушку». Газданов исследует личность героини: женщины, которая не способна любить, которая использует мужчин в своих целях, женщины – охотницы. В рассказе делается неоднократно акцент на внутреннюю пустоту героини. Рассказ интригует с самого начала, прежде всего, подробным описанием внешности героини, которая не является примером классической красоты, а наоборот сначала не совсем понятно как Наташа может очаровывать мужчин. Такое подробное описание не является обычным приемом для Газданова. Образ героини антитетичен, полон противоречий и, можно ощутить авторскую иронию. Однако Л. Диенеш, первый исследователь творчества писателя, даёт очень низкую оценку художественному уровню рассказа и считает его неудачным:

«Это один из самых неудавшихся рассказов Газданова, вероятно потому, что представляет собой всего лишь портрет русской эмигрантки Наташи и описание её жизни, не более того. Газданов никогда не был силён в создании женских образов, а тут ещё убогий внутренний мир Наташи, её неспособность воспринимать отвлечённые понятия, аморальность её жизни – всё это отнюдь не делает героиню привлекательной, а рассказ о ней занимательным» [Диенеш 1995: 189]. Газданов, характеризуя Наташины особенности, подчеркивает ее эротичность: «...её замечательность касалась преимущественно одной стороны любви, той, о которой почти не принято говорить. Но в этом отношении она была несравненна» [Газданов 1996: 535]. Газданов выделяет в Наташином характере ещё одну черту, с его точки зрения очень важную: «В ней была еще одна, и самая опасная, черта – это любовь к вызову и поощрение нелепых и безрассудных поступков. <...> Из-за этого её пристрастия к такому дикому спорту совершенно порядочные люди попадали в очень неприятные истории, это случалось тогда, когда её власть над ними была особенно сильна» [Газданов 1996: 535-536]. Неоднократно повторяется в рассказе то, что одной из уникальных способностей Наташи является ее способность порождать различные иллюзорные представления о себе: «Она за свою жизнь была виновницей огромного количества ничем не оправданных иллюзий, не делая для этого почти никаких усилий и только не мешая никому думать о ней то, что ему хочется» [Газданов 1996: 539]. Наташа лжёт постоянно: «И так же, как она лгала в этом, она лгала во многом другом» [Газданов 1996: 533]. Этот персонаж перекликается с образом Саломеи.

Героиня рассказа «Судьба Саломеи» (1959г.), также женщина неординарная, способна сыграть в жизни Андрея, друга нарратора, очень важную роль. Эта роль далеко не положительная, по сути, она разрушила и изменила его жизнь, с одной стороны, но, с другой, была стимулом и смыслом для продолжения жизни Андрея. Образ противоречивый и в начале рассказа, в некотором роде таинственный и интригующий. Неразгаданность героини, ее экстравагантность составляют ее особенность. Как описывает ее герой – повествователь: «Она была красива настолько, что даже ее нелепый грим – вместо бровей у нее были две тонкие линии, нарисованные черным карандашом и резко загибавшиеся кверху, губы она красила кармином, в котором преобладал фиолетовый цвет, – даже этот грим не производил того убийственного впечатления, которое он должен был бы производить. Волосы ее были выкрашены в бледно-желтый цвет» [Газданов 1996: 561]. Описание контрастов и внешность женщины соответствует типу того времени, на ум приходят образы актрис кино Мишель Морган, Греты Гарбо и др.: «...каждое утро она проделывала над своим лицом не меньшую работу, чем актер, который гримируется перед выходом на сцену» [Газданов 1996: 561]. Как и Наташа, она носила маску, предназначенную для эпатажа, и никто не знал ее настоящего лица. Ее лживость раскрывается и в ее утверждении: «Это, впрочем, не мешало ей повторять, что ее наружность ее совершенно не интересует» [Газданов 1996: 565]. Она понимает, что обладает властью над мужчинами и наслаждается этой властью, ощущая свою особенность.

Биография ее также полна тайн и загадок. К внешней броскости присоединяется и внутренняя характеристика героини, раскрывающая ее характер вздорной и непоследовательной, безответственной женщины: «Множество ее поступков отличалось раздражающей непоследовательностью <....> она упорно отказывалась от ответственности за свои поступки и от выводов, которые из них могли быть сделаны. <....> Какая-то значительная часть ее душевной жизни у нее была просто атрофирована» [Газданов 1996: 562-563]. И, тем не менее, потеряв Саломею, Андрей потерял смысл жизни и как личность деградировал: «...никакая другая женщина не могла занять ее места. <...> он написал о ней целую книгу» [Газданов 1996: 565]. Герой – повествователь выступает как сторонний наблюдатель, пытается осознать, почему такая женщина смогла полностью подчинить себе умного, хорошего, искреннего человека. Анализируя данный типаж, он претендует на то, что сумел понять лучше остальных и оценить по достоинству эту женщину. Интрига сохраняется до конца рассказа, когда герой – повествователь встречает героиню в условиях настолько неожиданных (жена сапожника в Италии) и испытывает ностальгию по прежней Саломее. Только в этих условиях и открывается ее настоящее лицо, она поняла, что самое важное в ее жизни – это простые вещи, свой дом. И тут неожиданный поворот, герой-повествователь предлагает ей вернуться в Париж и начать прежнюю жизнь, он не может смириться с таким ее преображением, однако получает отказ и объяснение. Такое преображение героини, по его мнению, произошло из-за ее встречи со смертью и только это дает ей возможность так остро оценить радость простой жизни. Гайто Газданов в очередной раз не сумел обойти тему Смерти в жизни человека.

В неопубликованном рассказе «Когда я вспоминаю об Ольге...» (датируется 15.01.42) герой – повествователь испытывает к героине нежное, теплое и, в некотором роде, братское чувство. Зная Ольгу с детства, он не меняет уже своего трепетного отношения к ней на протяжении многих лет, проявляя постоянный интерес к ее жизни: «...она была тоненькой девочкой с сердитыми черными глазами, в ней навсегда осталась какая-то неуловимость, которая иногда даже раздражала меня. Ее нельзя было знать, как знаешь других людей или женщин; в ней было нечто скользкое и уклончивое и время от времени в ней появлялась такая явная и чуждая отдаленность...» [Васильева 2000: 208]. В чем же особенность этой женщины и почему она так интересна герою-повествователю? В рассказе он подчеркивает неуловимость и непонятность героини, ее стремление к постоянным переменам. С ней тесно связана тема путешествия: «...я встретил ее точно в поезде или на пароходе <...> и вот – вокзал далекого города или белая пристань чужого моря – и ее силуэт легко и быстро исчезает <...> именно чувство отъезда было для нее наиболее характерно» [Васильева 2000: 209]. Она находится в постоянном движении. Как и ее очередной отъезд для нее был неизбежен конец очередного романа. Она постоянно находилась в поиске. Автор пытается ее понять, но ему это не удается, что сильно раздражает его. Однако, понятно, что из всех ее мужчин только он ближе всех к ней и лучше других ее понимает: «Я знал,

однако, всю ее жизнь, все ее, в сущности, немногочисленные романы» [Васильева 2000: 209]. На протяжении всего рассказа мы наблюдаем метаморфозу героини. Смерть одного из ее возлюбленных повлияла на нее так, что она сумела переоценить свою жизнь и после этого в конце рассказа предстает измененной и повзрослевшей, знающей ответ на свои вопросы и получившей то, что искала на протяжении всей своей жизни. И в этот момент опять с ней рядом оказывается герой – повествователь: «Когда все кончилось, я взял ее под руку и мы долго с ней шли молча <...> Ольга поняла это так же, как и я: и когда я посмотрел на нее, я увидел ее глаза такими, какими никогда их не видел, никогда до этого, и я сразу почувствовал, что то, что было до сих пор, было так же неверно и призрачно, как вся моя жизнь, как все мое обманчивое воображение» [Васильева 2000: 238]. Это один из немногих рассказов Газданова, который заканчивается на положительной ноте, это – триумф настоящего чувства, любви и взаимопонимания героев.

Делая вывод о женском характере привлекательном для автора, можно утверждать, что галерея женских образов пестра и разнообразна. Нет единого типажа женской героини, но все они, различаясь между собой, содержат общие черты, воплощающие авторский идеал и авторское отношение к женщине, которое Газданов выражает опосредованно. Ему ближе и интереснее женщины активные, непостоянные, ищущие новых ощущений, авантурные и экстремальные, яркие и непонятные, полные контрастов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кабалоти С.М. Поэтика прозы Гайто Газданова 20-30-х гг. - СПб.: Петербургский писатель, 1998.
2. Газданов Г. Собр. соч. Т.Ш. – М., 1996.
3. Сыроватко Л., Никоненко Ст., Диенеш Л. Собр. соч. Т.Ш. – М., 1996.
4. Диенеш Л. Гайто Газданов. Жизнь и творчество. – Владикавказ, 1995.
5. Возвращение Гайто Газданова // Научная конференция, посвященная 95-летию со дня рождения/Сост.М.А.Васильевой.- М.: Русский путь, 2000. 308 с. (Библиотека-фонд «Русское зарубежье»): Материалы и исследования. Вып.1.

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ИНТЕНСИВНЫХ ФОРМ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Ю.Т. Кучиева

Пятигорский государственный лингвистический университет

Преобразования, происходящие в социально-экономической структуре общества, расширение деловых и межкультурных связей с другими странами способствуют увеличению потребности в языковом образовании. Растущий социальный заказ порождает появление новых форм обучения, которые бы отвечали современному уровню. Реализация данного положения стала

возможной при использовании интенсивных форм обучения, в которых с большей степенью учитываются возможности образного мышления, взаимодействия органов чувств, создание определенных психических состояний, использование способа усвоения информации на подсознательном уровне [Султанова, 2007: 113].

Н.Х. Хаджаева подчеркивает необходимость в данной связи поиска альтернативных методических решений, поскольку в таком случае наиболее плодотворным окажется поиск новых путей обучения предмету в целом [Хаджаева, 2008: 155].

Обучение представляет собой процесс, результатом которого выступает образованная личность с ярко выраженной мотивацией учиться, с потребностью в саморазвитии и самосовершенствовании, исходя из интересов и потребностей, которые ставит перед личностью социум [Никонова, 2008: 152].

Человек в этом случае должен быть способным [Зимняя, 1991; Кривых, 2008: 140]:

- интерпретировать различные культурные ценности;
- преодолевать чужое, видеть в нем то, что сближает культуры, а не отдаляет;
- соотносить существующие стереотипы с собственным опытом и делать соответствующие выводы;
- вбирать эмоции носителей чужой культуры;
- познание нового в иноязычной культуре.

Развитие навыков самообразования, удовлетворение потребности в самореализации, совершенствование навыков письменной речи, умение высказывать свою точку зрения и принимать мнения других, овладение обязательными компонентами общей грамотности человека современного общества (компьютером и Интернетом), увеличение скорости обработки больших потоков информации, совершенствование культуры общения и социального поведения, знакомство с социокультурными особенностями изучаемого предмета – вот неполный список задач современного подхода к обучению иностранному языку [<http://itlt@edu.nstu.ru>].

Общение на изучаемом языке пронизывает весь процесс обучения, являясь одновременно целью этого обучения и его основным средством. Таким образом, интенсивное обучение может быть определено как особым образом организованное обучающее общение, в ходе которого происходит ускоренное усвоение материала и активное развитие личности учащихся и преподавателя.

Студенты учатся технике общения, овладевают речевым этикетом, стратегией и тактикой диалогического и делового общения, учатся решать различные коммуникативные задачи. Значительная доля внимания уделяется интеркультурной коммуникации, основанной на соблюдении лингвокультурологических норм [Кривых, 2008: 139].

Интенсивные методы предполагают довольно большую плотность знаний за короткий промежуток времени. Как правило, интенсивное изучение языков предъявляет очень высокие требования к уровню преподавания учебным материалом, расписанию занятий.

Более того, подобные методы направлены на развитие активности учащегося, его непроизвольного желания действовать. А для этого, как отмечают О.Л. Гаврилова и М.И. Колокольцева, необходимо придерживаться двух этапов: 1) целенаправленное обучение (представление, для чего это нужно) и 2) создание макроситуаций проблемного характера, основанных на принципах жизненности, трудности решения, формулирования проблем и гипотез, динамичности [Гаврилова, Колокольцева, 2007: 100-101].

Целенаправленность означает определение, достижение и проверку поставленной цели, динамичность предполагает регулярное наращивание результативности образовательного процесса [Комарова, 2008: 137].

Обозначенные принципы способствуют моделированию учебного процесса исходя из трех условий: отражения, репрезентации, экстраполяции [Комарова, 2008: 137]. В целом, они направлены на взаимодействие методов и средств обучения, которые таким образом реализуются в процессе обучения.

Одним из способов интенсивного обучения иностранному языку стал метод Г. Китайгородской, получивший название «метод активизации резервных возможностей личности и коллектива» [Китайгородская, 1986] и реализуемый в особых, специально конструируемых психологических условиях. Таким образом, обучение представляет собой практику, в которой находят проявление все способности и возможности обучающегося субъекта [Султанова, 2007: 112].

В основе ее методики лежит концепция интенсивного обучения. Но под «интенсивным» здесь понимается не краткосрочное или ускоренное обучение, а метод, характеризующийся принципами динамичности и последовательности, сопровождающееся максимизацией объемов учебного материала и усилий преподавателя и студентов [http://www.kleo.ru/items/career/inostr_metody.shtml].

Главная идея метода изучения языка Г.Китайгородской заключается в обучении через общение. Учащиеся занимаются группами 10-12 человек. Главная роль при этом отводится преподавателю, который должен обладать хорошими организаторскими способностями. Большое значение уделяется ролевым играм и созданию определенной обстановки во время проведения занятий.

Необходимо отметить, что Г.Китайгородская ставит цель преодоления языкового барьера у студентов, что является характерным признаком нетрадиционной методики преподавания ИЯ.

Поскольку иностранный язык отражает социокультурную реальность и культурно-эстетические особенности, поэтому он становится чуждым для людей, которые изучают иностранный язык, так как способ выражения мысли, связи между содержанием и формой, а также комплекс невербального проявления языка (интонация, жесты, мимика, паралингвистика) несколько иная, чем в родном языке [Кривых, 2008: 139]. Данные различия обуславливают столкновение культур. Чтобы этого не произошло, иностранный язык следует изучать в контексте иноязычной культуры, ее социальных отношений, традиций и т.д.

В основе нетрадиционных методов лежат хорошо закрепленные знания, умение бегло, а главное, грамматически правильно общаться на иностранном языке, что порождает уверенность в своих знаниях.

Отметим, что Г.Китайгородская в своей методике использовала метод «погружения», который предполагает отказ учащегося от общения на родном языке.

Более того, учащемуся предлагается выбрать себе другое имя, ассоциируя себя с носителем языка. Считается, что подобный прием оказывает особое психологическое воздействие на человека.

Роль является одним из главных средств мотивированных, многократных повторений учащимися различных языковых клише, что необходимо для формирования речевого навыка. Психологическое значение роли в методике огромно. Роль дает не только возможность проявить себя как актера, но и является своеобразным психологическим щитом. Заданный вопрос может показаться личным и нежелательным. Но ответ, согласующийся с ролью, дает возможность для фантазии, а значит и для мышления на иностранном языке.

Ролевая игра обладает большими возможностями в практическом, образовательном и воспитательном отношении. Ее можно расценивать как самую точную модель общения, «так как она подражает действительности в самых существенных чертах и в ней переплетается речевое и неречевое поведение партнеров» [Котлярова, 2007: 103].

Значимость использования ролевой игры в процессе обучения можно выразить следующим образом:

- это обучение в действии, способствующее повышению качества обучения;
- это мотивирующий фактор, поскольку вызывает интерес учащихся;
- предлагает учащимся опору, основанную на конкретных речевых моделях;
- психологический фактор, проявляющийся в эмоциональном подъеме.

В качестве основных параметров, которые определяют характер ролевой ситуации, следует назвать наличие единого сюжета и ролевые отношения между участниками общения [Маслыко и др., 1996].

С помощью ролевой игры студенты вовлекаются в решение образовательных задач, которые предполагают закрепление лексического материала, обогащение словарного запаса, развитие навыков аудирования, чтения, говорения, умение ориентироваться в разных ситуациях [Ларионова, 2006: 260].

Что касается подачи грамматического материала, то Г. Китайгородская [Китайгородская, 1982] не отрицала его важность, однако утверждала необходимость поиска других способов предъявления, придавая грамматике коммуникативный характер. Нельзя забывать, что грамматика является важнейшим компонентом языка как системы. Во-вторых, как отмечает Н.Х. Хаджаева, «любые коммуникативные навыки без регулярного обращения к грамматике возможны лишь до определенного предела» [Хаджаева, 2008: 156]. Более того, знание грамматики удовлетворяет естественную потребность людей, желающих овладеть иностранным языком.

Своеобразие данного метода обусловлено тем, что именно преподавателю отводится ведущая роль в реализации коммуникативного подхода. Наставник, преподаватель в школе Г.Китайгородской – это своего рода тренер, цель которого активизировать резервные возможности человека (память, восприятие, мышление, воображение) и задействовать каждого ученика в процессе проведения занятия.

Важно также учитывать репрезентативные системы учащихся, принадлежащих к группам аудиалов, визуалов или кинестетиков. Учет данного факта, как подчеркивает Е.С. Сумарова, позволяет оптимизировать процесс обучения и поддерживать необходимую дисциплину [Сумарова, 2007: 113-114].

Представляется, что данная методика решает одну из самых важных проблем при изучении иностранного языка. Как правило, школьная программа предполагает обучение чтению 1-2 года в младших классах, а потом осуществляется постепенное внедрение грамматического материала. У Г. Китайгородской студенты начинают говорить с первого занятия, так как учебники на занятиях получают примерно через месяц. Таким образом, новый материал сначала воспринимается на слух, без зрительной опоры, при этом активизируются резервы эмоциональной памяти, поскольку в эмоционально насыщенной обстановке человек лучше начинает использовать свою память, то есть мы ведем речь о так называемом «позитивном стрессе», который заставляет работать мозг человека быстрее.

Однако следует выделить и недостатки данной методики. Искусственные речевые упражнения не формируют необходимых умений, поскольку для полноценного общения необходимо знание того, как пользоваться языком в определенном контексте, т.е. (выучить) овладеть языком сегодня означает овладеть речевым поведением в ряде естественных ситуаций, а также познакомиться с культурой, традицией и этикетом страны изучаемого языка [Лозанов, 1977].

В числе других методов обучения иностранному языку следует назвать методику А. Драгункина, основанную на вычленении в языке ряда грамматических правил и построении определенных грамматически верных формул, способствующих коммуникации на иностранном языке. При этом формулы предстают в готовом виде, что лишает возможности обучающегося творчески мыслить самому на иностранном языке.

А. Драгункин выделяет три базовых правила:

- действующее лицо обозначается только субъектным местоимением
- в каждом английском предложении обязательно наличие глагола (в любой форме)
- единожды измененное английское слово дальнейшим изменениям не подвергается [Драгункин, 2001].

Характерным признаком является наличие у А. Драгункина собственной терминологии, построенной на принципах четкости, понятности и прозрачности, а также транскрипции, упрощающей запоминание новых слов на английском языке.

Таким образом, данная методика может быть охарактеризована рядом признаков:

- 1) несистематизированность материала;
- 2) невзаимосвязанность тематического материала между собой, отсутствие цельного звена;
- 3) язык не активизируется, и обучение остается пассивным, то есть, нет динамичности обучения.

Очень часто интенсивные методы обучения иностранному языку сконцентрированы только на одном или нескольких аспектах. А формирование самых важных умений и навыков при обучении иностранному языку остаются вне изучения. Примером может служить экспресс-метод И. Давыдовой, в котором не затронуты многие культурно-обусловленные аспекты:

- 1) формирование и развитие коммуникативной культуры (языково- речевая и социально- культурное обучение нормам межкультурного общения, развитие культуры письма и устной речи);
- 2) развитие интеллектуальных и творческих способностей учащихся в процессе изучения языка;
- 3) речевая деятельность строится на основе игрового, имитационного и свободного общения. Развитие речевой деятельности эффективно в процессе иноязычного речемышления, которое осуществляется непосредственно в момент развития речевой ситуации.

В данной связи уместным представляется привести цитату Н.В. Барышникова «Реальность такова, что легких путей изучения ИЯ нет. Кто их ищет, тот напрасно тратит время, а кто находит, тот просто вводит в заблуждение своих легковерных последователей» [Барышников, 1995].

В заключении хотелось бы подчеркнуть, что успех каждого отдельного учащегося по-прежнему зависит не столько от выбранной им методики изучения английского языка, сколько от его собственных способностей, усидчивости и мотивации. Природный потенциал личности является ее «каркасом, который в течение жизни обрастает новыми оболочками в виде Я-концепции, отношениями с микро и макросоциумами» [Никонова, 2008: 152].

При этом обучение является своеобразным двигателем, который направляет личность к самореализации, удовлетворению потребностей общества и реализации своего внутреннего потенциала.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Барышников Н.В. Обучение французскому языку в средней школе: вопросы и ответы. – Пятигорск: ПГПИИЯ, 1995.
2. Гаврилова О.Л., Колокольцева М.И. Проблемная ситуация как основа обучения говорению на научно-технические темы // Вопросы современной филологии и методики обучения языкам в Вузе и школе. – Пенза, 2007. – С. 130-131.
3. Драгункин 51 золотая формула. – СПб.: «Респекс», 2001.
4. Зимняя И.А. Психология обучения иностранным языкам в школе. – М.: Просвещение, 1991. – С.180 с.

5. Китайгородская Г.А. Методика интенсивного обучения иностранным языкам. М, 1982.
6. Комарова Ю.А. Методическое моделирование процесса формирования иноязычной научно-исследовательской компетентности специалистов // Язык и межкультурная коммуникация (материалы 2 международной научной конференции). – Астрахань, 2008. – С.135-138.
7. Котлярова Т.В., Мяличкина Е.В. Использование аутентичного видеофильма при обучении иностранному языку в неязыковом вузе // Вопросы современной филологии и методики обучения языкам в Вузе и школе (сборник статей 9 всероссийской научно-практической конференции). – Пенза, 2007.- С. 102-103.
8. Кривых Л.Д. Иноязычная компетенция как фактор содействия становлению позитивных социальных отношений // Язык и межкультурная коммуникация (материалы 2 международной научной конференции). – Астрахань, 2008. – С. 139-140.
9. Ларионова Т.А. Методические подходы к организации инновационной деятельности при обучении иностранному языку // Актуальные проблемы коммуникации и культуры – 4. – Москва – Пятигорск, 2006. – С. 257-268.
10. Лозанов. Г. Методы интенсивного обучения иностранным языкам. МГПИИЯ им. М. Тореца, вып.3, 1977.
11. Метод Г. Китайгородской (электронный ресурс) // http://www.kleo.ru/items/career/inostr_metody.shtml.
12. Никонова И.А. Обучение как фактор развития самодостаточности личности // Язык и межкультурная коммуникация (материалы 2 международной научной конференции). – Астрахань, 2008. – С. 152-153
13. Сайт Центра лингвометодических информационных ресурсов Института дистанционного образования Новосибирского государственного технического университета <http://itlt@edu.nstu.ru>
14. Султанова А.Ш. Психолого-педагогические аспекты оптимизации обучения иностранному языку в Вузе // Вопросы современной филологии и методики обучения языкам в Вузе и школе (сборник статей 9 всероссийской научно-практической конференции). – Пенза, 2007.- С.112-113.
15. Сумарова Е.С. К вопросу об учете репрезентативных систем учащихся при обучении иностранному языку в неязыковом вузе // Вопросы современной филологии и методики обучения языкам в Вузе и школе (сборник статей 9 всероссийской научно-практической конференции). – Пенза, 2007.- С.113-114.
16. Хаджаева Н.Х. Коммуникативная грамматика в преподавании английского языка студентам 1 курса неязыкового факультета // Язык и межкультурная коммуникация (материалы 2 международной научной конференции). – Астрахань, 2008. – С. 155-157.

К ВОПРОСУ О ЖАРГОНИЗАЦИИ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ.

Е.В. Метельская

Разговорная речь как элемент системы языка находится в постоянной динамике. Изменение отдельных ее элементов влечет за собой изменение в системе языка в целом. Это требует постоянного контроля и изучения изменений, произошедших за определенное время. “Разговорная речь” строится на исследовании отдельных ее элементов и их характеристики. Главным фактором включения той или иной разговорной единицы является ее активное использование в речи и понимание носителями языка. В настоящее время наблюдается активное использование в разговорной речи слов, словосочетаний и устойчивых выражений из сферы просторечия и жаргона. Активное вторжение такой лексики и фразеологии в современную прессу вызывает определенные трудности.

Жаргонизация России, по объективным наблюдениям многих писателей, журналистов, социологов и лингвистов, стала одной из мощнейших доминант современного языкового развития. Многие наблюдатели склонны переоценивать “чисто русскую” специфику этого явления, полагая, что оно уникально и неповторимо. Даже беглый взгляд на языковую Европу, однако, показывает обратное. Практически во всех европейских странах экспансия жаргона стала реальным фактом, вызывающим тревогу у блюстителей чистоты речи и попытки по-разному оценить и объективно описать эти явления.

В каждой стране такая экспансия жаргона имеет свою специфику. В Украине, например, современный жаргон испытывает сильное давление со стороны русского – особенно в сфере молодежной речи [Пиркало 1998]. В Англии жаргон характеризуется большой региональной маркированностью, что осложняет, например, поиск и дифференциацию английских эквивалентов – жаргонизмов в двуязычных словарях (Walter, Mokienko 2001). В России жаргон тяготеет не только к интернациональности, но отличается еще и интерсоциальной “проходимостью”: воровское аргю тесно взаимодействует с молодежным сленгом, профессиональными сленгами и т.д. [БСРЖ 2000; Грачев 1996].

Термины *жаргон* – *сленг* – *арго* употребляются в одном ряду, строгая их дифференциация отсутствует. В этом также определенное следование русской терминологической традиции. Эти термины изначально разнородны и разнонаправлены по языковым источникам и лингвистической унификации [Феньвешеш 1996; Вальтер 2002].

Слово “*арго*” произошло от “фр”. “argot” – речь определенных, замкнутых групп, которая создается с целью языкового обособления. Это в основном специальная и своеобразно освоенная общепотребительная лексика.

“*Жаргон*” – от “фр”. “jargon” – речь социальной или профессиональной группы, которая отличается от общеразговорного языка особым составом слов и выражений. Это условный язык, понятный только в определенной среде, в нем много искусственных, иногда условных слов и выражений.

“*Сленг*” противостоит официальному, общепринятому языку и, по мнению лексикографов, до конца понятен лишь представителям узкого круга

лиц, принадлежащих к той или иной социальной или профессиональной группе, которая ввела в обиход данное слово или выражение.

Оправданность терминов и самого понятия *общий жаргон* и *жаргонизированная разговорная речь* для русского языкового пространства подтверждается статусом так называемого просторечия, о котором лингвисты спорили и спорят. Просторечие постоянно взаимодействует с жаргоном, но при этом, как справедливо подчеркивает В.В. Быков, “жаргоны не являются первичной системой в сосюрсовском понимании этого термина, поскольку обладают своеобразием лишь в сфере лексики, фразеологии и словообразования” [Быков 1997 – Internet,6] и тем самым производны от просторечия и системы живой речи. Трудности разграничения жаргона и разговорно-просторечной стихии накладывают свой отпечаток на определение важного концепта, так называемой речи (языка) молодежи, или молодежного жаргона. Это понятие является таким же расплывчатым и относительным, как и понятие возраста. “Фактор возраста следует понимать в широком смысле, - подчеркивает В.В. Химик, - как психическое, психофизическое и социальное состояние говорящего и целого социума, как в субкультуре (нормы поведения, выбор одежды, художественные вкусы), так и в соответствующем речевом поведении” [Химик 2000,110]. Вместе с тем, без объективной оценки жаргона именно как явления, особо интенсивного именно в молодежной среде, невозможно понять ни его специфики, ни динамических механизмов, которые придают ему мощную экспрессивную энергию. Именно молодежный жаргон активно прорывается сейчас в средства массовой информации и современную литературу. “Главный лингвистический феномен молодежного сленга – служить катализатором обновления, перехода отдельных речевых единиц из частных подъязыков в литературное просторечие, а из просторечия – в разговорный литературный язык” [Химик, 2000,111].”Молодежный сленг – это своеобразное жаргонизированное просторечие молодого поколения” [Грачев 1996,80].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Быков В. Система и норма в русском субстандарте//SlavicaElectronica Erfordiensis,Auione, 1997.n.1// [http:// www.slavica. Ph – erfurt. De/01_97/bykov/infalt. Html.1-9.2000](http://www.slavica.ph-erfurt.de/01_97/bykov/infalt.html)
2. Вальтер Х. Литература – словари по русскому субстандарту: Библиографический указатель с комментариями. – Грайфсвальд,2002.
3. Грачев М.А.Арготизмы в молодежном жаргоне// Русский язык в школе. – 1996 - № 1. – с.78- 85.
4. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона: - СПб.: Норинт, 2000.
5. Пиркало С.: Перший словник українського молодіжного сленгу/Укладач С.Пиркало; За ред.Ю.Мосенкіса. – Київ:АТ Віпол; 1998.
6. Феньвеші І. Современные словари русского сленга// Studia Slavica Savariensia. – 1996 -№ 1 – 2. – с.189-205.
7. Химик В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен.- СПб.: Изд.СПб. ун- та,2000.

8. Для подготовки данной статьи были использованы материалы с сайта <http://www/slang/od/ua/>

ОЦЕНОЧНАЯ СТРАТЕГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА РОССИИ ВО ФРАНКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ КАНАДЫ²

Н.С. Морева

Дальневосточный государственный университет, г. Владивосток

Оценочная стратегия является одним из способов реализации воздействующей функции масс-медиа дискурса. Наряду с другими дискурсивными стратегиями она способствует формированию в сознании читателей различных образов. В данной работе рассматриваются такие возможности оценочной стратегии на примере статей, посвященных России. Под оценочной стратегией понимается сочетание оценочности отдельных языковых единиц и оценочности на уровне текста, используемое для реализации коммуникативно-прагматических целей дискурса.

Материалом исследования послужили статьи, отобранные из основных франкоязычных изданий общенационального и федерального уровня: “La Presse”, “Le Devoir”, “Le Droit”, “Le Soleil”, “Le Quotidien”.

Важным и наиболее заметным средством реализации оценочной стратегии на лексическом уровне является использование оценочной лексики, которая, кстати, наиболее эксплицитно выражает аксиологические признаки образа России.

Отметим в первую очередь употребление прилагательных, как части речи наиболее приспособленной в языке для этих целей. Аксиологические признаки могут быть представлены как общеоценочными, так и частнооценочными (в понимании Е.М. Вольф [2]) прилагательными.

Общеоценочные прилагательные встречаются, как правило, в «чужом» тексте, т.е. при цитировании.

Так, положительная оценка отдельных явлений повседневной жизни России звучит в устах хоккеистов там побывавших и представлена эмоционально-оценочными прилагательными *superbe, somptueux, onirique*. «*C'est mieux que tous les Ritz Carlton que j'ai vus, a dit Murray. C'est somptueux, mais ce n'est pas la vraie Russie*» (Presse Canadienne, 03.05.07).

Однако обращает на себя внимание тот факт, что очень часто положительная оценка нейтрализуется грамматической конструкцией с ограничительным коннектором *mais*. Оценочные конструкции, это могут быть адъективные оценочные конструкции или более распространенные структуры, строятся по схеме: «+ *mais, pourtant* –». Так, признавая высокий класс

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Языковая репрезентация образа России в публицистическом дискурсе стран Запада и Востока»), проект № 06-04-00433а.

российской гостиницы, автор тут же оговаривается, что это не настоящая Россия: *C'est somptueux, mais ce n'est pas la vraie Russie* (Presse Canadienne, 03.05.07).

В следующем примере перечисляются все признаки, характеризующие Россию с положительной стороны как цивилизованную западную страну, но тут же оговаривается, что все это не более чем видимость, по поводу которой не стоит строить иллюзий: *À la surface des choses, elle présente tous les indicateurs d'un grand pays occidental : une économie libéralisée, des institutions politiques et judiciaires solides, un outil militaire important, des médias nombreux, une société civile en émergence. Pourtant, cela ressemble de plus en plus à un vernis et ne doit pas faire illusion* (La Presse, 09.07.07).

Этот и другие подобные факторы свидетельствуют о том, что, оценочная стратегия реализуется за счет взаимодействия единиц различного уровня. Оценочный смысл высказывания реализуется при взаимодействии целого комплекса средств и для его выявления необходим комплексный анализ средств всех уровней языка.

Гораздо чаще при описании России встречаются частнооценочные прилагательные, которые также могут выражать оценку со знаком плюс (*un politicien intelligent, séjour constructif*) и со знаком минус (*la Russie était pauvre, privatisations sauvages des biens, l'entraîneur aux tendances despotiques*)

Оценка, выраженная этой категорией прилагательных, может быть как рациональной, так и эмоциональной. Так, в статье о российской арктической экспедиции смешным предстает факт размещения российского флага, но сама экспедиция оценивается как серьезное мероприятие: *Certes, l'affaire du drapeau russe en « titane inoxydable » a quelque chose de ridicule. Elle ressemble à un puéril concours de muscles. Mais au-delà du symbole, cette expédition est très sérieuse* (Le Soleil, 06.08.07).

Кроме прилагательных широко используются существительные с положительной и отрицательной оценочной семантикой, при этом вторые явно преобладают: *prodige, déclin, stagnation, impunité, barbarie*.

В создании аксиологического аспекта с отрицательным значением задействованы лексемы, значение которых вызывает отрицательные эмоциональные состояния и чувства: страх, боль и т.д.: *meurtre, torture, assassin*.

Другой составляющей оценочной стратегии является оценочная реализация нейтральной лексики. Заключается она в том, что положительное или отрицательное значение лексем проявляется только в контексте.

Очень часто в рассматриваемом материале встречается прилагательное *soviétique*, где оно используется с ярко выраженным оценочным характером. Отрицательное значение прилагательного *soviétique* вытекает из окружающего контекста: *certaines pages soviétiques frisent la vulgarité*. Это значение может подчеркиваться специально различными средствами, такими, как: экспликация: *«Le hockey est toujours le hockey soviétique, dit King. Les relations entre les joueurs et leur entraîneur continuent de passer par la confrontation ...»* (La Presse, 10.10.07); синонимы: *... mais le service y demeure le plus souvent*

soviétique, brusque et indifférent aux besoins du client. Таким образом, это прилагательное становится носителем таких признаков, как: грубый; суровый, мрачный; конфликтный; вульгарный.

Прилагательные цвета, не будучи оценочными по своей семантике, могут становиться таковыми в контексте. Участвуя в характеристике одного из российских городов, они создают, например, мрачный цветовой портрет: *Il y a trois couleurs à Magnitogorsk: gris, brun et noir. C'est la faute de l'usine. Une aciérie énorme - près de 10 kilomètres de long - dont les cheminées crachent en permanence une épaisse fumée* (La Presse, 10.10.07).

Как и в случае с прилагательными, нейтральные существительные тоже могут приобретать оценочный характер в контексте. Так, в сочетании *L'immunité des assassins*, где речь идет о неприкосновенности убийц, существительное «неприкосновенность» приобретает явно отрицательное значение.

Другим средством реализации оценочной стратегии на лексическом уровне является иносказание или вторичная номинация. К таковым относится, в первую очередь, перифраза и метафора.

С помощью перифразы реализуется такой признак России, как обширная география (*pays des steppes*), как страна с сильными хоккейными традициями (*pays de Vladislav Tretiak*), авторитарный характер правления (*pays de Vladimir Poutine*). Сильной перифразой является и наименование самого президента *le maître du Kremlin*, которое также подчеркивает признак авторитарности. Русский язык представлен перифразой *la langue de Tchekhov*.

Метафорические наименования получают некоторые события, явления и реалии. Например, такой признак новой России, как богатство части населения, передается образно как безумный порыв ветра в погоне за роскошными машинами: *Vent de folie pour les voitures de luxe* (Le Soleil, 09.07.06). Самолеты, на которых канадским хоккеистам довелось перелетать из города в город во время их пребывания в России, получили образное название летающих гробов: *Des vols nolisés à bord de vieux coucous de l'ère soviétique - Air Ptérodactyle, pour employer le surnom que donnaient les joueurs de Magnitogorsk à ces cercueils volants* (La Presse, 10.10.07). Предикативная метафора, образно передающая вербальные действия России в лице ее президента, представлена в примере: *Poutine fulmine contre l'Occident* (La Presse, 27.04.07).

Метафоризации чаще подвергаются наименования тех событий, которые напрямую связаны с Канадой и волнуют ее. Так относительно богатыми на метафоры оказались статьи, касающиеся Арктики. Действия России на Северном полюсе расцениваются как показательные и сравниваются с театральным представлением: *geste théâtral, spectacle*. Несерьезный характер этого представления (поскольку Канада считает, что эта территория принадлежит ей) подчеркивается образным уточнением – сравнением с Петрушкой: *spectacle grand guignol*.

Следующей особенностью оценочной стратегии при создании образа России в рассматриваемом корпусе статей является широкое использование такого приема, как полифония текста. Явление полифонии, разработанное М.М.

Бахтиным [1; 112], известное также в современных исследованиях под названием «интертекстуальность», заключается в одновременном высказывании нескольких субъектов речи, звучании нескольких голосов в тексте. С одной стороны, это ссылки на авторитетные источники, в качестве которых могут выступать информационные агентства, уважаемые и авторитетные люди. Такая полифония является очень распространенным приемом, к которому прибегают все журналисты. В исследуемом нами материале специфика этого приема заключается в том, что Россия представлена глазами очевидцев, людей, побывавших там. Оценку дают не журналисты, оценку дают, как правило, канадские хоккеисты: игроки и тренеры.

Существует несколько способов введения «чужих голосов», одним из самых распространенных является прямая речь, косвенная речь, при этом цитирование может быть полным или частичным.

Для большей аутентичности цитируемого высказывания в них сохраняются особенности разговорного стиля, такие, например, как простые предложения, использование местоимения *ça*, особенно при указании на людей, местоимения *tu* для установления контакта с собеседником, восклицания: *"L'ambiance était incroyable au niveau hockey. Les partisans avaient leur équipe à coeur. Ça criait fort quand les Russes marquaient un but."* (Le Droit, 05.09.07).

Д. Мэнгено, разрабатывающая теорию полифонии М.М. Бахтина на примере публицистического дискурса, утверждает, что прямая речь со всеми ее формальными признаками далеко не всегда является гарантом объективности и достоверности [3; 119]. Каким бы точным на первый взгляд воспроизведением другого голоса она ни была, прямая речь всегда остается лишь фрагментом основного текста, автор которого располагает множеством средств для подачи этого фрагмента в выгодном для себя свете. Возможно, поэтому объектом оценок, высказанных в прямой речи очевидцев, очень часто становятся те аспекты, которые мы встречаем в общей массе журналистских текстов. Таковым является, например, аспект противоречивости и контрастов. Россия видится страной, где богатство соседствует с бедностью, где жилищные условия столицы несравнимы с условиями проживания в других городах. *"Il y avait des maisons qui faisaient tellement pitié. Il faisait tellement chaud, notre hôtel n'avait pas d'air climatisé. C'était différent de Moscou, où nous logions dans le meilleur hôtel. ..."* (Le Droit, 05.09.07). *"Nous sommes tous contents d'être de retour au Canada après 11 jours en Russie. La grandeur du pays m'a frappé. La richesse côtoie constamment la pauvreté. Le pays est désorganisé et les coutumes sont très différentes des nôtres."*, a raconté Benoît Groulx lundi soir... (La Presse, 19.05.07). Последний пример так просто является перечислением стереотипных признаков России: простор (*la grandeur du pays*), беспорядок (*désorganisé*), бедность и богатство (*la pauvreté, la richesse*).

Представляется, что «голос» очевидцев является эксплицитным средством выражения оппозиции «свой» - «чужой». Лексема *différent* очень часто встречается в прямой речи очевидцев и однозначно указывает на отличия обычаев (*les coutumes sont très différentes des nôtres*), поведения (*la psychologie de ses joueurs, profondément différente de celle des joueurs nord-américains*).

Чужое воспринимается (как правило, хотя и не всегда) как плохое и не принимается канадцами. Так, например, русская кухня не вызывает восторга у канадских хоккеистов и они отдают явное предпочтение своей пище: *Quant à la nourriture, Giroux a avancé que s'il avait le choix entre les mets russes ou les mets canadiens, il choisirait les plats canadiens sans hésiter !* (Le Droit, 05.09.07).

Справедливости ради следует отметить, что впечатления хоккеистов от России могут быть и весьма благоприятные. Положительной оценки со стороны канадских тренеров заслуживает характер и профессионализм наших игроков: *«Ils sont fiers. Ce sont des professionnels»*.

«Голоса» хоккеистов дополняют «голоса» представителей культуры, которые высказывают, как правило, положительное впечатление от своего пребывания в России: *Comble de bonheur, le lendemain du spectacle, le Québécois a...*(Le Soleil, 25.02.07).

Однако далеко не всегда введение в текст «чужого» голоса свидетельствует о том, что этот голос на самом деле это сказал. По словам М.М. Бахтина, он может передавать «зlostное и нарочито пародийное искажение чужого слова и клеветы на него» [1; 112]. К такому приему прибегают и канадские журналисты. Ярким примером тому является статья, где автор имитирует «голос» Путина и передает якобы его диалог с самим собой, рассуждая о том, как сохранить власть: *Il a trouvé le moyen de se succéder à lui-même sans violer la Constitution russe, qui interdit trois mandats consécutifs au chef de l'État. Je ne peux plus être président? Je serai premier ministre! On a un régime présidentiel? Eh bien, on aura un régime parlementaire!* (Le Devoir, 09.10.07).

Таким образом, возможность манипулирования таким средством, предназначением которого является донесение объективной и аутентичной информации, свидетельствует о том, что этот прием используется журналистами для целенаправленного формирования образа России.

В целом, изложенные факты позволяют сделать вывод, что канадские журналисты, формируя образ России у своих читателей, прибегают к оценочной стратегии. Оценка начинается с номинации объекта, и здесь мы можем говорить о специфике канадских СМИ, для которых Россия интересна не только как «страна Путина», но и как «страна Третьяка». Далее, оценивая объект сами или прибегая к полифонии, они используют оценочные возможности языковых средств различных уровней.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - М.: Искусство, 1979. - 424 стр.
2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985. – 228 стр.
3. Maingueneau D. Analyser les textes de communication. - Paris: Nathan, 2000. – 210 p.

(на материале русского и английского языков)

И.С. Морозова

ГОУ ВПО «Пермский государственный университет»

Как видно из названия статьи, мы хотим обратить ваше внимание на речевое употребление слов *Да* и *Нет*, без которых довольно трудно обойтись в обычном разговоре. Ю.А. Левицкий пишет: «Однословные высказывания – самые глубинные языковые единицы, которыми человек пользуется в спонтанной диалогической речи, когда он менее всего задумывается над тем, как точнее, адекватнее выразить свою мысль» [6; 363]. Большинство исследователей (А.А. Потеня, И.И. Мещанинов, Ю.А. Левицкий, В.А. Богородицкий и др.) склоняются к мысли о том, что «слово-предложение» было формой выражения первобытного языка и через эту стадию «слова-предложения», или инкорпорации, прошли практически все языки.

На наш взгляд, сам термин *слово-предложение* выглядит недостаточно удачным. Когда речь идет о ранних этапах развития языка, понятия «слово» и «предложение» представляются если не сомнительными, то, во всяком случае, относительными. Это обусловлено тем, что в условиях инкорпорации имеет место формальное совпадение слова, предложения и высказывания, между которыми существует одно-однозначное соответствие. Кроме того, «предложение как единица языка не могло возникнуть до слова, точно так же, как слово не могло возникнуть до предложения» [2; 38]. Именно поэтому вслед за Ю.А. Левицким мы используем термин *однословное высказывание*.

К числу однословных высказываний в первую очередь относят экзистенциальные описательные и восклицательные предложения (*Скука. Темнеет. Пожар!*), вокативные, императивные и междометные высказывания (*Коля! Молчать! Ой!*), диалогические реплики, выражающие реакцию на полученное сообщение (*Подумаешь! Еще бы!*), фразы социального этикета (приветствия, прощания, извинения и т.п.). Наряду с выше указанными к однословным высказываниям следует отнести слова *Да* и *Нет*, чей грамматический статус остается до конца невыясненным.

Самостоятельность употребления слов *Да* и *Нет* отмечается многими авторами. Именно в связи с этим свойством *Да* и *Нет* получают различные наименования, отмечающие эту их особенность: *эквиваленты целых предложений* [9; 391], *слова-предложения* [10; 524], *словечки-высказывания* [8; 54], «*нечленимые предложения*» [4; 358]. В этом проявляется, с одной стороны, двойственная природа предложения, а с другой – несоответствие между формой и содержанием. Отличительной особенностью однословного высказывания является то, что формально оно соответствует слову, а семантически – целому предложению. Однословное высказывание – это предикативная единица (предикация здесь выражается соответствующей интонацией): оно выражает приписывание некой характеристики (Нового) какому-то предмету (Данному). Само это однословное высказывание представляет собой Новое, тогда как Данное подразумевается. Иными словами,

однословное высказывание есть так называемый психологический предикат, в то время как субъектом является определенное представление, которое не получает выражения.

Несмотря на то, что у слов *Да* и *Нет* есть некоторые свойства, сближающие их с предложениями, они все же не могут квалифицироваться как какого бы то ни было рода предложения, т.к. не обладают грамматической предикативностью, которая составляет грамматическую специфику предложения и выражается во взаимозависимости его двух главных членов. Характерной особенностью *Да* и *Нет* является как раз то, что они синтаксически нерасчленимы, они не имеют и не способны иметь в своем составе никаких членов предложения – главных или второстепенных, – т. к. «формы синтаксической связи здесь не имеют для себя даже морфологической опоры. По отношению к таким предложениям вообще неприменимо понятие «члены предложения» [3; 413]. «Это только *фразы*, т. е. интонационные единицы, но не грамматические» [7; 411].

Итак, в языке существуют такие слова, которые «самим значением всего слова (в случае бесформенности) выражают отдельный акт мысли» [там же; 170]. В отличие от всех других «деформированных предложений», которые в любой момент могут быть формально восполнены до двусоставных, такие специализированные слова не могут быть аналитически сведены к своим развернутым предложениям-праобразам. В функционально-коммуникативной классификации частей речи, предложенной Ю.А. Левицким, такие слова целесообразно рассматривать в качестве заместителей, или субститутов, предложений. Субституты предложений обнаруживают большое функциональное сходство с местоименными словами, с той лишь разницей, что субституты предложений замещают целые предложения, а местоименные слова – определенные классы слов. Таким образом, субституты предложений представляют собой своеобразные «местоимения» для предложений.

Слова *Да* и *Нет* являются наиболее общими и распространенными субститутами предложений. Они выступают в качестве заместителей утвердительных или отрицательных предложений и относятся к числу реплик-реакций, выражающих логико-семантический элемент истинности или ложности. Т.о., весь класс утвердительных предложений будет денотатом слова *Да*, а отрицательных – слова *Нет*. Сигнификатом слов *Да* и *Нет* будет выражение в наиболее абстрактном виде утверждения и отрицания соответственно.

Как правило, слова *Да* и *Нет* в составе коммуникативного интерактивного акта представляют собой ответные речевые шаги партнера по общению. Причем, в качестве иницирующих реплик могут выступать как вопросительные, так и невопросительные высказывания инициатора. Наиболее частым способом употребления заместителей предложений является все же ответ на общий вопрос, выражающий общее утверждение или отрицание (*Она замужем? – Да. Она здесь? – Нет*). Здесь интересно отметить различие между употреблением субститутов *Да* и *Нет* (*Yes* и *No*) в английском и русском языках. В первом имеет место четкое разграничение функций слов *Yes* и *No* при

ответе на общий отрицательный вопрос: *Yes* употребляется только для положительного ответа, а *No* – только для отрицательного. Например: *Haven't you repaired the car yet? – Yes, I have (= I have repaired the car)* или *No, I haven't (= I haven't repaired the car yet)*. Ответы *No, I have* или *Yes, I haven't* являются грамматически неправильными. В русском же языке и при положительном, и при отрицательном ответах на общий отрицательный вопрос допускается равнозначное употребление *Да* и *Нет*. При ответе на вопрос *Вы еще не отремонтировали машину?* и *Да*, и *Нет* могут значить уже *отремонтировали* или *еще не отремонтировали*: *Вы еще не отремонтировали машину? – Да (= уже отремонтировали)* или *Да (=еще не отремонтировали)*. *Вы еще не отремонтировали машину? – Нет (=еще не отремонтировали)* или *Нет(= уже отремонтировали)*.

Субституты предложений *Да* и *Нет* не всегда выражают общее утверждение или отрицание при ответе на общий вопрос и, соответственно, не всегда являются, так сказать, «чистыми» заместителями. В ряде случаев *Да* и *Нет* могут выражать подтверждение предыдущей реплики. Оно может быть либо утвердительным – собственно подтверждение (*May be you need new glasses. – Yeah*), либо отрицательным – возражение (*We should fight back. – No*).

В данном случае исчезает четкое противопоставление между *Да* и *Нет*: оба субститута могут выражать и подтверждение, и возражение (*Они, кажется, надолго уезжают. – Да. Она, вроде бы, совсем не огорчилась. – Ну, да*). Здесь нужно еще заметить, что сфера употребления субститута *Да* в функции выражения подтверждения оказывается шире, чем у *Нет*. *Да* может подтверждать положительные и отрицательные предложения, а *Нет* – только отрицательные. Например, сказать *Да* можно как после реплики-стимула *Ты ее любишь*, так и после *Ты ее не любишь*: *Ты ее любишь. – Да (= люблю)* или *Ты ее не любишь. – Да (= не люблю)*, а *Нет* – только после *Ты ее не любишь*: *Ты ее не любишь. – Нет (= не люблю)*. Сказать *Нет* в подтверждение положительной реплики-стимула было бы грамматически неверным. Т.о., субститут *Да* можно рассматривать как немаркированный член пары, а *Нет* – как маркированный.

Кроме этого, субституты предложений *Да* и *Нет* могут употребляться также для выражения согласия/несогласия, отказа. Эта функция *Да* и *Нет* реализуется в речевых актах предложения чего-либо (помощи, угощения и т.п.) или побуждения к какому-либо действию (просьба, приказ и т.п.). Например: *Приходите к нам завтра. – Да (согласие). Доедай свой завтрак. – Нет (отказ)*.

Как мы сейчас увидим, *Да* и *Нет* могут выражать определенный тип эмоционально-психической реакции и таким образом сближаться с междометиями. Это можно проиллюстрировать строками из известной песни: *Солнечному миру – Да! Да! Да! Ядерному взрыву – Нет! Нет! Нет!* Здесь вполне ощущается общее основное значение слов *Да* и *Нет*: утверждение и отрицание. Их можно считать заместителями предложений типа: *Да! = Мы выражаем свое одобрение. Нет! = Мы выражаем свое неодобрение, осуждение.* Т.о., указанные значения можно представить как одобрение/осуждение.

Одним из частных случаев эмоционально-психической реакции собеседника на содержание предыдущего высказывания является переспрос. В функции переспроса субституты предложений произносятся с вопросительной интонацией, что на письме обозначается вопросительным знаком: *Ты знаешь, он ведь поступил в университет. – Да?* или *Он ведь так и не появился с тех пор. – Нет?* Чаще всего переспрос используется для выражения удивления, недоверия или сомнения.

Необходимо еще заметить, что *Да* может выполнять и так называемую контактоустанавливающую функцию, которая заключается в установлении и поддержании контакта с собеседником. В этой функции *Да* зачастую служит проявлением пассивного внимания к речи собеседника и просто сигнализирует о том, что его слушают и принимают к сведению содержание его речи (*Мы только вчера вернулись из Москвы. – Да, да*). Выполняя контактоустанавливающую функцию, субститут *Да* очень часто используется в качестве ответной реакции на обращение (*Oh, Jake. – Yes? Мама. – Да?*). Контактующая функция субститута *Да* реализуется и в случае его употребления в качестве принятой формулы вежливости: *В дверь постучали, и он крикнул: «Да, да!» (Да=войдите)*.

Остается еще упомянуть, что в ряде случаев *Да* может занимать инициальную позицию в рамках сверхфразового единства. Поскольку трудно представить себе разговор, начинающийся с утверждения/отрицания, подтверждения/возражения, согласия/отказа, переспроса и т. д., можно предположить, что в инициальной позиции *Да* выступает еще в одной функции – коннектора, связующего элемента при беседе, размышлении или воспоминании о чем-нибудь. Как правило, *Да* используется в качестве коннектора в тех случаях, когда говорящий неожиданно вспоминает о чем-либо или вводит новый предмет, новую тему разговора (*Да, чуть не забыл – вам письмо*).

Итак, современный человек «использует в своей речи не только «правильные» формально-синтаксические конструкции, но и всевозможные «реликтовые» структуры...», которые «расположены на разных уровнях залегания» [6; 359]. В отличие от большинства слов языка, *Да* и *Нет* употребляются самостоятельно в том смысле, что они представляют собой отдельные высказывания, а не входят в состав какого-либо предложения и не выполняют функции его членов. Однословные высказывания *Да* и *Нет* выступают в качестве заместителей утвердительных или отрицательных предложений, при этом их семантика строго категорична. *Да* и *Нет* могут употребляться различными способами: в качестве утвердительного/отрицательного ответа на общий вопрос, выражения подтверждения/возражения, согласия/отказа, эмоционально-психической реакции на предшествующую реплику, в контактоустанавливающей функции и функции коннектора.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Блумфилд Л. Язык. М., 1969.

2. Боронникова Н.В., Левицкий Ю.А. Лекции по истории лингвистики. Пермь, 2002.
3. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1986.
4. Есперсен О. Философия грамматики. М., 2002.
5. Левицкий Ю.А. О классах грамматических единиц. Пермь, 1987.
6. Левицкий Ю.А. Основы теории синтаксиса. Пермь, 2003.
7. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001.
8. Слюсарева Н.А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. М., 1986.
9. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М., 1959.
10. Современный русский язык: Лексика и фразеология. Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Словообразование. Морфология. Синтаксис. М., 1984.

РЕАЛИЗАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ФИЛЬМЕ «LES POUPEES RUSSES»

О.В. Пермякова, Т.Н. Бажина
Пермский государственный университет

В данной статье мы обратимся к понятию «гендер» и «гендерные стереотипы», а также их реализации в кино (на материале фильма «Les poupees russes» режиссера Cédric Klapisch).

Понятие гендера настолько же новое, насколько оно является старым для человеческого общества. Гендер в его самом современном понимании существовал всегда, с самых истоков истории в сознании людей, в мыслях и поступках мужчин и женщин, на телевидении и в газетах. Этот изначально лингвистический термин ассоциируется с половой дифференциацией и признаками, по которым и образуется дихотомия «мужское – женское».

Термин «гендер» включает в себя общее и социальные значения. Под общим значением многие ученые, такие как Г. Асанбаева, А.В. Кириллина, И.И. Халеева и другие, понимают различие между мужчиной и женщиной по анатомическому полу. Социальное значение – это социальное деление, часто основанное на анатомическом поле, но не обязательно совпадающее с ним.

В человеческом обществе всегда существовало разделение социума на две группы – мужчин и женщин, поскольку такая дифференциация по критерию биологического пола является наиболее очевидной. Таким образом, за каждым индивидом в социуме закрепилась гендерная роль мужчины или женщины. Позднее, на основе гендерных ролей сформировались некие обобщенные представления об особенностях поведения и коммуникации мужчин и женщин, об ожидаемых от них реакциях и действиях, о приемлемых только для мужчин или только для женщин видах деятельности – иными словами, в общественном сознании сформировались гендерные стереотипы [Воронина, 1997]. Эта

стереотипизация касается многих сфер жизнедеятельности субъекта: социальной дифференциации, культурного фона, образованности и уровня научного знаний, языковой стратификации и других.

В психологии под стереотипом понимается упрощенное, схематизированное, зачастую искаженное или даже ложное, характерное для сферы обыденного сознания представление о каком-либо социальном объекте (человеке, группе людей, социальной общности и т.п.). Впервые термин «социальный стереотип» ввел У. Липпман [Байбурин, 1985 : 3]. Он определял социальные стереотипы как картинки мира в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов и защищают его ценности, позиции и права. Иногда под стереотипами понимают устойчивые, регулярно повторяющиеся формы поведения.

Стереотипы имеют несколько функций: когнитивную, заключающуюся в упорядочении информации; аффективную, противопоставляющую «своего» и «чужого»; социальную, разграничивающую внутригрупповые и внегрупповые явления. Эти функции ведут к образованию структур, на которые люди ориентируются в обыденной жизни.

Существует огромное множество самых разных стереотипов, в том числе и интересующие нас гендерные стереотипы – культурно и социально обусловленные представления о качествах и нормах поведения мужчин и женщин.

Американские психологи, занимавшиеся изучением гендерных стереотипов, сделали два важных вывода. Первый из них заключается в том, что гендерные стереотипы сильнее расовых. Второй вывод относительно гендерных стереотипов состоит в том, что существуют сильные гендерные стереотипы, и члены группы, в отношении которых эти стереотипы действуют, принимают эти стереотипы [Deaux, Emsweller, 1974: 80 – 85].

Так, например, стереотипное представление о мужчине как лидере, о большей доминантности мужчин и конформности женщин в равной степени характерны и для мужчин, и для женщин.

Вот так можно представить стереотипное описание характерных мужских и женских черт, полученные в исследовании американских студентов, проведенном в конце 70-х годов [Введение в гендерные исследования, 2001: 335 – 337].

Характерные черты мужчины	Характерные черты женщины
Сильный, склонен к занятиям спортом	Слабая, не склонна к занятиям спортом
Меньше беспокоится о своей внешности и почти не боится старости	Беспокоится о своей внешности и боится старости
Выполняет роль кормильца семьи	Проявляет привязанность к семье

Имеет опыт сексуальной жизни	Добродетельна
Неэмоционален, стоек	Эмоциональна, нежна
Логичен, рационален, объективен, обладает развитым интеллектом	Легкомысленна, непоследовательна, обладает тонкой интуицией
Стремится к власти и лидерству	Уступчива, услужлива
Независим, свободен	Зависима, в большей мере нуждается в защите
Активен	Пассивна
Стремится к успеху, честолюбив	Робкая, застенчивая

В настоящее время отмечается тенденция к ослаблению подобных стереотипов. И психологические исследования показали, что не существует «чисто» мужской и женской личности; и все больше проникает и в научное, и в обыденное сознание идея о том, что стереотипы не являются чем-то природным, а *создаются обществом*. Женское движение и феминистская идеология в значительной мере поколебали многие гендерные стереотипы.

Пытаясь ответить на вопрос о возникновении и формировании стереотипов, Э. Игли выдвинула предположение о том, что установившиеся различия мужских и женских ролей являются причиной формирования гендерных стереотипов.

Как отмечает Н.М. Лебедева, существует значительная согласованность гендерных стереотипов во многих культурах. Мужчины воспринимаются как агрессивные, автократичные, дерзкие, доминирующие, изобретательные, сильные, независимые, грубые, умные; женщины – как эмоциональные, мечтательные, чувствительные, покорные и суеверные. Проведенное кросс-культурное исследование в 14 культурах показало довольно большие различия в гендерной идеологии общества. В странах с высоким экономическим развитием – это равенство, в более традиционных культурах (особенно в мусульманских странах – Индия, Пакистан, Нигерия) обосновывается желательность гендерных различий.

Философы, антропологи, психологи обосновывают различие полов, различие мужчины и женщины. Но можно ли сказать, что мы не встречаем логичных женщин и чувственных мужчин; активных, властных, доминантных, агрессивных женщин и пассивных, подчиняющихся мужчин? Социологическое значение понятий мужской – женский получает свое содержание благодаря наблюдению над действительно существующими мужскими и женскими индивидами. Эти наблюдения показывают, что ни в психологическом, ни в биологическом смысле не встречается чистой мужественности или

женственности. У каждой личности наблюдается «смесь» биолого-психологических признаков своего и противоположного пола [Крайг, 1984].

Стереотипы усваиваются очень рано и изменяются с большим трудом, а также используются детьми задолго до возникновения собственных мнений о тех группах, к которым они относятся.

Таким образом, гендерные стереотипы очень сильны и принимаются даже теми группами, относительно которых они созданы. Существующие стереотипные представления о женственности и мужественности достаточно близки в разных культурах [Введение в гендерные исследования, 2001: 335 – 341].

В практическом преломлении нами предпринята попытка проследить реализацию гендерных стереотипов на примере современного французского фильма «Les poupées russes» .

Тип главного героя вполне соответствует тем стереотипам, о которых говорилось выше. В его поведении нет ничего фемининного. Он независим, свободен, активен. Нельзя сказать, что главный герой очень эмоционален, он скорее сдержан в проявлении эмоции гнева, страха, депрессии, радости, что и свойственно мужскому типу речевого поведения. В соответствии со своей ролью мужчины чаще испытывают эмоции, повышающие их статус, уверенность в себе и доминантность. Использование большого количества экспрессивов, употребление в большей степени повелительного наклонения, предпочтение разговорной речи – все это характерно для типологии мужского речевого поведения, что служит целью воздействовать на собеседника, доказать свою точку зрения, убедить собеседника в своей правоте. Главный герой проявляет больше эгоцентричных чувств, например, желания и потребности. Он не поступится ничем ради собственных интересов и ради достижения намеченной цели. Можно сказать, что типаж главного героя придерживается тех гендерных стереотипов, которые нам предписывает общество в связи с нашим биологическим полом.

В настоящее время отмечается тенденция к ослаблению подобных стереотипов. И нельзя сказать с точной уверенностью, что это именно тот мужской стереотип, поведения которого, должен придерживаться каждый. Так как мы не можем провести четкой границы различия между мужским и женским типом и поведением, так как это только стереотипы, которые не являются чем-то природным, а создаются обществом, и которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола.

Любой человек, независимо от биологического пола, может обладать как чертами маскулинности, так и фемининности, соединять в себе как традиционно мужские, так и традиционно женские качества. Это позволяет людям менее жестко придерживаться полоролевых норм и стереотипов и свободно переходить от традиционно женским занятиям к традиционно мужским. Нет единой роли мужчины или женщины. Каждый человек выполняет целый ряд разнообразных ролей (например, жены, матери, студентки, дочери, подруги и т. д.) [Введении в гендерные исследования, 2001:328-329].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Асанбаева Г., Источники: The meanings of Gender by Jacquelyn B. James. Radcliffe Quarterly-Winter, 1998, №2. Гендер на повестке дня // Руководство по гендерному обучению. RBES, Бюро Гендер в развитии, Кыргызстан, 1999;
2. Байбурин А.К. Некоторые вопросы этнографического изучения поведения// Этнические стереотипы поведения. Ленинград, 1985. С. 3;
3. Введение в гендерные исследования, под ред. И. Жеребкиной. Харьков, ХЦГИ, С-П., Ч 1, 2001, изд. Алетейя, с. 320-339;
4. Воронина О. Проблемы эротики и порнографии в СМИ // Женщина и визуальные знаки. Москва, 2000, с.87-106;
5. Кириллина А.В. Развитие гендерных исследований в лингвистике // филологические науки, №2, 1998, С. 51-57;
6. Крайг Г. Психология развития. Москва, 1984;
7. Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М.: «Ключ», 1999. С. 141-142;
8. Халеева И.И. Гендер как интрига познания // Гендер как интрига познания. Сборник статей. Москва, 2000, с. 9-18;
9. Deaux К., Emsweller Т., «Explanations of successful performance on sex-linked tasks: What is skill for male is luck for the female», *Journal of Personality and Social Psychology*, 1974, 29: 80-85;
10. Eagly А., Sex differences in social behavior: A social role interpretation (Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum, 1987).

СУЩНОСТЬ КАТЕГОРИИ «СЛЕНГ»: СОЦИОЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ С.Б. ФЛЕКСНЕРА И Э. ПАРТРИДЖА

Г.В. Рябичкина
Астраханский государственный университет

В связи с разработкой теоретических концепций ведущих отечественных и зарубежных социолексикографов (Г. Бауман, Дж.С. Фармер, С.Б. Флекснер, Х.Е. Маркесс, Э. Партридж, Дж.К. Хоттен, В.М. Попов, Г.С. Виноградов, В.А. Тонков и др.) основными вопросами стали, бесспорно, определение понятия «сленг», диапазон подводимых под данный термин и включаемых в данное понятие языковых явлений, происхождение сленга как своеобразной языковой сущности и историю его существования как формы английского языка, социальный статус сленга, отношение к сленгу его носителей, причины употребления сленга в речи и виды сленга. Очевидно, что наиболее значимыми для англоязычной социолексикографии следует признать, в первую очередь,

проблематику, связанную с термином и понятием «slang», а также его функционирование как экзистенциальной формы языка.

Э. Партридж указал на трудности в определении понятия «slang», вызванные отсутствием общепринятой дефиниции этого языкового явления (Partridge 1979). В связи с этим, исследователь отмечал, что термин «slang» в значении «illegitimate colloquial speech» (что можно было бы перевести как «неконвенциональная разговорная речь») вошел в употребление около 1850 г. Наряду с данным термином для обозначения этого же понятия использовались также следующие синонимы: *lingo* – в среде низших классов общества и *argot* – в среде образованных людей.

В 40-70 гг. XX века, по мнению ученого, термин «lingo» обозначал «simplified language» ‘упрощенный язык’ типа *Beach-la-Mar* или *Pidgin English*, которые, в свою очередь, представляют собой искажения английского языка, присущие его цветным и неграмотным носителям. Термин «argot», по его мнению, следует использовать лишь для обозначения французского сленга или арго. Термин «jargon» продолжительный период (с конца 1380-х гг. по начало XX в.) использовался в качестве синонима к термину «slang». Однако автор считает, что им предпочтительнее именовать «the technicalities of science, professions, trades», т.е., в наших терминах, научно-техническую терминологию и профессионализмы, хотя для этого, по его мнению, наиболее адекватен термин «shop».

В 1718-1850 гг. синонимично с термином «slang» использовался термин «flash», но уже с конца XVIII века он стал обозначать «the slang of criminals (i.e. cant)», в наших терминах, криминальный жаргон, охватывающий воровское арго и тюремный жаргон, а для русского языка и советской пенитенциарной действительности – и лагерный жаргон, включая жаргон ГУЛАГА 1937-1953 гг.

До 1850 г. термин «slang» обозначал в англоязычном научном обиходе «vulgar language», т.е. «субстандарт», в широком смысле этого термина, за исключением кэнта.

Э. Партридж проводит четкое разграничение между коллоквиализмами, диалектизмами, вульгаризмами, кэнтом и сленгом как отдельными формами существования субстандартной лексики английского языка, противостоящими его литературному стандарту. В своем отдельном исследовании «Usage and Abusage» (Partridge 1978) исследователь помещает сленг ниже коллоквиализмов, но выше кэнта и не включает в его состав территориальные диалектизмы, а также солецизмы, *illiteracies*, в нашей терминологии, формы внелитературного просторечия – фонетические и грамматические неправильности в речи необразованных или малообразованных людей, элементы пиджин-инглиш, а также все жаргоны (т.е. профессионализмы). Для иллюстрации различий между коллоквиализмами, сленгом и кэнтом автор приводит несколько синонимических рядов к стандартным доминантам; например: “Standard man is colloquial chap and slang bloke or cove or cully or guy or stiff or bozo, of which slang terms the first three were originally cant (Partridge, 1978: 293).

Э. Партридж выделяет «стандартный сленг» (Standard Slang), употребляемый говорящими на стандартном английском языке (Standard English). стандартный сленг противопоставляется профессиональным и групповым формам сленга – «специальным» или «отраслевым сленгам» (special or departmental slangs); при этом последние отделяются от «профессиональных» или «технических жаргонов» (professional or technical jargons) на том основании, что стандартный сленг известен большинству носителей английского языка, в то время как специальные сленги используются только их собственными носителями в соответствующих сообществах.

Характеризуя сленг по отношению к английскому языку в целом, Э. Партридж отметил следующие важные для социолексикографии особенности сленгизмов:

- в социальном плане сленг не принадлежит ни к одному из классов общества, так как он аккумулирует слова и выражения из различных источников, известных большинству людей;

- существует заметное различие в «вульгарности» (vulgarity) сленгизмов; наблюдается тенденция «возвышения» (ennobling) сленгизмов, когда они поднимаются до литературного стандарта; действует и противоположная тенденция «снижения» (descent) лексических единиц литературного стандарта до уровня сленга;

- сленг пополняется внутренними заимствованиями из аргослужащих преступников, а также иноязычными заимствованиями; сленг часто использует эллипсис и сокращение;

- сленг создается любыми общностями, становясь секретным языком, обычно, преступников или бродяг;

- разговорный сленг недолговечен и непригоден в качестве средства интеркоммуникации по причине его локальной и тематической ограниченности.

Рассматривая колониальные разновидности (colonial slangs) британского сленга доминионов (The Dominions Slang), в отличие от британского сленга метрополии, Э. Партридж выделяет индийский, южноафриканский, новозеландский, австралийский и канадский сленги. Для индийского сленга характерны заимствования индийского происхождения, которые стали проникать в английский язык еще со времени царствования Елизаветы I. Их количество постоянно возрастало по мере увеличения числа англичан на индийской службе, как гражданской, так и военной. Южная Африка дважды воздействовала на английский язык – во время бурской и первой мировой войн – в основном, на британский военный сленг. При этом южноафриканский сленг отличается от «африкандеризмов» тем, что он не очень экспрессивен и ярок, не очень остроумен, как, например, канадский или австралийский сленг. Новозеландский сленг сильно подвергается воздействию австралийского сленга, а также языка маори. Во время первой мировой войны новозеландский сленг получил довольно широкое распространение, особенно среди солдат. Австралийский сленг в значительной степени подвергся влиянию американского сленга и кокни, и его состав лишь на 40% собственно

австралийского происхождения, на 35% - кокни и на 25% - американского происхождения. Американскому сленгу свойственна большая открытость к заимствованиям из языков иммигрантов, в частности, идиша, популярность в Великобритании после первой мировой войны; при этом речевое общение американцев характеризуется высокой «коллоквиализацией», «сленгизацией» и даже «вульгаризацией», представляющими собой общую тенденцию развития сленга в современном англоязычном мире.

На американской почве наиболее развернутой и разработанной социолексикологической основой практической и теоретической социолексикографии выступает идеологическое обоснование и сопровождение словаря «Dictionary of American Slang» Г. Уэнтворта и С.Б. Флекснера, которое изложено С. Б. Флекснером во введении к этому словарю (Flexner 1975b: VI-XV).

С.Б. Флекснер уделил особое внимание вопросу о сущности американского сленга как языкового и социального явления. В лингвистическом аспекте исследователь выделяет в лексической системе американского варианта английского языка 5 уровней (levels of vocabulary): 1) стандарт (standard usage), 2) коллоквиализмы (colloquialisms), 3) диалекты (dialects), 4) кэнт, жаргон и арго (cant, jargon, argot), и 5) сленг (slang).

Лексический стандарт включает в себя те общеизвестные слова и выражения, которые употребляются и принимаются большинством американцев при любых условиях и в любой ситуации общения. Этот пласт лексики регистрируется стандартными словарями, в которых слова имеют четкие дефиниции, подаются в общепринятом написании и произношении.

Коллоквиализмы представляют собой фамильярные слова и идиомы, которые используются в неформальном устном и письменном речевом общении, но не являются достаточно уместными для вежливого разговора или деловой переписки. Они понятны и используются подавляющим большинством американцев. Их употребление в живой разговорной речи подчеркивает неформальность и фамильярность обычной ситуации общения. В этой связи автор рассматривает почти все идиоматические выражения в качестве коллоквиализмов.

Диалекты характеризуются исследователем не только на лексическом уровне, но также и в аспекте фонетики и, частично, грамматики, как совокупности слов, идиом, особенностей произношения и речевых привычек, которые свойственны носителям английского языка в определенных географических районах США. Отсюда, диалектизм определяется как «регионализм» (regionalism) или «локализм» (localism); в общепринятом смысле, диалект трактуется в качестве совокупности слов, иностранных акцентов или речевые образцов, которые ассоциируются с любой этнической группой его носителей.

В этом же отношении кэнт, жаргон и арго рассматриваются и определяются автором как слова и выражения, присущие особым группам населения. Здесь кэнтизм представляет собой разговорную, фамильярную идиому, которая понятна только членам специфической группировки людей и

которая используется ими в своей среде, характеризующейся общностью профессии, дела, внепрофессиональных и внеслужебных занятий. Кэнтизмы присущи также сектам, социальным классам, а также группировкам, объединенным одним возрастом, общими интересами или любыми другими содержательными компонентами американской культуры.

В отличие от кэнта, жаргон рассматривается ученым в качестве технического или даже секретного вокабуляра, свойственного одной из подобных группировок людей. В этом смысле жаргон представляет собой узкопрофессиональный язык (shop talk), что, в наших терминах, близко к содержанию понятия лексической системы условно-профессионального языка или профессионализмов.

Арго, в интерпретации С.Б. Флекснера, охватывает, как кэнт, так и жаргон профессиональной криминальной группировки.

Сленг происходит, преимущественно, из кэнта, жаргона и арго и полностью понятен только тем, кто его создает. В этой связи автор приводит перечень 45 субкультурных групп, имеющих свои специфические лексиконы, которые пополняют сленг; основные из них показаны С.Б. Флекснером на схеме 1 (Flexner 1975b: VII), где затемненные зоны свидетельствуют о наложении или взаимопроникновении различных компонентов сленга, который может также переходить и в стандарт.

Схема 1

КОМПОНЕНТЫ АМЕРИКАНСКОГО СЛЕНГА

Каждый из названных выше языковых уровней, или пластов нестандартной лексики более свойственен устной речи, нежели письменной.

Особый интерес для социолексикографического отражения особенностей номинации в дериватологической справке представляет перечень основных способов образования сленгизмов, способов, которые раскрываются в словарных статьях данного словаря, а также даны отдельными приложениями к словнику (Flexner 1975b: 609-655): 1) изменения в значении: генерализация, специализация, метафора, деградация и элевация, 2) изменения в форме: а) удлинение формы слов: словосложение, аффиксация; б) сокращение формы слов: бэк-клиппинг (апокопа), реверсия, фронт-клиппинг (аферезис), апокопо-аферезис, эллипсис, аббревиация и акронимия; 3) изменения в произношении слов; 4) конверсия; 5) иноязычное заимствование; 6) эвфемизация и табуизация; 7) сращение; 8) инновации в посредством «синтетической» и «искусственной» сленгизации; 9) ономотопея, редупликация и рифмование; 10) кодирование и образование «крипто-сленга», 11) новообразования с помощью процессов «бэк-сленгизации» (back-slang) и «поросячьей латыни» (Pig Latin), (12) «омнибус-сленг» и «нонс-сленг».

В данном подходе несомненным шагом вперед следует признать социолингвистическое, социолексикологическое и, отчасти, субстандартно-дериватологическое описание нестандартной лексики и фразеологии, которое исследователь считает необходимым представлять в структуре словарной статьи и раскрывать лексикографическими средствами.

Во вступительной статье «Explanatory notes» к указанному словарю (Flexner 1975a: XVI-XVII) С.Б. Флекснер переходит к непосредственно лексикографическим аспектам описания сленга. Здесь для социолексикографии важны следующие идеи лексикографа относительно составления толкового словаря сленга: 1) предоставление пользователю словаря краткого объяснения той информации, которая может содержаться в полной типовой статье; 2) объяснение принципов отбора материала в словник; 3) раскрытие организации или структуры (pattern) полной типовой словарной статьи; 4) объяснение используемых словарных помет и символов; 5) раскрытие роли приложений.

В полной типовой словарной статье, по мнению С.Б. Флекснера, необходимо представлять следующие данные о сленгизме: 1) объяснить принципы подачи заголовочных слов и выражений, особенно, их графическое оформление и правописание (spelling), поскольку большинство сленгизмов извлекаются из живой разговорной речи и редко встречаются в печатных изданиях; 2) раскрыть последовательность компонентов в словарной статье, в частности: а) место помет, указывающих на табуированность и уничижительность коннотации сленгизмов, б) их частеречную принадлежность; 3) представить и объяснить (в наших терминах) филиацию значений многозначных сленгизмов с указанием (а) исторической последовательности развития этих значений и (б) их дефиниций; 4) привести там, где возможно, по крайней мере, одну паспортизированную цитату из опубликованных источников (с указанием выходных данных источника; при этом цитации из устных, незапортизированных источников должны сводиться к минимуму)

для (а) подтверждения этих дефиниций, (б) иллюстрации употребления сленгизма в данном значении и (в) указания в десятилетиях периода функционирования описываемого сленгизма в указанном значении; 5) раскрывать только «сленговую» этимологию сленгизмов и лишь в тех случаях, когда она отсутствует в толковых словарях литературного стандарта, сама по себе значима и представляет интерес для читателя; 6) указывать возможный источник и дату происхождения сферы сленгизма, его первоначальную группу создателей и носителей, а также сферу его последующего употребления и пик популярности; 7) при необходимости отсылать читателя к приложениям, где более полно раскрыта соответствующая информация и даны дополнительные сленгизмы, не включенные в словник.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Flexner B.S. Explanatory notes // Wentworth H., Flexner B.S. Dictionary of American Slang. Second Supplemented Edition. – New York: Thomas Y. Crowell Publishers, 1975a. – P. XVI-XVII.
2. Flexner B.S. Preface // Wentworth H., Flexner B.S. Dictionary of American Slang. Second Supplemented Edition. – New York: Thomas Y. Crowell Publishers, 1975b. – P. VI-XV.
3. Partridge E. Usage and Abusage. A Guide to Good English. – Harmondsworth: Penguin Books, 1978. – 380 p.
4. Partridge E. A Dictionary of Slang and Unconventional English. In two volumes. Routledge & Kegan Paul. London and Henley, 1979. – Vol. I: The Dictionary. – XVI, 1-974 p. – Vol. II: The Supplement. – X, 975-1528 p.

К АКТУАЛИЗАЦИИ ПРОБЛЕМЫ РИТОРИКИ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Н.В. Сальникова

Ставропольский государственный университет

Языкознание как наука о языке [4] не может одновременно отвечать специфическим потребностям в лингвистическом фундаменте всех нуждающихся в нём наук, чем отчасти объясняется существование многочисленных и зачастую весьма друг на друга непохожих направлений лингвистики.

Потребности общества, удовлетворять которые призвано языкознание и родственные ему дисциплины, весьма многообразны. Среди прочих представляется возможным выделить вопросы, решением которых занимается риторика. На протяжении всей истории своего существования риторика не имела однозначного толкования. Как наука об искусстве правильной речи с целью убеждения она предполагает выявление механизмов воздействия. В отличие от лингвистики риторика имеет дело только с речью, а не с языком.

Н. А. Михайличенко, определяя риторику, ориентирует своих слушателей на публичное выступление: «Риторика — наука о законах подготовки и произнесения публичной речи с целью оказания желаемого воздействия на аудиторию» [20;7]. По мнению же известного ученого Ю. В. Рождественского, такое определение риторики является неполным. Он пишет: «...история риторики есть история стилей жизни. Информационное общество несет новый стиль жизни и требует новой риторики. Стилевая задача новой риторики состоит в понимании и пользовании всеми видами слова, а не только публичной устной речью» [18;8].

А. К. Михальская, разделяя на риторику взгляды Ю.В. Рождественского, дает следующее определение: «Риторика — это теория и мастерство эффективной (целесообразной, воздействующей и гармонизирующей) речи». [21;6].

В определении, данном А. К. Михальской, прочитываются общие задачи риторики. Более конкретно они сформулированы Рождественским: «Первая задача риторики состоит в умении быстро воспринимать речь во всех видах слова и извлекать нужные смыслы для принятия оперативных решений, не давая себя увлечь, сбить на деятельность, невыгодную себе и обществу. Вторая задача риторики есть умение изобретать мысли и действия и облекать их в такую речевую форму, которая отвечает обстоятельствам. Это значит уметь создавать монолог, вести диалог и управлять им, управлять системой речевых коммуникаций в пределах своей компетенции. Обе задачи должны опираться на культуру речи данного общества» [67;8].

В настоящее время риторика традиционно считается частной языковедческой и, по крайней мере, филологической дисциплиной (действительно, едва ли кто-либо станет отрицать наличие теснейшей связи риторики с языкознанием). В этом случае, исходя из данного Ю. В. Рождественским определения прикладного языкознания как «особой научно-практической деятельности, целью которой является усовершенствование языковых контактов в обществе» [54;8], риторику вполне можно отнести к этой области лингвистики.

С другой стороны, несмотря на сложную судьбу, периоды расцвета и заката, и многочисленные «ревизии» дисциплинарной номенклатуры, в результате чего риторика исчезала, возникала вновь или становилась разделом языкознания, лингвистических дисциплин [17;2] или философии, риторика не утратила окончательно своего предмета и заключающейся в нём самостоятельности этой дисциплины. Одновременно, развитие науки о языке дало ей возможность укрепить собственную лингвистическую базу и на таком основании достичь новых теоретических и практических высот.

В отличие от риторики, другие лингвистические дисциплины либо вообще не заявляют о своей ориентированности непосредственно на прогресс в обществе, уделяя основное внимание фундаментальным проблемам (т.е., по существу, вторичным, имеющим ценность лишь постольку, поскольку их решение необходимо для решения проблем, непосредственно связанных с потребностью общества), либо указывают в качестве своей цели на чисто

техническое удовлетворение потребности общества в эффективной коммуникации (лингвосемиотика, лингводидактика и информационное обслуживание [35,8]).

Существует мнение, что теоретические основания науки покоятся не только или даже не столько в лингвистике. Так, Ю. Н. Варзонин вполне убедительно обосновывает точку зрения, согласно которой риторика не является частью лингвистики, но теории коммуникации (впрочем, и лингвистика может быть рассмотрена как область последней) [1]. Так или иначе, допустимым представляется утверждать, что понятийно-терминологический аппарат описания языка в рамках «традиционной» лингвистики не всегда соответствует проблемам, решаемым в рамках риторики, своеобразие описания которой обусловлено ее установкой на развитие языковой (и рефлексивной) способности человека (Так, согласно Ю. Н. Варзонию, «у риторики и лингвистики разный интерес к языку» [101;1]). До сих пор, однако, теоретические разработки дисциплины основывались преимущественно на «традиционно-лингвистическом» фундаменте - разумеется, там, где был необходим именно лингвистический фундамент. Между тем риторика не является чисто прикладной дисциплиной, призванной распространять языковую норму как результат исследований, проводимых в рамках теоретического языкознания.

Современная риторика имеет междисциплинарный характер. Неориторика означает расширение области знаний, подключение многочисленных понятий и сфер деятельности. Ближайшее окружение неориторики составляют логика, философия, герменевтика, поэтика, лингвистика и, прежде всего, лингвистика текста.

Взаимосвязь риторики и лингвистики предполагает «зависимость (и ориентацию) объектов риторики (риторических фигур) от объектов лингвистики (языковых структур)». В современной семиотике под риторикой как раз и понимают правила построения речи на сверхфразовом уровне, законы «поэтической семантики», т.е. типы непрямых (переносных) значений (риторических фигур) и «поэтику текста» (структуру отношений внутритекстовых элементов), включая анализ социального функционирования текстов как целостных знаков [417;5]. Ю.В. Рождественский, говоря «об отношениях риторики к грамматике (или лингвистике)», указывает на то, что «принципом грамматики является выделение и описание тех элементов речи, которые достаточно регулярно и по определенным правилам воспроизводятся (а не производятся) в разных по авторству и аудитории речевых действиях» [105;8]

В современной поэтике и семиотике термин "риторика" употребляется в трех основных значениях: а) лингвистическом - как правила построения речи на сверхфразовом уровне, структура повествования на уровнях выше фразы; б) как дисциплина, изучающая "поэтическую семантику" - типы переносных значений, так называемая "риторика фигур"; в) как "поэтика текста", раздел поэтики, изучающий внутритекстовые отношения и социальное функционирование текстов как целостных семиотических образований.

Рассмотрение риторики в рамках первого и второго значений позволяет проанализировать «материальную» сторону науки. Лингвистика описывает специфические средства, обеспечивающие смысловые установки в речи: лексические, грамматические, синтаксические средства, например, порядок слов в предложении, интонационные средства (для устной речи), особые графические средства — подчеркивания, шрифтовые выделения, пунктуацию (для письменной речи).

Лингвориторические средства— это языковые элементы, прежде всего опорные лексемы, которые репрезентируют частотные концепты, включенные в риторические структуры, а также частные риторические приемы воздействия на реципиента – тропы и фигуры, т.е. изобразительно-выразительные средства.

По мнению А.А. Ворожбитовой, ответ на вопрос о взаимоотношениях лингвистики и современной риторики заключается в органическом синтезе парадигмального характера. Неориторика и лингвистика, таким образом, находятся в отношениях паритетности и взаимодополнительности, что с необходимостью вызывает потребность рассматривать филологические явления и культурологические феномены в рамках синтетической лингвориторической парадигмы. Под последней А.А. Ворожбитова понимает совокупность научных представлений, теоретических установок, терминов, парадигма, порождаемая междисциплинарным синтезом лингвистики и риторики. [9-11;3]

Таким образом, в свете теоретических достижений риторической науки второй половине XX в. риторика предстает претендентом на вакантную роль науки, способной интегрировать на своей основе весь спектр филологических дисциплин. Это обусловлено тем, что она прослеживает глобальный идеоречевой цикл «от мысли к слову», получающий соответствующую рецептивно-герменевтическую обработку.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Варзонин Ю.Н. Когнитивно-коммуникативная модель риторики. АДД, Тверь, 2001.
2. Виноградов В.В. Избранные труды. – М., 1977.
3. Ворожбитова А.А. Теория текста: Антропоцентрическое направление: Учеб. пособие/А.А. Ворожбитова.-Изд.2-е, испр. и доп.-М:Высшая школа,2005
4. Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания: Универсальное, типовое и специфическое. – М., 1992.
5. Лингвистический энциклопедический словарь. - М., 1990.
6. Михальская А.К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике. Учебное пособие для студентов гуманитар. факультетов. - М.: Academia,1996.
7. Михайличенко Н.А. Риторика: учебное пособие для учащихся гимназий, лицеев и школ гуманитарного профиля. - М.: 1994.
8. Рождественский Ю.В. Теория риторики. - М.: Добросвет, 1997.

ГРААЛЬ АМЕРИКАНСКОЙ ПОПУЛЯРНОЙ КУЛЬТУРЫ: ОТ КНИГИ К ФИЛЬМУ И ОБРАТНО

Ю.С. Серенков,

Кузбасская государственная педагогическая академия, г. Новокузнецк.

Первая часть статьи посвящена попытке учета и систематизации форм и содержания креативного реагирования авторов, сотрудничающих в индустрии изданий «пейпербек» (читива, покупаемого, в основном, на полках супермаркетов, а не в книжных магазинах), на запросы «популярного» американского интереса к Артуриане, формируемого экстралитературными медиями – кино, телевидением, радиопередачами, комиксами, детскими играми и прочими потребительскими артефактами. «Популярный» американский интерес к легендам артуровского цикла с 30-х гг. XX века до наступления третьего тысячелетия – это интерес, берущий начало в эпохе активного функционирования «артуровских» молодежных организаций. «Рыцари Короля Артура», как и другие молодежные группы, созданные согласно организационной модели У. Форбуша, стали теми самыми поводами, которые привели массы к пользованию адаптированной и «американизированной» версией легенды; легенды с контаминированной фактографией и, следовательно, перерожденной причинно-следственной структурой; легенды, в которой рыцарский культурный код был подменен кодом «дерзновенных достижений» каждого во славу Америки. Читатели, тем не менее, были воодушевлены на воспроизведение ситуаций этой своей «малой» Артурианы в жизни; они передавали интерес к легенде своим детям.

Формы и очертания этого интереса особенно контурно проступают в избыточно богатой американской популярной литературе 70-90 гг. XX века, в рамках которой удалось еще более «демократизировать» легенду об Артуре, в которой британская, в широком американском понимании, идея врожденной избранности, постепенно разрушаясь, исчезает полностью; ее место занимает идея уникальной ценности и скрытых достоинств любого, даже самого заурядного человека, ядром которой становится американский нобилитет – благородство сугубо нравственного характера, не имеющее отношения ни к физическому совершенству, ни к социальному статусу и, следовательно, всеобщее достижимое.

Диапазон американской популярной литературы об Артуре формируется многими возможными перспективами видения легенды.

Это могут быть историческая, научно-фантастическая, собственно фантастическая (фентези), феминистская, эпическая (полилогии, сериалы), любовно-романтическая, детективная, либо иная перспективы. Если легенда об Артуре используется в детективных произведениях, время действия бывает приближено к американской современности. В подобных рассказах и романах, типичным образом, ведется поиск какого-нибудь легендарного артефакта, подобного Граалю. Примером может служить роман Ричарда Бена Сапира (Richard Ben Sapir) «Поиск» (1987), романа Джеймса Голдмана «Грек и

римлянин» (1974), роман Джеймса П. Блейлока (James P. Blaylock) «Бумажного Грааля» (1991). В последнем романе Грааль – это не сосуд, а японский кроки девятнадцатого века. Куратор музея в Северной Каролине Херолд Бартон открывает тайну «бумажного Грааля» и, в конечном счете, наследует его от Майкла Грэхема (персонаж, схожий по «функции» с Королем—рыбаком) и хранит его далее. Грааль – не единственный загадочный, либо желанный артефакт в произведениях детективного характера. В романе Джо Энн Стэнг (Jo Anne Stang) «Тени на Острове Скипетра» (1980) богатый промышленник сэра Эдмунд Литтел, после того, как он узнает об обнаружении свинцового креста в могиле Артура, вступает в заговор, цель которого – сохранить национальную чистоту Британии во имя короля Артура. В центре повествования романа Элизабет Петерз (Elizabeth Peters) «Камелотские проказы» находится древнее железное кольцо.

Популярная разновидность «романа становления» может быть увидена в повести «Брат Галахаду» (1963) Гвендолин Боуэрз (Gwendolyn Bowers), в котором Хью Аллейнский покидает свой древний замок Браннлир; он едет в Гластонбери, где узнает о том, что приходится родственником Иосифу Аримафейскому; он становится оруженосцем Галахада в поиске Грааля; он становится свидетелем поражения Артура; он осознает, что ему необходимо пуститься в собственный Обетованный Поиск, который приведет его обратно в Аллейн, где он нужен больше всего. Типичны слова Галахада: «К твоему Граалю ведет другая дорога» [Bowers 1963:186], которые эхом звучат в ушах Хью.

В фантастической книжном сериале Памелы Ф. Сервис «Зима волшебного возвращения» (1985), «Волшебство завтрашнего дня» (1987), «Волшебник ветра и камня» (1990) трое подростков помогает Артуру в борьбе за воссоединение враждующих королевств Британии ради войны с Морганой и ее полчищем мутантов-пришельцев. Старейшему Мерлину не удается заглянуть в будущее при помощи Пророчащей Чаши и Моргана заманивает его в ловушку при помощи амулета Хитера; злодейка язвит по поводу его старости, слабости и желания «быть любимым». Мерлин отвечает: «(Волшебное - Ю.С.) могущество – ничто! Оно обтрепалось, стало рассыпающейся в прах реликвией. (...) Твой амулет, моя чаша – это всего лишь вещи, холодные, безжизненные вещи. (...) Самое могучее новое волшебство исходит от людей, а не от вещей» [Service 1990:181-182].

Новаторское использование мотива Обетованного Поиска структурирует сюжет реалистического романа Кэтерин Паттерсон (Katherine Paterson) «Поиск Парка» (Park's Quest, 1988), написанного для юных читателей. Вплетение темы Грааля в сюжет одиссеи юного героя, задавшегося целью постигнуть, во что обошлась Америке война во Вьетнаме и что он, будучи американцем, «наследует» в этой связи.

Систематика «артуровского кино» также представляется проблемой. По замечанию историка американского кино Кевина Дж. Харти, «по крайней мере с 1904 года заглавные фигуры киноиндустрии – и те, что находились перед объективом камеры, и те, что не появлялись в кадре – были связаны с кино об

Артуре» [Harty 1991:XVI]. Просмотренные фильмы и изученная литература вопроса (Connelly, R. *The Motion Picture Guide: Silent Film, 1910-1936*. Chicago: Cinebooks, 1986; Lauritzen, Einar and Gunnar Lundquist. *American Film Index: 1908-1915: Motion Pictures, July 1908 – December 1915*. Stockholm: Film Index, distributed by Akademibokhandeln, University of Stockholm, 1976; Sayre, N. *Running Time: Films of the Cold War*. New York: Dial, 1982; Biskind, P. *Pods, Blobs, and Ideology in American films of the Fifties // Invasion of the Body Snatchers*. Ed. by Al LaValley. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1989. – pp. 185-197; Lacy, N., Ashe, G. *The Arthurian Handbook*. NY.: Garland, 1988; Grellner, A. *Two Films That Sparkle: The Sword in the Stone and Camelot // Cinema Arthuriana: Essays on Arthurian Film*. Ed. by Kevin J. Harty. NY.: Garland, 1991. – pp. 71-81; Umland, Rebecca A., Umland, Samuel J. *The Use of Arthurian Legend in Hollywood Film*. Westport, CT: Greenwood Press, 1996) позволяют систематизировать обильный поток продукции американского кинематографа, имеющего отношение к теме короля Артура и наметить социокультурные тенденции, которые эта продукция отразила. Немая эпоха кино занята воссозданием неамериканской стороны легенды и отражает, во-первых, все еще сильное увлечение «Королевскими идиллиями» А. Теннисона и интерес к религиозно-эзотерическому измерению артуровской традиции. Речь идет о фильмах «Персеваль» (1904, реж. Эдвин С. Портер); «Ланселот и Элейна» (компания «Витаграф», 1909 г., режиссер Чарльз Кент); «Лэди Шалотт» (компания «Витаграф», 1915 г., режиссер С. Джей Уильямс); «Рыцари Квадратного Стола, или Грааль» (компания «Эдисон», 1917 г., режиссер Алан Крослэнд); «Свет во тьме» (продукция Хоуп Хемптон и компании «Эй-Эф-Эн», 1922 г., режиссер Кларенс Л. Браун). В недрах немого кино начинает вызревать интерес к возможностям киноинтерпретации романа-сатиры М. Твена «Янки при дворе короля Артура». Начиная с 1920 года, начинают появляться соответствующие американские фильмы: «Янки при дворе короля Артура» (немой фильм, компания «Фокс», 1920 г., режиссер Эмметт Дж. Флинн); «Янки из Коннектикута» (компания «Фокс», 1931 г., режиссер Дейвид Батлер); «Янки при дворе короля Артура» (киноверсии мюзикла 1949 года, киностудия «Парамоунт», режиссер Тей Гарнетт), «Янки при дворе короля Артура» (1952, «Уэстингхаус Студио I», режиссер Франклин Шафнер) и ряд других. Уже самая первая экранизация романа Твена (режиссер Эмметт Дж. Флинн, 1920 г.) приобретает черты остроумной комедии благодаря многочисленным ссылкам на современность, включая Волстедский Акт, «Тин Лиззиз» и сражение при Аргоне», использование мотоциклов в качестве боевой техники. Субтитры фильма пестрили современным американским сленгом и оборотами разговорной речи. Фильм Дейвида Батлера производства 1931 года (в роли Хэнка – Уилл Роджерс) построен на условностях вестерна, а фильм Тея Гарнетта производства 1949 года создан ради возможности еще раз представить во всей полноте певческого таланта любимчика послевоенной Америки – «крунера» Бинга Кросби, который и сыграл роль коннектикутского янки.

Версию легенды об Артуре, которая была американизирована не только посредством реалий и деталей, но и отражала бы вечные американские

ценности и идеалы (не забывая при этом о специфически американских проблемах непосредственной современности – 50-х гг. XX века) воплотил фильм «Черный рыцарь» (1954, режиссер Тей Гарнетт). Кузнец Джон, любящий графскую дочь Линет, овладевает рыцарскими умениями и принимает облик Черного Рыцаря. Благодаря природным способностям и мечу, который он выковал своими руками, Джон спасает и любимую женщину, и королевство от угрозы иностранной интервенции. За это его посвящают в рыцари и отдают ему в жены Линет, что соотносимо с мотивом американской мечты. Враги королевства – вероломные сарацины, «красная орда» в прямом смысле слова (в массовой сцене разграбления замка в конце фильма они одеты в красные туники) и язычники Корнуолла воплощают в фильме угрозу «другого» мира, который, по умолчанию, был в фильмах 50-х гг. миром коммунизма.

В 60-е и 70-е гг. «аллегорический универсум» легенд артуровского цикла плодотворно использовался американскими создателями мультфильмов и детско-юношеских фильмов и был представлен такими работами, как «Багз Бани при дворе короля Артура» (компания «Чак Джоунз Энтерпрайзиз», 1977 г.); «Меч в камне» (компания «Уолт Дисней Продакшн», 1963 г., режиссер Вольфганг Ритерман); «Неопознанный летающий чудак» (компания «Уолт Дисней Продакшн», 1979 г., режиссер Денис Дуган). Возврат к артуровскому кино начинается в 80-х гг. и продолжается до настоящего времени. «Рыцари на мотоциклах» (компания «Юнайтед Филмз/Лорел Энтертейнмент», 1981 г., режиссер Д. Ромеро), «Артур: Король» (компания «Си-Би-Эс», 1985 г., режиссер Клайв Доннер), «Индиана Джоунз и последний Крестовый поход» (компания «ПарамOUNT», 1989 г., режиссер Стивен Спилберг), «Король-рыбак» (компания «Трай-Стар Пикчерз», 1991 г., режиссер Терри Гиллиам), «Гиневера» (Guinevere, компания «Лайфтайм продакшнз», 1994 г., режиссер Джуд Тейлор), «Первый рыцарь» (компания «Коламбия», 1995 г., режиссер Джерри Зукер), «Мерлин» (телевизионный мини-сериал компании «Эн-Би-Си Ти-Ви», 1998 г., режиссер Стив Бэррон) и другие фильмы нередко демонстрируют артуровскую ценностную парадигму вне узнаваемых атрибутов средневекового Артура. Исследованию трансформации американского нобилитета в идеологии и практиках субкультуры байкеров посвящен фильм «Рыцари на мотоциклах» (Knightriders) Д. Ромеро. «Артуровской» фигурой в фильме является Билли Дейвис (роль исполняет Эд Хэррис); «король» в разноликой труппе профессиональных шоу-мотогонщиков; архетип Морганы воплощен персонажем мужского пола; архетип Ланселота – Аланом, другом Билли и его верным помощником. Кинонарратив Ромеро построен так, что мечта Билли об идеальном сообществе оказывается опороченной и он выбирает героическую гибель, являющуюся, по сути, самоубийством. Американское понимание благородства в зависимости от нравственного, а не общественного статуса, разрабатывается в фильме «Первый рыцарь» (First Knight) Джерри Зукера). Здесь странствующий Ланселот не рожден благородными родителями; эта «недостача» становится причиной его простонародных симпатий. Сюжетная схема фильма, в которой герой низового происхождения поднимается до привилегированного положения в обществе (в данном случае –

до кормила власти в королевстве Артура), совершая поступки, сопряженные с нравственной силой и физическим мужеством, служит красноречивым комментарием по поводу культурных чаяний американской нации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Harty, Kevin J., ed. Cinema Arthuriana: Essays on Arthurian Film. N.Y.: Garland, 1991.
2. Bowers, G. Brother to Galahad. N.Y., 1963.
3. Service, Pamela F. The Magician of Wind and Stone. N.Y., 1990.

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСЕМЫ «СЫН» НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО, РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКОВ.

О.Б. Смирнова

Астраханский государственный университет

В данной статье представлены результаты сравнительно-сопоставительного исследования лексемы «сын» на материале четырех разноструктурных языков. Лексема «сын» входит в состав гендерной оппозиции «сын» - «дочь», изучение которых является одной из актуальных проблем современной лингвистики.

В лексической системе французского языка лексема «*fil*s» представлена только словом *fil*s. Сравнительно-сопоставительный анализ толковых словарей французского языка показал, что в лексикографических источниках лексема «*fil*s» представлена по-разному.

Так, в лексикографическом источнике *Le Robert* основными презентациями слова «*fil*s» во французском языке являются следующие значения:

1. *personne du sex masculin, considérée par rapport à son père et sa mère ou à l'un des deux seulement;*
2. *la deuxième personne de la Trinité*
3. *litter. descendant;*
4. *celui qui a reçu l'héritage spiritual de qqn, qui continue son oeuvre, etc.*
5. *celui qui doit son état à.*
6. *celui qui ne doit sa situation, son état qu'à lui meme, qu'à son travail.*

В толковом словаре *Dictionnaire de L'Académie Française* также представлено 9 значений лексемы «*fil*s»:

1. *être humain de sexe masculin considéré dans son lien de filiation, par rapport à son père et à sa mère, ou à l'un des deux seulement*
2. *en apposition, après un nom de famille, pour distinguer quelqu'un de son père.*
3. *celui que l'on regarde, que l'on aime comme son propre enfant*

4. terme d'affection dont un homme d'âge peut se servir à l'adresse d'un homme plus jeune.
5. titres célèbres.
6. suivi d'un complément déterminatif. Personne de sexe masculin issue d'une lignée, d'une nation, d'une région donnée; descendant.
7. RELIG. Généralement avec une majuscule. Fils unique du Père et deuxième personne de la Trinité.
8. se dit pour exprimer une filiation intellectuelle, morale ou historique
9. RELIG. Membre d'un ordre religieux, relativement au fondateur de cet ordre.

В толковом словаре Dictionnaire du centre national des ressources textuelles et lexicales представлено 14 значений лексемы «fils»:

1. être humain de sexe masculin, considéré par rapport à son père et/ou sa mère.;
2. *Emplois partic. Le fils* + nom patronymique. Le fils de.
3. *RELIGION*. [Gén. avec une majuscule] Jésus-Christ.
4. La seconde personne de la Trinité.
5. Terme d'affection, d'amitié.
6. Petit mâle d'un animal
7. Pousse ou rejet d'une plante, d'une cellule vivante.
8. Descendant.
9. Être humain placé sous la tutelle, la protection d'un maître, d'une institution, d'une entité mythique ou symbolique.
10. **Fils de** + subst. désignant une divinité mythologique.
11. **Fils de** + subst. désignant une entité personnifiée.
12. *En appellatif*. Dans la bouche d'un prêtre
13. *Fils de*. Religieux de (l'ordre de).
14. Disciple par rapport à un maître, à un enseignement.
15. *Au fig.* Œuvre par rapport à son créateur.
16. [Rapport d'origine, de provenance] **Fils de**. Personne native, issue de.
17. Être humain de sexe masculin.

Таким образом, проведя сравнительно-сопоставительный анализ по данным словарей, были сделаны выводы о том, что лексема «fils» представлена во французских лексикографических источниках следующими значениями:

1. одушевленный предмет:
 - а) лицо мужского пола с точки зрения родства:
 - по отношению к своим родителям или по отношению к одному из них;
 - потомок мужского пола;
 - тот, о ком заботятся как о собственном сыне;
 - обозначение родства по отцу (употребляется после фамилии).
 - б) лицо мужского пола с точки зрения преемственности:
 - последователь по отношению к своему наставнику;
 - интеллектуальная, моральная или историческая преемственность.
 - в) лицо мужского пола с точки зрения своего происхождения (место рождения, раса, нация).
 - г) лицо мужского пола, обязанное своим положением кому-либо.

д) лицо мужского пола, находящееся под опекой, защитой какого-либо лица, организации, мифической или символической реальности:

- мифическое божество;
- персонифицированная реальность.

е) лицо мужского пола, принадлежащее какому-либо коллективу

ж) член религиозной общины по отношению к ее основателю.

з) служитель культа, монах.

2. одушевленный предмет – животное:

- детеныш мужского пола.

3. неодушевленный предмет:

- отводок растения, полученный от живой клетки.

4. абстрактный предмет:

- шедевр по отношению к создателю.

5. аппелятив: обращение к

- лицу мужского пола, младшему по возрасту;
- лицу мужского пола (от лица священника).

6. Божественное начало:

- второй персонаж Святой Троицы;
- Иисус Христос.

На материале русского языка лингвокультурный образ «сын» в лексической системе русского языка репрезентируется, словом сын и его словоформами сынок, сынишка, сынуля. В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой слово «сын» толкуется следующим образом:

1. лицо мужского пола по отношению к своим родителям.

2. перен. мужчина как носитель характерных черт своего народа, своей среды.

В толковом словаре Д.Н. Ушакова лексема «сын» получила следующее толкование:

1. лицо мужского пола по отношению к своим родителям;

2. потомок;

3. человек, гражданин как участник или обитатель чего-н., как член какого-н., коллектива.

4. животное – самец как детеныш кого-н.

Таким образом, анализ дефиниций лексемы «сын» в русских словарях показал, что данному слову свойственны следующие значения:

1. одушевленный предмет:

а) лицо мужского пола с точки зрения родства:

- по отношению к своим родителям;
- потомок мужского пола;

б) лицо мужского пола, принадлежащее какому-либо коллективу

в) лицо мужского пола с точки зрения своего происхождения (место рождения, нация и т.д.)

2. одушевленный предмет – животное:

- детеныш мужского пола.

Таким образом, в отличие от лексемы «fils», в дефиниции русского слова «сын» отсутствуют следующие значения:

1. одушевленный предмет:

а) лицо мужского пола с точки зрения родства:

- тот, о ком заботятся как о собственном сыне;
- обозначение родства по отцу (употребляется после фамилии).

б) лицо мужского пола с точки зрения преемственности:

- последователь по отношению к своему наставнику;
- интеллектуальная, моральная или историческая преемственность.

в) лицо мужского пола, обязанное своим положением кому-либо.

г) лицо мужского пола, находящееся под опекой, защитой какого-либо лица, организации, мифической или символической реальности:

- мифическое божество;
- персонифицированная реальность.

д) член религиозной общины по отношению к ее основателю.

е) служитель культа, монах.

2. неодушевленный предмет:

- отводок растения, полученный от живой клетки.

3. абстрактный предмет:

- шедевр по отношению к создателю.

4. аппелятив: обращение к

- лицу мужского пола, младшему по возрасту;
- лицу мужского пола (от лица священника).

5. Божественное начало:

- второй персонаж Святой Троицы;
- Иисус Христос.

В лексической системе английского языка лексема “son” представлена самим словом son.

В ходе исследования были рассмотрены дефиниции лексемы «son», взятые из трех основных толковых словарей: 1. A.S. Hornby Oxford Dictionary of Current English; 2. Collins Cobuild Advances Learner’s English Dictionary; 3. Concise Oxford English Dictionary 11th edition.

A.S. Hornby в своем толковом словаре Oxford Dictionary of Current English толкует лексему «son» следующим образом:

1. male child of a parent;
2. used as a form of address;
3. person having the qualities/those who have inherited something from their ancestors.

В словаре Collins Cobuild Advances Learner’s English Dictionary лексема «son» получила следующее толкование:

1. someone's **son** is their male child.
2. a man, especially a famous man, can be described as a **son** of the place he comes from.
3. some people use **son** as a form of address when they are showing kindness or affection to a boy or a man who is younger than them.

В словаре Concise Oxford English Dictionary 11th edition лексема «son» трактуется следующим образом:

1. a boy or a man in relation to his parents.
2. a male descendant.
3. a man regarded as the product of a particular influence or environment.
4. the second person of the Trinity; Christ.
5. used as a form of address for a boy or younger man.

Таким образом, анализ лексемы «son» в словарях английского языка показал, что данному слову свойственны следующие значения:

1. одушевленный предмет:
 - а) лицо мужского пола с точки зрения родства:
 - по отношению к родителям или по отношению к одному из родителей;
 - потомок мужского пола;
2. абстрактный предмет
 - результат чего-либо;
3. Божественное начало:
 - второй персонаж Святой Троицы;
 - Иисус Христос;
4. аппелятив: обращение к
 - мальчику
 - лицу мужского пола, младшему по возрасту.

Сравнительно-сопоставительный анализ лексем со значением «son» показал, что в английском языке в отличие от французского и русского языков, отсутствуют следующие значения:

1. одушевленный предмет:
 - а) лицо мужского пола с точки зрения родства:
 - тот, о ком заботятся как о собственном сыне;
 - обозначение родства по отцу (употребляется после фамилии).
 - б) лицо мужского пола с точки зрения преемственности:
 - последователь по отношению к своему наставнику;
 - интеллектуальная, моральная или историческая преемственность.
 - в) лицо мужского пола с точки зрения своего происхождения (место рождения, раса, нация).
 - г) лицо мужского пола, обязанное своим положением кому-либо.
 - д) лицо мужского пола, находящееся под опекой, защитой какого-либо лица, организации, мифической или символической реальности:
 - мифическое божество;
 - персонифицированная реальность.
 - е) лицо мужского пола, принадлежащее какому-либо коллективу
 - ж) член религиозной общины по отношению к ее основателю.
 - з) служитель культа, монах.
2. одушевленный предмет – животное:
 - детеныш мужского пола.
3. неодушевленный предмет:
 - отводок растения, полученный от живой клетки.
4. абстрактный предмет:
 - шедевр по отношению к создателю.

5. аппелятив: обращение к

- лицу мужского пола (от лица священника).

В английском языке, в отличие от французского и русского, было зафиксировано следующее значение:

1. аппелятив: обращение к мальчику.

В лексической системе персидского языка лексема «сын» представлена словом پسر. В толковом словаре персидского языка فرهنگ آمین (Толковый словарь Амина) зафиксированы следующие значения словоформы پسر:

1. فرزندان نرینه مقابل دختر, پسران جمع.

Ребенок мужского пола, противопоставление дочери.

В лексической системе персидского языка лексема «پسر» репрезентируется следующими понятиями:

1. одушевленный предмет:

а) лицо мужского пола с точки зрения родства:

- по отношению к своим родителям или по отношению к одному из них.

- потомок мужского пола.

Результаты сравнительно-сопоставительного анализа лексем со значением «сын» в четырех разноструктурных языках зафиксированы в таблице.

Сравнительно-сопоставительный анализ дефиниций лексем «fils», «сын», «son» и «پسر».

Дефиниции, зафиксированные словарем.	Лексема «fils» (французский язык)	Лексема «сын» (русский язык)	Лексема «son» (английский язык)	Лексема «پسر» (персидский язык)
1. одушевленный предмет:				
а) лицо мужского пола с точки зрения родства:				
- по отношению к своим родителям или по отношению к одному из них;	+	+	+	+
- потомок мужского пола;	+	+	+	+
- тот, о ком заботятся как о собственном сыне;	+	-	-	-
- обозначение родства по отцу (употребляется после фамилии).	+	-	-	-
б) лицо мужского пола с точки зрения преемственности:				
- последователь по	+	-	-	-

отношению к своему наставнику;				
интеллектуальная, моральная или историческая преемственность.	+	-	-	-
в) лицо мужского пола с точки зрения своего происхождения (место рождения, раса, нация).				
	+	+	-	-
г) лицо мужского пола, обязанное своим положением кому-либо.				
	+	-	-	-
д) лицо мужского пола, находящееся под опекой, защитой какого-либо лица, организации, мифической или символической реальности:				
- мифическое божество;	+	-	-	-
- персонифицированная реальность.	+	-	-	-
е) лицо мужского пола, принадлежащее какому-либо коллективу:				
	+	+	-	-
ж) член религиозной общины по отношению к ее основателю				
	+	-	-	-
з) служитель культа, монах.				
	+	-	-	-
2. одушевленный предмет – животное:				
- детеныш мужского пола.	+	+	-	-
3. неодушевленный предмет:				
- отводок растения, полученный от живой клетки.	+	-	-	-
4. абстрактный предмет:				
- шедевр по отношению к создателю.	+	-	-	-
- результат чего-либо	-	-	+	-
5. аппелятив: обращение к				
- лицу мужского пола, младшему по возрасту;	+	-	+	-
- лицу мужского пола (от лица священника).	+	-	-	-
- мальчику	-	-	+	-

6. Божественное начало:				
- второй персонаж Святой Троицы;	+	-	+	-
- Иисус Христос.	+	-	+	-

Таким образом, процентное соотношение совпадений по данным четырех языков составляет:

французский язык – 95,2%;

русский язык – 23,8 %;

английский язык – 33,3 %

персидский язык – 9,5 %.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1) совпадения по данным четырех языков, зафиксированы только в следующих двух значениях:

- одушевленный предмет:

а) лицо мужского пола, с точки зрения родства:

- по отношению к своим родителям или по отношению к одному из них;

- потомок мужского пола;

2) совпадения по данным трех языков (французский, русский, английский языки) зафиксированы не были:

3) совпадения по данным двух языков (французский, английский языки) зафиксированы в следующих значениях:

1. аппелятив: обращение к

- лицу мужского пола, младшему по возрасту;

2. Божественное начало:

- второй персонаж Святой Троицы;

- Бог.

4) совпадения по данным двух языков (русский, английский языки) зафиксированы не были.

5) совпадения, отмеченные по данным французского и русского:

1. одушевленный предмет:

а) лицо мужского пола с точки зрения своего происхождения (место рождения, раса, нация).

б) лицо мужского пола, принадлежащее какому-либо коллективу;

2. одушевленный предмет – животное:

- детеныш мужского пола.

Проведенный дефиниционный анализ по данным основных лексикографических источников исследуемых языков показал, что в толковых словарях представлены универсальные черты понятия «сын». Для выявления национально-специфической информации и построения образа «сына» необходимо проанализировать фразеологический уровень французского, русского, английского и персидского языков, так как именно во

фразеологических единицах национальный менталитет находит свое отражение.

ЛИТЕРАТУРА:

1. www.cnrtl.fr, Dictionnaire du centre national des ressources textuelles et lexicales.
2. www.atilf.atilf.fr, Dictionnaire de L'Académie Française.
3. Le Robert, dictionnaire de la langue française, Paris – 2004.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка, М. – 1996.
5. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка, М – 1985.
6. Hornby A.S. Oxford Dictionary of Current English, OUP – 1983.
7. Collins Cobuild Advances Learner's English Dictionary, OUP – 2004.
8. Concise Oxford English Dictionary 11th edition, OUP – 2003.
9. فرهنگ آمین تهران ۱۹۹۶,
9. Tolkoviij slovar' Amina, Tegeran - 1996.

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА СТЕРЕОТИПНОСТЬ ВЕРБАЛЬНЫХ АССОЦИАЦИЙ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Е.В. Старостина

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Исследование вербальных ассоциаций позволяет ответить на многие вопросы, связанные с содержанием и функционированием языкового сознания человека. Во-первых, массовость ассоциативных экспериментов дает возможность построения ассоциативных полей слов-стимулов и выявления ассоциативных норм языка, то есть выделения наиболее частотных, стереотипных реакций на те или иные стимулы. Во-вторых, существует возможность изучения индивидуального ментального лексикона испытуемых.

Одним из вопросов, возникающих перед исследователем вербальных ассоциаций, является вопрос о том, какие именно факторы и каким образом влияют на характер ассоциативного поля, стратегии ассоциативного реагирования испытуемых. Уже доказано, что на характер ассоциаций могут влиять различные факторы, в том числе форма проведения ассоциативного эксперимента (устная или письменная, групповая или индивидуальная), поведение экспериментатора (его индивидуальные характеристики, даваемая им установка), условия проведения эксперимента (место проведения, время) и, наконец, социальные и психологические характеристики испытуемых (пол, возраст, место жительства, уровень образования, социальное положение, индивидуальные психологические особенности, психологическое состояние в момент проведения эксперимента и т.п.) (см. работы Е.И. Горошко, В.Е. Гольдина, А.П. Сдобновой, И.Г. Овчинниковой и других исследователей).

При этом степень влияния перечисленных факторов на характер ассоциаций все еще изучена недостаточно. В настоящем исследовании

изучается влияние на стереотипность ассоциаций таких социальных факторов, как возраст, пол, место жительства и уровень образования испытуемых.

Материалом исследования послужила база ассоциативных реакций, существующая в электронном виде. Объем базы на сегодняшний день составляют 36550 реакций на 100 стимулов, собранных от 730 испытуемых обоего пола в возрасте 16-55 лет, проживающих в г. Саратове и Саратовской области, имеющих разный уровень образования (среднее, среднее специальное, высшее) и разную профессиональную принадлежность. В данном исследовании не использованы данные печатных ассоциативных словарей по той причине, что они не позволяют выделить реакции, данные теми или иными социальными группами испытуемых.

Необходимо отметить, что методы сопоставительного изучения ассоциаций условно можно разделить на качественные и количественные. Выявление степени стереотипности реакций может вестись как качественными, так и количественными методами. В настоящем исследовании использован количественный метод выявления стереотипности ассоциаций испытуемых различных социальных групп с помощью вычисления показателя «ассоциативной силы стимула» (V).

Показатель «ассоциативной силы стимула» был введен И.Г. Овчинниковой и А.С. Штерн [[Овчинникова, Штерн 1989](#)]. Этот показатель определяется как величина, обратная по отношению к показателю энтропии поля (H), вычисляемому по известной формуле К. Шеннона. Большее числовое значение V указывает на бóльшую ассоциативную силу стимула, то есть на бóльшую компактность поля, стереотипность его структуры [Гольдин 2005]. Сложность заключается в том, что сравниваться должны ассоциативные поля одинакового объема, поскольку числовое значение ассоциативной силы стимула напрямую зависит от количества реакций.

Сопоставление реакций испытуемых, проживающих в городской и сельской местности, показало, что в целом реакции жителей сельской местности более стереотипны, чем реакции жителей города. Были проанализированы реакции на 50 стимулов. Из них в 38 случаях более стереотипными оказались реакции жителей сельской местности, в 2 случаях стереотипность была одинаковой (реакции на стимулы «жадный» и «гордый») и 10 случаях более стереотипными оказались реакции жителей города (реакции на стимулы «быстро», «город», «компьютер», «молодой», «муж», «ненавидеть», «плохо», «старик», «старый», «ученик»).

Исследование показало, что уровень образования также оказывает достаточно сильное влияние на стереотипность ассоциативных полей: чем выше уровень образования испытуемых, тем менее стереотипны их ассоциации. Другими словами, самые стереотипные реакции наблюдаются у испытуемых со средним образованием, менее всего стереотипны реакции испытуемых, имеющих высшее образование. Стереотипность испытуемых со средним специальным образованием находится на среднем уровне. В 39 случаях из 50 показатель ассоциативной силы стимула V был наименьшим у испытуемых с высшим образованием, в 7 случаях – у испытуемых со средним специальным

образованием (стимулы «гордый», «думаешь», «зануда», «молодой», «муж», «старик», «ученик»), в 3 случаях – у испытуемых со средним образованием (стимулы «город», «ненавидеть», «тяжелый») и в 1 случае стереотипность реакций была одинакова (реакции на стимул «осень»).

Влияние гендерного фактора на стереотипность реакций проявилось следующим образом: реакции испытуемых женского пола в большинстве своем оказались более стереотипны, чем реакции испытуемых мужского пола. В 34 случаях из 50 стереотипность реакций женщин была выше, в 2 случаях стереотипность была одинаковой (стимулы «город» и «старик») и в 14 случаях более стереотипны были реакции мужчин (стимулы «быстро», «гордый», «государство», «долго», «дружба», «думаешь», «зануда», «классный», «лгать», «муж», «обман», «плохо», «старый», «хлеб»).

Что касается фактора возраста, то сопоставление реакций испытуемых двух возрастных групп показало, что данный фактор оказывает наименьшее влияние на стереотипность реакций, хотя в целом с возрастом стереотипность реакций снижается. Сопоставлялись реакции испытуемых 17-30 лет и 31-45 лет. В 25 случаях из 50 более стереотипными были реакции испытуемых 17-30 лет, в 15 случаях – реакции испытуемых 31-45 лет и в 10 случаях стереотипность была практически одинаковой (стимулы «быстро», «волшебник», «воровать», «дружба», «думаем», «компьютер», «осень», «солдат», «старый», «ученик»).

Обращает на себя внимание тот факт, что часто «выбиваются» из общей тенденции одни и те же стимулы. Например, не соответствует средним показателям стереотипность реакций на стимулы «гордый», «город», «муж», «старик». Возможно, это не случайно и связано с характером самих стимулов.

Полученные нами данные находят подтверждение в работах других исследователей. Так, Т.Ю. Касаткина отмечает, что с возрастом у детей и взрослых стереотипность реакций снижается, а у лиц пожилого возраста наблюдается обратная тенденция: уровень стереотипности реакций пожилых людей выше, чем у молодых [Касаткина 2007].

Ряд исследователей отмечает, что уровень стереотипности реакций у женщин выше, чем у мужчин [Горошко 2003; Касаткина 2007]. Существуют также данные о том, что образовательный уровень испытуемых резко снижает стереотипность их реакций [Горошко 2003].

Результаты исследования еще раз подтверждают необходимость учитывать социальные характеристики испытуемых, принимавших участие в ассоциативных экспериментах, при анализе полученных ассоциаций. Результаты ассоциативного эксперимента отражают не только массовое языковое сознание, но и специфику языкового сознания различных социальных групп испытуемых (лиц разного пола, возраста, уровня образования и места жительства).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гольдин В.Е. К типологии возрастной динамики ассоциативных полей // Язык. Сознание. Культура. Сборник статей / Под ред. Н.В.Уфимцевой, Т.Н.Ушаковой. – М.–Калуга, 2005. – С. 172- 181.

2. Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. Русская ассоциативная лексикография: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – Саратов, 2008.
3. Горошко Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. – М.- Харьков, 2001.
4. Горошко Е.И. Языковое сознание: Гендерная парадигма // Методология современной психолингвистики: Сб. науч. трудов. – М.-Барнаул, 2003.
5. Касаткина Т.Ю. Специфика развития значения слова в геронтогенезе. Автореф. дис. канд. филол. наук. – Ижевск, 2007.
6. Овчинникова И.Г., Штерн А.С. Ассоциативная сила русского слова // Психолингвистические исследования фонетики и лексики. – Калинин, 1989.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЫ

З.Р.Хачмафова

Адыгейский государственный университет, г. Майкоп

Заслуга феминистских исследований состоит «в открытии нового, малоисследованного пласта реальности, в инициативе постановки социокультурных проблем, например, таких как, особенности специфически «женского» менталитета; степень влияния биологических функций женщины на ее социально-экономический статус; конкуренция и сочетание «мужских» и «женских» стереотипов поведения в условиях демократической культуры, специфика «мужского» и «женского» дискурсов, типов «письма» и речи в духовной культуре, обнаружение «мужских» ценностных установок и стереотипов во всех тоталитарных идеологиях» [2; 31].

Научная, исследовательская работа, равно как и практическое феминистское движение, позволили западным ученым-феминистам сформулировать свой теоретический язык, способ говорить о женских (позже гендерных) проблемах, то есть создать свой дискурс [3;179]. Немаловажную роль в общественном сознании играют устойчивые стереотипы женского речевого поведения, относящиеся к так называемой «народной лингвистике». Так, считается, что «женщины болтливы; любят задавать вопросы; переспрашивать; употреблять пустые слова; пристрастны к чрезмерностям в оценках и обращениях; часто не заканчивают свою речь; меньше сквернословят и употребляют грубые, резкие выражения; меньше перебивают; они более вежливы, предпочитают использовать косвенные просьбы, чем приказы и прямые просьбы, чаще употребляют эвфемизмы» [1;91].

Робин Лакофф «Язык и место женщины» [Lakoff, 1975], посвященная особенностям женского речевого поведения, которые автор называет «женским языком» (women's language). По мнению Лакофф, различия в мужском и женском речевом поведении обусловлены различной языковой социализацией девочек и мальчиков, в результате чего формируются специфически женский

(маргинальный) и мужской (доминантный) стили речевого поведения. Основываясь на своих собственных наблюдениях (на материале английского языка), Робин Лакофф описала женский стиль речевого поведения как «дефицитный», добавив тем самым, по мнению американской исследовательницы женской прозы Деборы Кэмерон, к «народнолингвистическим» новые стереотипы женского речевого поведения [4;33].

Так, по мнению Лакофф, речевое поведение женщины отличается неуверенностью, меньшей агрессивностью по сравнению с мужским, большей гуманностью, стремлением к достижению согласия, установлению личного контакта с собеседником. Для вербальной стратегии женщин характерно употребление слов с неточной семантикой, частое употребление эмфазы, различного плана интенсификаторов и модальных частиц, а также склонность женщин к разделительным вопросам и использованию повышающей интонации там, где должна быть понижающая, что придает речи более вежливый оттенок. В целом речь женщин более литературна и корректна, поскольку женщины, по мнению автора, стремятся таким образом повысить свой общественный статус. Р. Лакофф считает, что такое речевое поведение женщины часто приводит к коммуникативным неудачам, так как оно создает впечатление неуверенности и некомпетентности.

Профессор университета г. Констанц (ФРГ) Сента Трёмель-Плётц провела собственные исследования на материале немецкого языка, и также пришла к выводу об ущербности женского речевого поведения и об ограничении прав говорящих женщин, что было отражено сначала в ее обзорной статье «Лингвистика и женский язык» ["Linguistik und Frauensprache", 1978], а затем в книге «Насилие посредством языка» ["Gewalt durch die Sprache", 1984]. В этот период появляется понятие «гендерлект» (по аналогии с диалектом и социолектом), которое предполагает существование особого женского языка с его константными признаками.

Обобщая эти первые исследования женского языка, проведенные лингвистами в 70-х гг. XX в., Ингрид Замель выделяет следующие его характеристики:

1. Словарь женщин содержит в основном слова, связанные с присущей женщинам сферой интересов и деятельности — Kinder, Küche, Kleider.
2. Женщины говорят на слащавом, приукрашенном языке, боясь кого-либо обидеть и проявить грубость.
3. Женщины предпочитают вопросительную интонацию в повествовательных и побудительных предложениях.
4. Стиль женской речи неуверенный, так как женщины часто прибегают к подстраховочным вопросам (Не правдами? Да? Так?), вместо того, чтобы четко формулировать высказывания.
5. Женщины часто употребляют специфические маркеры, ограничивающие поле действия сказанного (ты знаешь, мне кажется, похоже).
6. Женщины часто употребляют эмфатические наречия или интенсификаторы (как мило, действительно мило, так мило).

7. Женщины говорят правильнее мужчин. Их произношение и синтаксис ближе к норме (даже гиперкорректны).

8. Женщины употребляют чрезмерно вежливые формы, меньше ругательств и вульгаризмов. Они не рассказывают анекдотов [6;31].

Что касается ограничений прав женщин в области говорения, то здесь вышеназванные авторы указывают на выявленные ими обстоятельства, что в смешанных группах мужчины говорят чаще, длиннее, в привычном для них темпе, их не перебивают, они говорят на свои темы, контролируют ход разговора, могут высказаться до конца, тогда как женщины не имеют возможности говорить так часто и долго, должны ждать пока получат слово, должны чаще пробиваться через попытки их прервать, должны говорить быстрее, могут довести до конца меньше тем, должны внимательно и одобряюще слушать и не имеют возможности высказаться до конца.

Таким образом, женский стиль речевого поведения в этот период рассматривался как признак бессилия, подчиненного положения, недостаточного самосознания и отвергался как ущербный. Причину всему феминистские авторы видели в ситуации социального неравенства, которая принуждает женщину именно к такому речевому поведению, для преодоления этой дискриминации женщинам предлагалось использовать мужские стратегии коммуникации.

К концу 90-х годов XX века многими исследователями было отвергнуто существование особого женского языка. Как выяснилось, различия мужской и женской речи не столь значительны, не проявляют себя облигаторно в любом речевом акте и не свидетельствуют, что пол является определяющим фактором коммуникации. Поэтому уместнее говорить не об особом гендерлекте, а о некоторых стилистических особенностях мужской и женской речи, тем более, что полученные в большинстве исследований данные, касающиеся характерологических особенностей мужской и женской речи, носят крайне противоречивый характер (зачастую - взаимоисключающий). Тем не менее, речь и пол, конечно, взаимосвязаны. Различия в вербальном поведении человека, обусловленные его полом, проявляются на всех уровнях языка, поэтому можно говорить о мужской и женской моделях вербального поведения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Земская Е.И., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи// Русский язык в его функционировании. Коммуникативнопрагматический аспект. М.: Наука, 1993. С.93-136
2. Соколова Е.Э. Западный феминизм и «женский вопрос» в культурологии: Дис. Канд. Культ. Наук: 24.00.01.- СПб.: гос. Академ. Культуры, 1997.-197с.
3. Трофимова Е.И. Терминологические вопросы в гендерных исследованиях// ОНС: Общественные науки и современность. М., 2002.-№6.С.178-187
4. Cameron D. Feminism & Linguistic Theory. – L.: The Macmillan Press LTD, 1985. -195p.
5. Lakoff R. Language und Womans Place. –N.Y.: Harper and Row, 1975.-85p.

6. Samel I. Einführung in die feministische Sprachwissenschaft. – B.: Erich Schmidt Verlag, 1995.-184 S.

7. Trömel-Plötz S. Linguistik und Frauensprache.// Linguistische Berichte.-1978.-№57-S.49-68

8. Trömel-Plötz S. Gewalt durch die Sprache.// Gewalt durch die Sprache. Die Vergewaltigung von Frauen in Gesprächen./ S. Trömel-Plötz / (Hrsg.).- Frankfurt a. M.: Fischer Taschenbuch, 1984.S.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В СОСТАВЕ РУССКИХ СЛОЖНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫХ КОНСТРУКЦИЙ С СЕМАНТИКОЙ АРГУМЕНТИРОВАННОГО НЕСОГЛАСИЯ

А.Г.Хорошавина

Институт экономики, управления и права, г. Казань

Языковые явления зоны переходности привлекают пристальное внимание исследователей на протяжении нескольких последних десятилетий. Их недостаточная изученность, с одной стороны, и активное функционирование в языке, с другой, стимулируют научный поиск.

К числу таких переходных явлений языка следует отнести различные синтаксические единицы, находящиеся на разных ступенях фразеологизации. Объектом нашего рассмотрения стали русские сложные фразеологизированные конструкции с семантикой аргументированного несогласия, построенные по модели *не + Nп, чтобы (Он не певец, чтобы петь)*.

В составе изучаемых конструкций есть элементы, выполняющие строевую функцию. К числу таковых в препозитивной части, наряду с частицей *не*, относится номинатив, который, являясь именным сказуемым (с нулевой связкой), выполняет предикатную функцию. В позиции предиката обычно выступает субстантивная лексема. Подобная позиция ставит субстантив в ряд семантических предикатов, для которых свойственна функция характеристики субъекта предложения. Исследователями отмечалась семантическая ограниченность субстантива данной модели [Слепцова 1966:278-279; Смирнов 1982:33-41; Хорошавина 1996:100-101]. Семантика модели *не + Nп, чтобы* (невозможность выполнения действия в силу отсутствия у субъекта необходимых для этого качеств) предопределяет использование в позиции *Nп* имени с качественно-оценочным значением. Семантико-грамматическая природа имен качества характеризуется двойственностью. «Это результат взаимодействия категориальных значений качественности и предметности, - указывает Г.А.Золотова [Золотова 1976:133]. Качество присуще предмету, «оно есть признак, характеристика предмета, и поэтому является категорией относительно несамостоятельной, по сравнению с категорией предмета: название предмета может фигурировать в речи-мысли вне связи с названием

качества, название качества вне связи с названием предмета, как правило, не может» [Золотова 1976:133]. Субстантивные лексемы, обслуживающие данную модель, выполняют функцию квалификации. Позиция предиката препозитивной части конструкции является для этого идеальной [Хорошавина 1996].

Следует отметить, что в составе рассматриваемых конструкций в позиции предиката первой части чаще встречаются имена нарицательные. Однако случаи употребления имени собственного в функции предиката первой части конструкции не единичны и потому заслуживают специального рассмотрения. В настоящей статье мы обратимся к изучению вопроса функционирования в составе исследуемой модели отдельной группы имен собственных – антропонимов. В изучаемой фразеомодели имя собственное выступает как выразитель определенных качеств, наличие которых у субъекта отрицается. Важно отметить, что имена собственные, называющие человека, в структуре конструкций *не + Nп, чтобы* неоднородны в плане их контекстуальной зависимости: некоторые из них характеризуются полной контекстуальной зависимостью, другие свободно понимаются вне контекста. Обратимся к примерам:

1. Он *не Мишатка*, чтоб его сдерживать (М.Шолохов).
2. – С *приездом, крестничек!* И долго ж тебя *нелегкая* где-то носила...*Неужели все на каторге?*
- Нет, я уже два года воюю. А ты все на *ичиги денег* жалеешь?
- А ты их считал, *деньги-то мои?* Я ведь *не Сергей Ильич*, чтоб *магазины и паровики* держать. *Всю жизнь горбом хлеб добываю. А тебя я пришел поблагодарить, крестничек!* (К.Седых)
3. – *Прошу избавить меня, господин майор, равно от ваших похвал и откровений. Мы не Дафнис и Меналк*, чтоб вести словесную войну за вопрос кого она любит или не любит. *Только не радуйтесь и вы своим торжеством...*, женщине, изменившей одному, легко изменить другому (А.Бестужев-Марлинский).

Примеры 1 и 2 являют нам случаи полной контекстуальной зависимости семантики предиката, выраженного именем собственным. Понять без контекста такие предложения сложно: в случае с примером 1 – практически невозможно. Второй пример демонстрирует нам случай, когда актуальный смысл лексемы не обнаруживается даже в рамках узкого контекста (под узким контекстом мы понимаем контекст, близлежащий по отношению к данному предложению). Лишь обратившись к тексту всего художественного произведения, можно определить, что персонаж, чье имя употреблено в интересующей нас конструкции, является станичным купцом, самым богатым в округе человеком, имеющим свой магазин. Следовательно, имя собственное употреблено в значении нарицательного ‘богач, купец’. Таким образом, воспринимающий интерпретирует это высказывание как *Я ведь не *богач\купец, чтобы магазины и паровики держать*.

Особенность примера 3 заключается в том, что семантика словосочетания, стоящего в позиции предиката, обнаруживается не из

контекста. Включая эти имена собственные в высказывание, говорящий опирается на фонд общих знаний, имеющихся у лиц определенного круга, сословия. Он уверен, что адресату известна легенда о Дафнисе и Меналке, т.к. он имеет тот же образовательный уровень, обусловленный принадлежностью к дворянскому сословию.

Следует отметить, что говорящим может быть сделана опора на фонд общих знаний, имеющихся у всего социума, у всех носителей языка, а также у отдельных социальных групп. Например:

4. *Я не Сашка или Дунька* *какая-нибудь, чтоб мне его мыть* (Н.Чернышевский).

5. А. *Я эту расческу выбрасываю \ у нее ручка сломалась* || Б. *Погоди* || *Расчесываться же можно* || *Положи куда-нибудь* || А. *Да ну* || *Я же не Плюшкин \ чтоб всякий хлам хранить* (Устная речь).

6. *Он же тебе не ДиДюля \ чтоб на гитаре брэнчать* (Устная речь).

В примере 4 уменьшительно-уничижительные формы имен употреблены в значении эквивалентном 'слуга, служанка, человек, стоящий на самой низкой ступени социальной лестницы'. Носитель русского языка знает, что такие формы имени собственного употреблялись в России представителями высших сословий по отношению к крестьянам, ремесленникам, слугам и т.д., выполняющим обычно тяжелую и грязную работу. В приведенном высказывании говорящий, стремясь отмежеваться от подобного статуса, отрицает и возможность выполнения действия, обозначенного в постпозитивной части, которое, по его мнению, может выполняться лишь лицом с отрицаемым статусом.

В следующем примере (5) для обозначения лица, хранящего ненужные, сломанные, непригодные вещи, используется лексема *Плюшкин*. Говорящий опирается на имеющиеся у адресата представления об известном персонаже гоголевских «Мертвых душ», который, отличаясь крайней скупостью, в беспорядке и без всякой цели собирал и хранил всевозможные ненужные предметы. Стоит сказать, что многие образы классических художественных произведений осмысляются (не без участия школы, критик, СМИ) общественным сознанием как символы. Именно этот процесс лежит в основе перехода имен собственных в нарицательные. Имя собственное перестает обозначать единичный денотат и начинает соотноситься с целым классом однотипных объектов, имеющих те свойства, которые символизирует образ.

Языковая картина мира, как известно, неоднородна в рамках одного социума, поскольку последний представлен различными социальными группами. Справедливо было бы предположить существование в языковой картине мира каждого носителя языка нескольких взаимосвязанных пластов (сегментов): сегмент общенациональной языковой картины мира; элементы языковой картины мира, обусловленные принадлежностью к определенной социальной группе и элементы индивидуальной языковой картины мира. Социальная группа характеризуется определенной общностью эстетических предпочтений, нравственных ценностей, социальных устремлений, что

закономерно находит отражение в языковой картине мира, в психосемантическом пространстве ее носителей.

Обращаясь к примеру 6, отметим, что говорящий не только реализует фрагмент собственной картины мира, но и оценивает принадлежность адресата к той же социальной группе, что и сам, иначе высказывание будет для адресата лишено смысла и, следовательно, не выполнит ту прагматическую функцию, которая нужна говорящему. Автор высказывания уверен, что адресат имеет представление о творчестве музыканта, чей псевдоним использован в функции предиката первой части конструкции. Семантическая корреляция *ДиДюля - брэнчать (на гитаре)*, в которой присутствует стилистически сниженный коррелят *брэнчать* (негативная коннотация) позволяет говорить о том, что имя собственное выступает в данном примере в значении нарицательного, имеющего в семантической структуре семы 'человек, легко зарабатывающий свой хлеб и популярность'; 'бездельник' и т.д. Именно эти семантические признаки оказываются актуализированными в рамках данного высказывания. В таком использовании имени собственного отражаются прежде всего эстетические взгляды говорящего, не считающего творчество этого музыканта серьезным.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что включение антропонимической лексики в изучаемую модель может иметь временное и территориальное ограничения. Это связано с реакцией общественного сознания на те или иные факты культурной и политической жизни общества. Например, появление достаточно частотного в разговорной речи и встречаемого в исследуемой фразеомодели на рубеже XX – XXI веков антропонимического сочетания *мама Чоли* объясняется знакомством российского зрителя (в условиях глубокого кризиса отечественного кинематографа) с продукцией latinoамериканской киноиндустрии. Сериал «Рабыня Изаура» имел широкий резонанс. Однозначные в их нравственной трактовке герои и персонажи сериала были восприняты общественным сознанием как собирательные образы.

7. *Я ж тебе не мама Чоли, чтоб слезы-то утирать* (Устная речь).

Собирательный образ пожилой доброй, всегда готовой утешить няни был популярен и обеспечил антопониму значительную функциональную активность. С течением времени острота общественной реакции на факты культурной жизни снижается, вместе с ней снижается (иногда до нуля) и частотность использования антропонимов, связанных с этими фактами.

Территориальные ограничения на включение антропонимической лексики в изучаемую модель обусловлены тем, что жизнь отдельных населенных пунктов, городов, областей и республик богата политико-экономическими, культурными, спортивными, социальными фактами местного значения. Если они находят отражение (пусть и временное) в общественном сознании микросоциума, то неизбежно займут (хотя бы на время) свое место в языковой картине мира носителей языка, проживающих на этой территории. Однако представителям других микросоциумов семантический объем

языковых единиц, отражающих такие реалии, не всегда будет понятен без дополнительных объяснений.

Подводя итог, заметим, что использование антропонимов в позиции предиката первой части конструкции возможно благодаря стилистическому приему онтономасии. Он предполагает использование имен собственных в функции нарицательных. Отмечаемая семантическая неполноценность имен собственных, выраженная в отсутствии у них социально закрепленной информации, делает возможной актуализацию у этих единиц различных импликациональных сем, основанных на постоянных или случайных ассоциативных связях.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970. – 767 с.
2. Золотова Г.А. О синтаксических свойствах имен качества//Синтаксис и стилистика. – М.: Наука, 1976. – С. 130-159.
3. Слепцова А.М. Наблюдения над фразеологическими связями в предложениях с инфинитивными конструкциями// Уч. зап. МОПИ. – 1966. – Т. 160. – вып. 11. – С.278-279.
4. Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти тт. – М.-Л.: Наука, 1950-1965.
5. Смирнов Г.Н. Сложные предложения типа «не + номинатив..., чтобы»//Переходность в системе сложного предложения современного русского языка. – Казань: Изд-во КГУ, 1982. - С. 33-41.
6. Хорошавина А.Г. Сложные фразеологизированные конструкции с семантикой аргументированного несогласия в современном русском языке: Диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук\ А.Г.Хорошавина. – Казань, 1995.

ХАРАКТЕРИСТИКА КРИПТОКЛАССОВ ЛЕКСЕМЫ *ЗЕМЛЯ/ERDE*

Н.В. Шестеркина, Т. Тумайкина
Мордовский госуниверситет, г. Саранск

Следует сразу оговориться, что в немецком языке лексема *die Erde* практически не обнаруживает отнесенности к большинству выделяемых криптоклассов. Это, возможно, объясняется историческим путем развития древних германцев, культура которых выросла не из земледелия, а военного дела и ремесленничества. Землю наследовал только старший сын, таким образом, большинство населения не было связано с землей, а значит, не имело необходимости наблюдать за ней и категоризовать явления, с ней связанные, в своем сознании и в языке. Совершенно иную картину мы видим, анализируя

языковой материал, связанный с землей в русском языковом сознании. Это криптоклассы:

1. ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ:

1) Криптокласс ЖИВОЕ. В русском языковом сознании за землей закреплены основные свойства живого существа. Такие классификаторы, как **рождать, скордеть (болеть), бежать, дышать, вздыхать** относят анализируемую лексему к данному криптоклассу.

Ср.: **не роди земля!** (в значении «не дай бог!»), **земля не родит** (то есть не дает урожая); **земля заскордела**, потрескалась (Даль); незримо **бежит земля** (Даль); вспаханная **земля** легче **дышит**; мощно **вздыхает** неутомимо творящая **земля** (Горький).

Плодородную землю на Руси называли **живой** или **жирной**. Земля в русском языковом сознании категоризуется как существо, способное поглощать пищу: **земля пропиталась** влагой.

2) Криптокласс ЖИВОЕ ПОДВИЖНОЕ. Свойством любого живого существа является способность реагировать на внешние раздражители, равно как и находиться в состоянии, отличном от состояния покоя, ибо покой в сознании людей часто ассоциируется со смертью. Так, слова **упокоиться, покойник** образованы от слова **покой**, **усопнуть** – от слова **спать**. Земля в русском языковом сознании категоризуется как «не покоящееся», так как обнаруживает способность сочетаться с такими классификаторами, как **дрожать, мерзнуть, крепнуть, зябнуть, отдыхать**.

Ср.: драгун бежит, **земля дрожит** (Даль), **земля замерзла, окрепла** от пропитавшей ее и замерзшей воды; коли **земля не вызябнет**, так и не родит (Даль), ...спит земля, пусть **отдохнет**, пусть (Рождественский).

В немецком языке классификатором, относящем землю к данному криптоклассу, является глагол **schwanken**: sich auf **schwankenden Boden** belegen.

3) Криптокласс ЖИВОЕ ХОДЯЧЕЕ. К данному криптоклассу относятся элементы, обнаруживающие сочетаемость с лексемами, обозначающими способность самостоятельно перемещаться в пространстве. Таким образом, классификаторами данного криптокласса являются лексемы **ходить, уходить, бегать, идти**: **земля ходит** вокруг Солнца; **земля уходит** из под ног; ...и поэтому **земля** эта **идет** в бук (Даль), невидимо **бежит** земля.

В немецком языке выражению «**земля ходит** вокруг Солнца» соответствует «**die Erde kreist** um die Sonne», однако глагол **kreisen** (вращаться) не может служить классификатором для данного криптокласса, так как не предполагает передвижения при помощи конечностей, а отражает особенности передвижения.

4) Криптокласс ЖИВОЕ СМЕРТНОЕ. К данному криптоклассу относятся элементы, категоризуемые как «прекратившие подавать признаки жизни». Однако к нему же могут относиться элементы, категоризуемые как «воскресающие, оживающие». Таким образом, наравне с такими классификаторами, как **спать, мертвый, застыть**; к нему относятся слова **просыпаться, воскресать, оживать**: ...спит земля, пусть отдохнет, пусть (Рождественский), **мертвая** земля; **застыла** Мать-Земля (Иванов); весной

земля **просыпается**; (земля)...никогда уже не **воскреснет**, не **оживет** (Горький) [цит. по: Борискина 2005: 75].

Для немецкого языка подобных классификаторов не обнаружено.

5) Криптокласс ЖИВОЕ ПИТАЮЩЕЕСЯ. Земля в русском языковом сознании категоризуется как «существо, способное принимать пищу», лишь очень ограниченной группой классификаторов, это **пропитаться, впитывать, пить, поглощать**: земля **пропиталась** влагой, земля **впитывает** воду, земля жадно **пьет**, земля **поглотила** влагу, в засуху земля запас **пьет**, все родники оскудевают (Даль).

Материал немецкого языка не дал классификаторов, относящих лексему *die Erde* к данному криптоклассу.

6) Криптокласс ДИКИЙ ЗВЕРЬ. Анализ русского и немецкого языкового материала показал, что ни тот, ни другой язык не категоризует данную лексему как ДИКОГО ЗВЕРЯ.

7) Криптокласс ЧЕЛОВЕК. В русском языковом сознании земля категоризуется как «мыслящее существо» довольно большой группой классификаторов. Такие эпитеты, как **матушка, богатетельница, кормилица, сирота** (без хозяина земля - **сирота**), **вдова** (без царя земля - **вдова**) говорят о том, что люди идентифицировали землю, как равную себе. Классификатор **одеваться** также относит землю к данному криптоклассу, потому что только человек носит искусственный покров: весной земля **одевается** цветами. Адъективный классификатор **голый** (в выражении **голая земля**) также относится к данной группе классификаторов. К этой же группе классификаторов относятся глаголы **принимать, требовать, страшиться, упокоить, помнить**: выпаханная земля **требует** наезма или отдыха; уродила мать, что и земля не **примет** (Даль), ...земля дрожит, может, ее туман **страшит** (Хелависа) (здесь анализируемая лексема находится в объектной позиции); Мать Сыра-Земля, **упокой** меня (народная песня); добрая земля раз назем **примет**, да девять лет потом **помнит** (Даль).

Земле приписываются человеческие качества: **добрая, щедрая**; в немецком языке **unsicher** (sich auf **unsicheren Boden** belegen).

8) Криптокласс ЗВУЧАЩЕЕ. В ходе анализа языкового материала удалось выявить лишь один классификатор, относящий лексему земля к данному криптоклассу – **заглохнуть**: эта земля залегла, **заглохла** (Даль).

2. ФИЗИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ:

1) Криптокласс СТАБИЛЬНОЙ ФОРМЫ. К данному криптоклассу лексему земля /*die Erde* относят классификаторы, категоризирующие ее как «твердое тело». К ним относятся прилагательные **твердый, жесткий, сухой, отброшенный, fest, golden, trocken**: земля **отброшена**, ее не пашут; **сухая земля**; **festen Boden unter den Füßen haben**; Handwerk hat **goldenen Boden**; **trockene Erde**. Глагольными классификаторами, относящими анализируемую лексему к данному криптоклассу, могут служить **оседать, decken, взбухать**: земля **взбухла** горбом; земля **осела** (Даль), jemanden **deckt die kühle Erde**.

2) Криптокласс НЕСТАБИЛЬНОЙ ФОРМЫ. В некоторых примерах лексема земля /*die Erde* в объектной позиции категоризуется как «водное тело»,

обнаруживая способность сочетаться с такими классификаторами, как *захлебнуться/ versinken*: *захлебнуться землей* (Даль), *jemand würde am liebsten in den Boden versinken*. В позиции субъекта данная лексема также обнаруживает отнесенность к данному криптоклассу посредством классификаторов: *брызгать, воглубляться*: заяц побежал, лишь земля из-под ног *брызнула* (Приставкин) [цит.по: Борискина 2005: 74]; *земля подо мною воглубилась* (Даль).

Таким образом, анализ криптоклассов данной лексики показал, что в русском языковом сознании земля категоризуется как ЖИВОЕ, ПОДВИЖНОЕ, ХОДЯЧЕЕ, ПИТАЮЩЕЕСЯ, СМЕРТНОЕ, ЗВУЧАЩЕЕ существо, ЧЕЛОВЕК, СТАБИЛЬНОЙ/ НЕСТАБИЛЬНОЙ ФОРМЫ.

Анализ немецкого языкового материала показал, что данная лексема категоризуется как ПОДВИЖНОЕ, ЧЕЛОВЕК, СТАБИЛЬНОЙ/ НЕСТАБИЛЬНОЙ ФОРМЫ.

Категоризация земли в русском и немецком языках

первостихия криптокласс	<i>земля</i>	<i>die Erde</i>
1 ЖИВОЕ	+	-
2 ЖИВОЕ ПОДВИЖНОЕ	+	+
3 ЖИВОЕ ХОДЯЧЕЕ	+	-
4 ЖИВОЕ СМЕРТНОЕ	+	-
5 ДИКИЙ ЗВЕРЬ	-	-
6 ЖИВОЕ ПИТАЮЩЕЕСЯ	+	-
7 ЧЕЛОВЕК	+	+
8 ЗВУЧАЩЕЕ	+	-
9 СТАБИЛЬНОЙ ФОРМЫ	+	+
10 НЕСТАБИЛЬНОЙ ФОРМЫ	+	+

ЛИТЕРАТУРА:

1. Борискина О. О. Изучаем криптоклассную категоризацию мира в языке // Введение в когнитивную лингвистику: – Кемерово: Кузбассвузиздат. 2005. С. 3 - 96.

К ВОПРОСУ О МАРКЕРАХ КАУЗАТИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

С.В. Шустова

Прикамский социальный институт, г. Пермь

Исследование категории каузативности как лингвистического феномена в разноструктурных языках является одним из важных вопросов общего и сопоставительного языкознания. Лингвистический анализ категории каузативности зависит от всестороннего выявления системных свойств каждого из сопоставляемых языков, а также от использования единого метода лингвистической интерпретации, одних и тех же классификационных критериев и системы теоретических координат.

В славянских языках категория каузативности представлена семантикой определенной части глаголов. В языках, где существует специальный деривационный аффикс, образующий каузативный глагол, категория каузативности представлена наиболее ярко. В македонском языке, например, глаголы с суффиксом *-ос-а/-с-а* обнаруживают в составе соотносительных переходных и непереходных синтаксических структур каузативное или результативное значение: 1) *Тешкиот живот вампираса многу луге* (Тяжелая жизнь ожесточила / сделала жестокими многих людей); 2) *Многу луге се вампирасаа (од тешкиот живот)* (Многие люди ожесточились / сделали (стали) жестокими (от тяжелой жизни)). Каузативное значение македонского глагола с суффиксом *-ос-а вампираса* выражается в русском языке посредством переходного префиксально-суффиксального глагола с суффиксом *-и-* *ожесточить*. Вместо этого глагола может употребляться эквивалентная по значению описательная конструкция с полувспомогательным глаголом *сделать жестоким* [Климонов, Спасов 2006: 48-49].

Продуктивным средством передачи каузативного значения являются в русском языке префиксально-суффиксальные образования с приставками *из-* / *-ис* и *о-* / *-об* и суффиксом *-и-* типа *испепелить* (мак. *пепелоса*) и *обуглить* (мак. *јагленоса*). Используются также описательные конструкции с мотивирующими их именами существительными и прилагательными: *обуглить(ся)* = *превратить(ся) / обратить(ся) в уголь*, *одервенеть* = *стать или сделаться деревянистым*. Для актуализации каузативного значения в русском языке широко используются описательные обороты, в некоторых случаях они являются более употребительными, чем соответствующие им префиксально-суффиксальные глаголы. В македонском языке каузативное значение

выражается в пределах глагольных лексем, т. е. синтетически [Климонов, Спасов 2006: 49-50].

В японском языке для образования каузативного глагола используется уровень спряжения *mizenkei* и окончания *-seru, -saseru*: *tragen: motsu – motaseru*: 3) *Hanako wa Kenji ni kaban o motaseta / Hanako ließ Kenji die Tasche tragen.*; *essen: taberu – tabesaseru*: 4) *musuko ni misoshiru o tabesasete / (Ich) zwang meinen Sohn, die Miosuppe zu essen* [wiki]. К правилам образования каузативного значения в японском языке относятся также следующие: 1) для глаголов *godan: mizenkei -seru* (например, *kaka-seru, tata-seru, yoma-seru*); 2) для глаголов *ichidan: mizenkei -saseru* (например, *mi-saseru, kake-saseru*); 3) для *kahen* глагола *kuru: mizenkei -saseru (ko-saseru)* [www. franklang... 473].

В картвельских языках каузатив исторически выражался префиксом. На определённом этапе развития этих языков основным показателем каузатива должен был быть префикс *a-* (*a-ctevs* – "одевает"). В формах субъективной версии аналогичную роль мог выполнять и префикс *i-* (*i-ctevs* – *одевает(ся) сам себя*). По происхождению префикс *a-* можно увязать с локативным показателем, наличествующим и в переходных (динамических и статических) глаголах. Суффиксы каузативных форм переходного глагола исторически не имели функции каузативных показателей. Их можно квалифицировать как образовательные форманты (тематические показатели) основы настоящего времени. А образование настоящего времени (действительного залога) не зависит от категории каузатива. Категория каузатива с префиксом *a-* в картвельских языках сформировалась раньше, чем действительный залог. Постепенно функцию показателей каузатива взяли на себя суффиксы (те же тематические показатели): *-ev, en-, in-* [Мачавариани 1988: 106-107].

В баскском языке в соответствии с универсально-типологической тенденцией морфологического каузатива архаичный (непродуктивный) префикс каузатива *ra-* образует переходные формы глагола от переходных. Использование их с переходными глаголами, по-видимому, явление вторичное: в сочетании с переходными глаголами префикс каузатива приобрёл общедеривационную функцию и фактически образует новые лексические единицы. Продуктивный глагольный суффикс *-erazi* исходит из архаичного суффикса *ra-*. Данный суффикс передаёт значение каузатива, не имеет общедеривационной функции: он не образует новые лексические единицы. Суффиксальный каузатив образуется от переходных и переходных глаголов и, также как архаичный префиксальный каузатив, образует переходную конструкцию [Стуруа 1998: 84-85].

В турецком языке суффикс *-dür-* превращает переходную основу *öl-* 'умирать' в переходную основу *öl-dür*: 5) *Bill öldü* (Билл умер); 6) *John Bill-i öldürdü* (Джон убил Билла). Суффикс *-dü* указывает на прошедшее время, *-i*, присоединяемое к «целевому имени» *Bill-i*, оформляет объект переходного глагола. 7) *Patlıcan pişiyor* (Баклажан жарится). 8) *Ahmet patlıcanı pisiriyor* (Ахмет жарит баклажан) – суффикс *-ir-* является менее распространенным вариантом каузативного суффикса. Дистрибуция каузативных суффиксов

объясняется не свободным варьированием, а лексической обусловленностью [Лайонз 1978: 374-375].

Индоевропейские каузативы имели в корне гласный *o* (в германском *a*), ударение падало на суффикс. Противопоставление гласного понудительного глагола гласному основному, которому он противостоит, является такой важной характерной чертой образования каузативов, что в отношении глаголов, имеющих в настоящем времени гласный *a*, как, например, гот. *faran* «ехать (в повозке)», для характеристики каузативов стали применять ступень \bar{o} : ср. гот. *forjan* «возить в повозке» [Мейе 2003: 110-111].

Тюркские, иранские, финно-угорские языки, китайский язык и другие языки мира относятся к языкам с морфологическим каузативом. Категория каузативности выделяется и в тех языках, где существует служебный глагол для образования каузативных конструкций и имеется регулярность образования аналитического каузатива (германские и романские языки) [Менчер 1966: 62-68].

В английском языке каузативность формально немаркирована. На лексическом уровне в современном английском языке основными выразителями категории каузативности служат слова и словообразовательные аффиксальные морфемы. Слова, выражающие каузативность, по структуре могут быть непроизводными (*set* ‘устанавливать, приводить в определенное состояние’, *lay* ‘привести в определенное состояние’, *fell* ‘рубить, валить, сбить с ног’, *raise* ‘поднимать’), производными (*soften* ‘смягчать’, *lighten* ‘освещать, светлеть’, *quieten* ‘успокаивать’, *sadden* ‘печалить’, *frighten* ‘пугать’) и сложными (*kidnap* ‘похищать (насильно или обманом кого-либо)’, *overcome* ‘побороть, победить’) [Сымулов 2006: 27].

По мнению М.Г. Сымулова при выражении каузативных значений в современном английском языке активную роль играет конверсия, т. е. переход слов из разряда существительных, прилагательных и других классов в разряд глаголов, влекущих за собой приобретение последними значения каузативности (*to place* ‘помещать, размещать’, *to black* ‘омрачать’, *to empty* ‘опорожнять, осушать’, *to lower* ‘спускать, опускать’) [Сымулов 2006: 27-28]. Исследователь рассматривает аффиксальное словообразование как дополнительный способ выражения каузативности в современном английском языке. По его мнению, данное положение подтверждается тем, что отдельные аффиксально образованные глаголы одновременно выражают и некаузативное, и каузативное значения в зависимости от их синтаксического окружения. Модель S+V глагол выступает как интранзитивно-рефлексивный и некаузативный: 9) *Strong enough when anybody's frightened of him* (Довольно крепкий, когда кто-то боится его). Модель S+V+O получает статус транзитивно-каузативного: 10) *You nearly frightened me* (Ты почти напугал меня). В английском языке актуализация значения каузативности при помощи производных слов, образованных путем прибавления аффиксальных морфем, не является продуктивным [Сымулов 2006: 29]. Аффиксы английского языка могут добавлять к основному лексическому значению слова дополнительный оттенок или значение каузативности: *rich* ‘богатый’—*enrich* ‘обогащать’, *soft* ‘мягкий’—

soften ‘смягчать’, *light* ‘светлый’ – *lighten* ‘светлеть’: 11) *He looked embarrassed. This softened her and after a moment she took up the conversation in the former vein* (Он смутился. Это смягчило ее и через минуту она возобновила разговор с прежним оживлением).

Отдельные аффиксально образованные глаголы в зависимости от синтаксического окружения одновременно могут выражать некаузативное и каузативное значения. Модель S+V демонстрирует интранзитивно-рефлексивную и некаузативную интерпретацию значения глагола. Модель S+V+O – транзитивно-каузативную. 12) *His mood darkened immediately* (Его настроение мгновенно помрачнело). 13) *... so far nothing had happened to weaken or darken his prestige* (... и до сих пор не случилось ничего такого, что могло поколебать его положение или бросить тень на его имя). Данный разряд глаголов может быть представлен также следующими примерами: *enlarge* ‘увеличиваться’ – *enlarge* ‘увеличивать, расширять’, *darken* ‘становится темным’ – *darken* ‘делать темным, омрачать’, *calm* ‘успокаивать(ся)’ – *calm* ‘успокаивать’. Такого рода синтагматическая оппозиция характерна для английского языка. В современном английском языке выражение значения каузативности с помощью аффиксации отсутствует, за исключением небольшой группы адъективных глаголов, например, *to soften* ‘смягчать, смягчаться’, *to enrich* ‘обогащать’, *to strengthen* ‘усиливать, усиливаться’.

Оппозиция некаузативных и каузативных форм является следствием функционального противопоставления каузативных и некаузативных глаголов. Данный тип оппозиции представлен в каждом языке. Однако для разных языков характерно различное соотношение способов выражения этой оппозиции. Общей чертой аналитического каузатива и синтетического каузатива является раздельное выражение каузации и каузируемого действия соответственно в каузативном глаголе.

В немецком языке оппозиция некаузативных и каузативных форм может быть представлена следующими примерами: *(er)blinden* (ослепнуть, потускнеть) – *blenden* (слепить, ослепить); *erschrecken* (испугаться) – *erschrecken* (испугать); *fahren* (ехать) – *führen* (вести, приводить); *fallen* (падать) – *fällen* (валить, срубить); *fließen* (течь) – *(ein)flößen* (вливать, внушать, вселять); *liegen* (лежать, покоиться) – *legen* (класть, положить); *schlafen* (спать) – *einschläfern* (усыплять, убаюкивать, укачивать); *schwanken* (шататься, качаться, колебаться) – *schwenken* (швырять); *schwinden* (убывать, исчезать, уменьшаться) – *verschwenden* (тратить, расточать); *sinken* (падать, опускаться) – *senken* (опускать, наклонять, потуплять); *sitzen* (сидеть) – *setzen* (сажать, посадить, поставить); *springen* (прыгать, скакать) – *sprengen* (подрывать, взрывать); *stehen* (стоять) – *stellen* (ставить, поставить, помещать); *trinken* (пить) – *tränken* (поить); *wachen* (бодрствовать) – *wecken* (раз)будить) [БНРС].

Наличие каузативного значения в немецком языке основывается на общегерманском deverбальном образовании. Например, 1 ряд аблаута (*trank-*) сильного глагола (*trink-*) с суффиксом *-jan-* способствовал образованию формы слабого глагола (*trank-jan*). Тип на *-jan* имеет различное происхождение.

Главным образом здесь встречаются глаголы, производные от имен, как гот. *arbaidjan* «работать» от *arbaiþs* «работа», *daubjan* «убивать» от *daufþs* «смерть» наряду с понудительными глаголами (каузативами), например, гот. *satjan* «усаживать» в отличие от *sitan* «сидеть», *dragkjan* «ноить» в отличие от *dragkan* «нить». Позже исчезнувшее –j- стало следствием наличия умлаута в корне (*tränk-*). Противоположные каузативным образованиям в немецком языке всегда остаются непереходные глаголы. У многих глаголов каузативные и некаузативные формы совпадают (*erschrecken st.V. intrans.: erschrecken sw.V. trans.*) [wiki]. В немецком языке морфологический каузатив не является продуктивной формой. Для актуализации каузативного значения используются либо синтетические каузативы (лексический каузатив), либо операторы каузативной связи *machen, lassen, zwingen, bewirken* и др.

Лексический каузатив представляет значение каузативности основным значением слова, т. е. каузативным глаголом в форме синтетического каузатива, например, в современном английском и немецком языках:

14) *Miss Candleshoe had desired me to invite you to take a glass of wine.*

15) *The person we most like to please is ourselves (Ip).*

16) *... other compensation specialists confirm Mr. Crystal's estimate, give or take a few points.*

17) *One final point: We informed Mr. Quayle in advance that Mr. Curtin would respond to his remarks, and we invited him to stay and listen.*

18) *"They declare democracy, free speech and free press in Russia.*

19) *An opposition coalition claimed victory in Bulgaria's multiparty elections Sunday*

...

20) *Ich habe mich mit Maria immer darüber gestritten, ob der Gott, an den sie glaubt, wohl Feierabend habe, sie behauptete immer, ja, holte das Alte Testament heraus und las mir aus der Schöpfungsgeschichte vor ... (Böll).*

21) *Und es sind nicht nur die äußeren Feinde, die mich bedrohen (Kafka).*

22) *Wollte ich überzeugen, so durfte ich mich nicht auf den Lehrer berufen, der ja nicht hatte überzeugen können (Kafka).*

К каузативным глаголам причисляются глаголы, в лексическом значении которых отражаются причинно-следственные отношения как объект лексической номинации, ср.: *радовать кого-либо* – «каузировать кого-либо радоваться», т. е. должна существовать какая-то причина для радости кого-либо; *заговорить кого-либо* – «каузировать кого-либо быть уставшим от длинных разговоров», т. е. длинные разговоры могут быть причиной усталости кого-либо; *вынудить кого-либо что-либо сделать* – «каузировать кого-либо что-либо сделать, действовать», т. е. понуждение может являться причиной для чьего-либо действия, деятельности и т. п. Изучение данного вида актуализации значения каузативности в немецком и английском языках находится на стадии разработки.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Климона В., Спасов Л. Каузативные и инхоативные структуры в русском языке: о русских соответствиях македонских глаголов с суффиксом –ос–а /

–с–а // Филологические заметки. Филологические студии. Filološke pripombe. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 4. В 2 частях. Часть 2. / Отв. ред. Т.И. Ерофеева, Я. Мойсиева-Гушева, Ж. Кнап. Пермь; Скопье; Любляна: Перм. ун-т. 2006. С. 48-55.

2. Мачавариани Г. Категория каузатива в картвельских языках // Иберийско-кавказское языкознание. Тбилиси, 1988. С.106-107.

3. Мейе А. Основные особенности германской группы языков. Перевод с пятого французского издания Н.А. Сигал. Под ред., с пред. и прим. проф. В.М. Жирмунского. Изд. вт., стер. М.: Едиториал УРСС, 2003. 168 с. (История языков народов Европы).

4. Менчер Э.М. К вопросу о происхождении каузативных глаголов // Уч. зап. Томск. гос. пед. инст. № 59, Томск, 1966. С. 62-68.

5. Стуруа Н. Корреляция каузатива, переходности и порядка слов в баскском // Материалы международного симпозиума (посвящённого 100-летию со дня рождения А.С. Чикобава), Тбилиси, 1998. С. 84-85.

6. Сымулов М.Г. Способы выражения каузативных отношений в разноструктурных языках (на материале английского и чувашского языков). Автореф. дис. ... к. филол. н. Чебоксары, 2005. 25 с.

7. www.franklang.ru/473/

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ:

1. Большой немецко-русский словарь. Сост. Е.И. Лепинг, Н.П. Страхова, Н.И. Филичева, М.Я. Цвиллинг, Р.А. Черфас. Под рук. докт. филол. наук, О.И. Москальской. Издание второе, стереотипное. Т. 1, Т. II. М.: Издательство «Русский язык», 1980. А-К. 760 С., L-Z. 656 С.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ:

БНРС – Большой немецко-русский словарь

Böll – Böll H. Ansichten eines Clowns. Kiepenheuer & Witsch. Köln. 1997. 240 S.

Kafka – Kafka F. Beschreibung eines Kampfes. Novellen, Skizzen, Aphorismen aus dem Nachlaß. Fischer Taschenbuch Verlag. Frankfurt am Mein. 1989. 288 S.

wiki – <http://de.wikipedia.org/wiki/Kausativ>

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ
АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА И МЕТОДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ЦНТПМД)
«ВАВИЛОН»

Центр научно-технического перевода и методической деятельности «Вавилон» приглашает Вас принять участие в подготовке *IV Межвузовского сборника научных трудов по филологии*.

Объем статьи – **5-20** страниц

Правила оформления текста:

*Microsoft Word, Times New Roman, 14 кегль, поля 2,5 см со всех сторон, междустрочный интервал 1,5, абзац 1,25 см, выравнивание текста по ширине, нумерация страниц **ОТСУТСТВУЕТ**.*

Оформление 1 страницы текста:

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

И.О. Фамилия автора(ов), название учреждения, город

Текст текст текст.....

Текст текст текст

Список литературы

- 1.
- 2.
- 3.

Список литературы – в алфавитном порядке. Внутритекстовые сноски: [Догмин 2005:155].

СТАТЬИ, НЕ СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ТРЕБОВАНИЯМ, К ПУБЛИКАЦИИ НЕ ПРИНИМАЮТСЯ.

К статье необходимо приложить сведения об авторе: ФИО, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, почтовый адрес (для рассылки сборника), контактный телефон, адрес электронной почты.

Статьи и сведения об авторе принимаются по электронному адресу vavilon-asu@yandex.ru в виде двух приложений (Сведения об авторе, Статья). В **теме письма** указать **«Сборник по филологии»**

Выпуск сборника планируется в **мае 2009г**. Срок предоставления статей – до **15.03.2009г**

Стоимость публикации – **100 руб** за **1** страницу текста, включая расходы на пересылку сборника.

Оплата производится **ТОЛЬКО** после уведомления автора о включении статьи в сборник.

С наилучшими пожеланиями,
Директор ЦНТПМД «Вавилон»

Рябичкина Г.В.